

ЛАТВІЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ

съ мотивами, извлеченными изъ протоколовъ Комиссіи по
выработкѣ сего Уложения.

(ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ. ПРЕСТУПЛЕНІЯ
РЕЛИГІОЗНЫЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЯ).

Составилъ
П. Н. ЯКОВИ.

ВЫПУСКЪ I.

РИГА 1923
ИЗД. АКЦ. ОБЩ. ВАЛЬТЕРСЪ И РАПА

Главный складъ для западной Европы: Russische Buchhandlung Heinrich Sachs, Berlin, Wilhelmstr. 20.
Главный складъ для / Книжн. маг. „Книга“, МОСКВА, Кузнецкій Мостъ № 12.
Совѣтской Россіи: } Государственное Техническое Издательство, МОСКВА, Маросейка 5.

Склады:

Reval, F. Wassermann
Helsingfors, Akad. Bokhandeln
Ковно, И. Г. Оссовскій
Варшава, Gebethner & Wolff
Paris, Povolozky & Co., Rue
Bonaparte 13
London, Rich. Jaschke, 26 High
Street, Bloombury
Praha, Naša Rječ, Kate-
rinska 40

Софія, Русско - Болгарское
Книгоиздательство ул. 12
Августа 4
Белградъ, „Славянская Ва-
нимость“, Теравія, Bitol-
ska 30
Chisinau (Roumanie),
K. Schechter Pii
Konstantinopol, Librairie
„Russkaja Mysl“, Pera, Place
du Tunnel 2

Владивостокъ, Книжный маг.
Сенкевича, Свѣтланск. ул.
Харбинъ, В. М. Посохинъ, Та-
моженная ул. 18
Toklo, The Russian Far East,
4 Hikewacho Akosaka-ku
New York, Russian Book Co.,
„Moskva“, 324 East 6th Street
City

Проектъ.

Издание неофициальное.

ЛАТВІЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ

съ мотивами, извлеченными изъ протоколовъ Комиссіи по
выработкѣ сего Уложенія.

(ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ. ПРЕСТУПЛЕНІЯ
РЕЛИГИОЗНЫЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЯ).

Составилъ

П. Н. ЯКОВИ.

ВЫПУСКЪ I.

РИГА, 1923.

ИЗДАНИЕ АКЦ. ОБЩ. ВАЛЬТЕРСЪ И РАПА.

Типографія акц. общ. Вальтерсъ и Рапа, Рига, Рѣзницкая ул. 13.

Проектъ Латвійскаго Уголовнаго Уложенія.

ВВЕДЕНІЕ.

Первоначальная Комиссія по пересмотру Уголовнаго Уложенія 1903 г., въ цѣляхъ приспособленія его къ условіямъ современной дѣйствительности*) не задавалась мыслью создать для Латвіи новый, вполне самостоятельно выработанный, Уголовный кодексъ; исходя изъ того соображенія, что Латвійскія судебныя учрежденія въ теченіи трехъ слѣдующихъ лѣтъ примѣняли и продолжаютъ примѣнять русское Уголовное Уложеніе, обнародованное въ 1903 году, со всѣми позднѣйшими къ нему дополненіями, и признавая, что это Уложеніе явилось въ свое время плодомъ ученой творческой работы выдающихся криминалистовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, Комиссія въ основаніе своихъ работъ приняла этотъ кодексъ, какъ въ его общемъ построеніи, такъ и въ редакціи отдѣльныхъ статей. Избѣгая всякихъ отступленій отъ системы Уложенія, Комиссія должна была, однако, сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ условій, требовавшихъ кореннаго пересмотра отдѣльныхъ постановленій. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ условій стоялъ, несомнѣнно, государственный строй Латвійской республики, столь отличный отъ прежняго русскаго и устанавливающій чуждые для составителей русскаго Уложенія принципы политическаго устройства и административной практики. Республиканскій образъ правленія вмѣсто монархическаго, свобода совѣсти вмѣсто принципа государственнаго принужденія въ религіозныхъ вопросахъ, равенство исповѣданій вмѣсто господствующаго положенія православной церкви, уничтоженіе сословнаго общественнаго строя и политическое равенство всѣхъ гражданъ, рядъ гражданскихъ свободъ, иные принципы въ дѣлѣ соціальнаго устройства, въ особенности по вопросамъ законодательства о рабочихъ — всѣ эти ко-

*) См. „Объяснительная Записка къ работамъ по пересмотру Угол. Улож. 1903 г. въ цѣляхъ приспособленія его къ условіямъ современнаго государственнаго строя Латвіи съ текстомъ измѣненныхъ и вновь проектируемыхъ статей, а равно указаніемъ статей исключенныхъ“. Изд. Минист. Юстиціи. Рига, 1921.

ренныя измѣненія должны были быть приняты во вниманіе Комиссіей и повлечь за собою совершенно иную структуру соотвѣтствующихъ отдѣловъ Уложенія, въ особенности касающихся преступленій религіозныхъ, политическихъ, статей о рабочихъ стачкахъ, а также постановленій, посвященныхъ вопросамъ о правопораженіяхъ, связанныхъ съ наказаніемъ.

Вторымъ условіемъ, вліявшимъ на необходимость значительнаго измѣненія прежнихъ нормъ Уложенія являлось совершенно отличное отъ Россіи положеніе Латвіи въ смыслѣ территориальномъ и экономическомъ, а также коренное измѣненіе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обстановки общественно-политической и религіозной, измѣненіе, связанное съ войною и ея послѣдствіями и общее не только для Латвіи, но и для всѣхъ странъ культурнаго міра. Учитывая всѣ эти измѣненія, Комиссія должна была подвергнуть тщательному пересмотру и передѣлкѣ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ вопросамъ жизни общественной, торговой, промышленной и сельско-хозяйственной. Она должна была въ особенности остановиться на тѣхъ видахъ преступныхъ дѣяній, которыя ранѣе, хотя и существовали, но далеко не имѣли той степени распространенности и общественной важности, какъ теперь, напримѣръ — различные виды торговой спекуляціи, совершеніе преступленій по «хулиганскимъ» побужденіямъ, преступныя дѣянія по нарушенію постановленій о воинской повинности, акцизныхъ и др. На ряду съ этимъ, Комиссія, повысивъ во всѣхъ случаяхъ, согласно предуканіямъ Министерства Юстиціи размѣръ положенныхъ за совершеніе разныхъ проступковъ денежныхъ пеней, съ особымъ вниманіемъ отнеслась къ охранѣ сельско-хозяйственныхъ интересовъ мѣстнаго населенія и, поэтому, не только значительно увеличила размѣръ взысканій за всякаго рода потравы, порубки и злонамѣренную порчу или истребленіе чужаго имущества, но и составила новыя, гораздо болѣе подробныя, чѣмъ ранѣе, постановленія, касающіяся похищенія лошадей и крупнаго рогатаго скота, такъ какъ этотъ видъ имущества за послѣдніе годы пріобрѣлъ совершенно исключительное по важности значеніе въ правильномъ строѣ сельско-хозяйственной жизни страны.

Наконецъ, въ силу территориальныхъ условій Латвійской республики, Комиссія измѣнила принятую въ русскомъ Уложеніи лѣстницу наказаній, такъ какъ ранѣе положенная ссылка на поселеніе являлась, очевидно непримѣнимой, а смертная казнь не соотвѣтствовала общимъ принципамъ Латвійскаго государственнаго строя и законодательства.

Что касается до метода работъ Комиссіи, то слѣдуетъ отмѣтить, что, подвергая пересмотру и обсужденію послѣдовательно главы и отдѣльныя статьи Уголовнаго Уложенія, Комиссія должна была принимать въ соображеніе и многочисленныя новеллы русскаго законодательства, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе, тѣ новеллы, изданіе кото-

рыхъ было въ свое время вызвано необходимостью дополнить дѣйствовавшее въ Россіи устарѣлое и несовершенное Уложеніе о наказаніяхъ, такъ какъ Уголовное Уложеніе было примѣняемо въ Россіи лишь въ немногихъ своихъ частяхъ. Комиссіи приходилось также принимать въ соображеніе и законодательные акты Латвійскаго Учредительнаго Собранія, на примѣръ новый брачный законъ и, соотвѣтственно этимъ новелламъ и законамъ измѣнять и дополнять подлежащія статьи Уголовнаго Уложенія.

Поступившій въ Министерство Юстиціи проектъ приспособленнаго къ современнымъ нуждамъ Уголовнаго Уложенія подвергся тщательному обсужденію во вновь образованной въ Министерствѣ въ усиленномъ составѣ Комиссіи изъ представителей Суда, Прокуратуры, Адвокатуры, Науки и отдѣльныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ военнаго и тюремнаго, причемъ новая Комиссія не сочла возможнымъ ограничиться **однимъ приспособленіемъ** Уголовнаго Уложенія 1903 г., къ условіямъ текущей жизни, а нашла нужнымъ дать иное разрѣшеніе вопросамъ теоретическаго характера, **ставъ на путь выработки Латвійскаго Уголовнаго Кодекса на новыхъ началахъ по многимъ вопросамъ**. Такъ напр. 14 и 51 ст. Уголовнаго Уложенія 1903 г. подверглись коренному измѣненію по вопросамъ о дѣйстви Уложенія во времени и о построеніи ученія о соучастіи. Возраженіе о томъ, — что спорность многихъ вопросовъ на практикѣ должна удерживать отъ рѣшительныхъ предѣлокъ Уголовнаго Уложенія тѣмъ болѣе, что таковыя передѣлки повлекутъ за собою дальнѣйшія измѣненія и что такая коренная ломка Уголовнаго Кодекса отодвинетъ выработку Латвійскаго Уголовнаго Кодекса на далекое будущее, какъ то было въ Россіи, когда въ погонѣ за **лучшимъ** откладывалось осуществленіе **хорошаго** на многіе годы, — въ Комиссіи не встрѣтило сочувствія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Положенія общія.

1 *) (1**). Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія.

При обсужденіи первой статьи Комиссія остановилась на примѣчаніи къ таковой, причемъ опредѣлила означенное примѣчаніе исключить на томъ основаніи, что оно было введено въ Уголовное Уложеніе тогда, когда были введены въ дѣйствіе нѣкоторыя главы особенной части Уголовнаго Уложенія и Таможенный Уставъ въ новой редакціи съ ссылкой на Уголовное Уложеніе, при одновременномъ дѣйствіи Улож. о Нак. Тогда была необходимость точно указать, на какіе спеціальныя законы распространяется общая часть Угол. Улож., ибо въ означенныхъ спеціальныхъ уставахъ есть правила, которыя противорѣчатъ общей части Угол. Улож., напр. о совокупности преступленій по Акцизному Уставу и т. д. Нынѣ, когда дѣйствуетъ одно Уголовное Уложеніе, въ примѣчаніи къ первой статьѣ нѣтъ уже надобности, особливо въ виду точнаго смысла четвертой статьи проекта Латвійскаго Угол. Улож.

2 (2). Наказанія опредѣляемыя за преступныя дѣянія, суть :

- 1) заключеніе въ каторжной тюремѣ;
- 2) заключеніе въ долгосрочной тюремѣ;
- 3) заключеніе въ краткосрочной тюремѣ;
- 4) арестъ;
- 5) денежная пеня.

*) Нумерація Латвійскаго Уголовнаго Уложенія.

***) Нумерація Уголовнаго Уложенія 1903 г.

Приступивъ къ своей работѣ по выработкѣ Латвійскаго Уголовнаго Уложенія, Комиссія прежде всего остановилась на лѣстницѣ наказаній, причемъ Комиссіи пришлось разрѣшить вопросъ о примѣнимости гражданскими судами смертной казни, какъ наказанія.

О лѣст-
ниці на-
казаній.

По этому вопросу мнѣнія раздѣлились. Нѣкоторые члены Комиссіи высказались за цѣлесообразность введенія смертной казни, указывая на то, что провозглашеніе принципа отмѣны смертной казни въ дѣйствительности не отмѣняетъ ея въ жизни, такъ какъ военные суды продолжаютъ примѣнять этотъ видъ наказанія; поэтому лучше «снять маску» и открыто ввести въ Уголовное Уложеніе смертную казнь, какъ видъ наказанія. Этотъ видъ наказанія необходимъ для устрашенія особо опасныхъ преступниковъ, какъ то убійцъ, рецидивистовъ, шпіоновъ и др.; разъ государство, призывая въ ряды войскъ лучшихъ гражданъ, вправѣ принести въ жертву ихъ жизнь для защиты отечества, то тѣмъ болѣе оно вправѣ отнять жизнь у особенно вредныхъ преступниковъ и такимъ образомъ защитить отъ ихъ преступныхъ посягательствъ какъ благо всей страны, такъ и блага отдѣльныхъ полезныхъ гражданъ; если признать, что примѣненіе смертной казни, какъ вида наказанія, въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ лишаетъ этотъ видъ наказанія его устрашающаго значенія, то примѣненіе его въ ограниченной мѣрѣ, только въ отношеніи дѣйствительно опасныхъ преступниковъ, можетъ способствовать въ значительной степени ихъ устрашенію, не говоря уже объ изоляціи вредныхъ элементовъ, наконецъ введеніе смертной казни можно было бы, въ цѣляхъ болѣе осмотрительнаго ея примѣненія, обусловить предоставленіемъ суду выбора между этимъ видомъ наказанія или другимъ съ возложеніемъ на судей, постановившихъ такіе приговоры, обязанности присутствовать при исполненіи этихъ приговоровъ.

О смертной
казни.

Однако большинство Комиссіи, возражая противъ введенія смертной казни, какъ вида наказанія, въ свою очередь нашло, что Угол. Уложеніе, какъ кодексъ, создается на многіе годы и предназначается главнымъ образомъ для нормальнаго уклада жизни, поэтому въ немъ не можетъ быть мѣста смертной казни, тѣмъ болѣе, что къ этому виду наказанія наука относится отрицательно и признаетъ его развращающимъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что введеніе смертной казни въ лѣстницу наказаній не будетъ соответствовать духу судебныхъ уставовъ, которыми должны руководствоваться судебныя установленія при примѣненіи нормъ матеріальнаго права, такъ какъ этими уставами установленъ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, что въ частности при примѣненіи смертной казни невозможно. Въ отношеніи особенно опасныхъ преступниковъ смертная казнь, какъ это показываетъ опытъ практики, совершенно не служитъ устрашающей мѣрой воздѣйствія; устанавливать же смертную казнь, какъ способъ изоляціи общества

отъ преступниковъ, нѣтъ особыхъ вѣскихъ причинъ, такъ какъ государство обязано озаботиться устройствомъ такого рода мѣстъ заключенія, которыя бы удовлетворяли въ полной мѣрѣ цѣли изоляціи общества отъ преступнаго элемента.

Проведеніе закономъ въ жизнь правила, что судьи должны присутствовать при исполненіи постановленныхъ ими смертныхъ приговоровъ, повело бы во многихъ случаяхъ именно къ неприсужденію къ этого рода наказанія, въ цѣляхъ уклоненія отъ присутствованія при казни преступника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство Комиссіи не могло не считаться съ тѣмъ положеніемъ, что въ Латвіи дѣйствуютъ законы Временнаго Правительства Россіи, при которомъ смертная казнь была отмѣнена (12 марта 1917 года), по-этому рѣчь можетъ быть **не объ отмѣнѣ, а о введеніи вновь смертной казни.** Изъ статей Угол. Улож. 1903 г., гдѣ устанавливается смертная казнь, только двѣ статьи 100 и 108 могли бы быть примѣнимы къ условіямъ современности Латвіи, но эти случаи въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ всегда могли бы быть, по законамъ исключительнаго порядка и правоохраненія переданы вѣдѣнію военныхъ судовъ. Въ Уголовный же кодексъ Латвіи, создаваемый на много лѣтъ для мирной обстановки, смертная казнь не должна быть введена; отъ такой развращающей нормы слѣдуетъ отказаться.

Въ силу сказаннаго большинство Комиссіи, не принимая на себя починъ введенія въ кодексъ отмѣненной уже смертной казни и предоставляя разрѣшеніе вопроса о такомъ введеніи народнымъ представителямъ, съ своей стороны сочло нужнымъ въ соотвѣтствіи съ правосознаніемъ мирнаго времени, повинуюсь властнымъ велѣніямъ правовой совѣсти, замѣнить въ указанныхъ въ текстѣ Угол. Улож. 1903 г. случаяхъ смертную казнь присужденіемъ къ безсрочному заключенію въ каторжной тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи большинство Комиссіи руководилось слѣдующими соображеніями мотивовъ къ Угол. Улож.: «Въ Уголовномъ Уложеніи, кромѣ срочныхъ, сохранены наказанія безсрочныя въ томъ соображеніи, что чувство состраданія къ преступнику, составляя драгоцѣнное свойство современныхъ кодексовъ, не можетъ, однако, заставить забыть другую столь же важную цѣль уголовного законодательства — охрану общественнаго спокойствія и благосостоянія, охрану отдѣльныхъ членовъ общества отъ тяжкихъ, направленныхъ противъ нихъ злодѣяній, а такая охрана при недопустимости у насъ смертной казни за общія преступленія, едва ли будетъ совмѣстна съ устраненіемъ изъ кодекса безсрочной каторги.»

**Принятые
Комиссіей
виды наказаній.**

Исключая за полной непримѣнимостью въ Латвіи такого рода наказанія, какъ поселеніе, Комиссія основилась на слѣдующей лѣстницѣ наказаній: на заключеніи въ **каторжной, долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ, арестѣ и денежной пенѣ.**

По Уголовному Уложению исчисленные выше виды лишения свободы соответствовали: 1) каторгѣ, 2) заключенію въ исправительномъ домѣ, 3) заключенію въ крѣпости, 4) заключенію въ тюрьмѣ и 5) аресту, отличаясь между собою:

- 1) срокомъ заключенія,
- 2) порядкомъ размѣщенія заключенныхъ (система заключенія одиночная, общая и смѣшанная; разобщеніе на ночь),
- 3) тяжестью, принудительностью, обязательностью и публичностью работы (въ мѣстѣ заключенія или внѣ его),
- 4) размѣромъ вознагражденія, получаемого за работы,
- 5) режимомъ,
- 6) правопораженіями, сопутствующими заключенію.

Всѣ эти данныя подробно были исчислены въ 16—21 ст. ст. Угол. Улож. 1903 г. въ строгомъ соответствіи съ каждымъ видомъ лишения свободы. Такимъ образомъ каждый болѣе строгій видъ заключенія отягчался особыми ограничивавшими свободу и права арестанта условіями.

Присутствовавшіе въ Комиссіи представители Тюремнаго вѣдомства находили при настоящемъ положеніи тюремнаго дѣла въ Латвіи рѣшительно неприемлемыми перечисленные въ Угол. Улож. дѣленія видовъ заключенія. Установить пять различныхъ тюремныхъ режимовъ, по мнѣнію тюремнаго вѣдомства, нынѣ не представляется на практикѣ возможнымъ, и въ ближайшемъ будущемъ нельзя разсчитывать на постройку особыхъ мѣстъ заключенія для различныхъ категорій таковыхъ.

Считая возможнымъ одинъ лишь видъ наказанія, лишеніемъ свободы подъ общимъ наименованіемъ **заключенія**, одинъ изъ представителей тюремнаго вѣдомства допускалъ въ крайности два вида: 1) **заключеніе въ исправительномъ домѣ** и 2) **заключеніе въ тюрьмѣ**, а другой—допускалъ еще **арестъ**, какъ болѣе легкую форму ограниченія свободы.

Комиссія, считаясь съ приведенными соображеніями Тюремнаго вѣдомства, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду систему всего Угол. Улож., остановилась на указанныхъ **трехъ** видахъ тюремнаго заключенія (заключеніе въ **каторжной, долгосрочной и краткосрочной** тюрьмахъ) и арестѣ, какъ пригодныхъ для Латвіи мѣръ лишения свободы, полагая однако возможнымъ дѣленіе тюремъ на долгосрочную и краткосрочную только по времени содержанія, но не отличая ихъ въ смыслѣ режима.

Нѣкоторые члены Комиссіи, однако, не считали нужнымъ измѣнять принятую Угол. Уложеніемъ лѣстницу наказаній въ части, касающейся мѣстъ заключенія, и признавали цѣлесообразнымъ оставленіе, въ качествѣ „custodia honesta“, заключенія въ крѣпости съ установленіемъ въ каждомъ мѣстѣ заключенія особаго режима.

Пятичленное дѣленіе лѣстницы наказаній въ отношеніи лишенія свободы, по мнѣнію упомянутыхъ членовъ Комиссіи, находится въ неразрывной связи со всей системой Уголовнаго Уложенія, отсюда вытекаетъ раздѣленіе преступныхъ дѣяній на различныя категоріи съ условной терминологіей, отсюда же заимствована сравнительная тяжесть наказаній, опредѣленныхъ въ особенной части по отдѣльнымъ преступнымъ дѣяніямъ и усвоенъ переходъ отъ одного наказанія къ другому. Ограничиваясь упоминаніемъ въ лѣстницѣ наказаній, какъ предлагалось, объ одномъ **тюремномъ заключеніи**, таковое все равно приходится подраздѣлять на заключеніе въ **каторжной тюремѣ**, заключеніе въ **долгосрочной тюремѣ** (свыше опредѣленнаго срока) и заключеніе въ **краткосрочной тюремѣ** (до опредѣленнаго срока), изъ которыхъ первые два типа заключенія сопровождаются безусловнымъ правопораженіемъ и другими отягчительными условіями, а третій типъ, кратковременное заключеніе, понимается какъ привилегированный видъ заключенія.*) Такимъ образомъ подъ однимъ названіемъ въ сущности скрываются совершенно различныя виды заключенія и въ терминологіи получается лишь игра словъ. вмѣсто удлиненнаго описательнаго противоположенія одноименныхъ словъ всегда удобнѣе въ техническомъ отношеніи употребленіе въ кодексѣ облеченныхъ въ одно слово различныхъ терминовъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Насколько законодатель придавалъ значеніе разницѣ режима заключеній, видно уже изъ того, что болѣе долговременный напр. арестъ считается легче болѣе кратковременнаго заключенія въ тюремѣ въ низшемъ размѣрѣ. Равнымъ образомъ и заключеніе въ каторжной тюремѣ имѣетъ свое опредѣленное содержаніе, отличающаеся отъ долгосрочной тюрьмы специфически суровымъ режимомъ, соединеннымъ напр. съ наложеніемъ кандаловъ, чего при прочихъ тюремныхъ режимахъ нѣтъ. Нельзя также не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что принятая Угол. Уложеніемъ терминологія вошла въ правосознаніе массъ и отдѣльные виды заключенія дѣйствуютъ соотвѣтственно устрашающимъ образомъ на психологію массъ. Уничтоженіе усвоенной массой терминологіи можетъ быть истолковано какъ пониженіе репрессіи, что было бы крайне нежелательно, принимая во вниманіе значительное пониженіе чувства законности въ массахъ въ связи съ только что пережитой міровой войной и проповѣдью такъ называемаго большевизма.

Указаніе на современное положеніе тюремнаго дѣла въ Латвіи не можетъ быть принято во вниманіе какъ рѣшающій моментъ въ установленіи лѣстницы наказаній, ибо Уголовное Уложеніе, рассчитанное на многіе годы, созидающій нѣкоторый идеалъ, къ которому должна стремиться практика, должно разсчитываться на болѣе благоприятное будущее, когда

*) Относительно неудобства термина „краткосрочная тюрьма“. См. въ объясненіяхъ подъ ст. 53 (55).

возможно будетъ достигнуть улучшенія тюремнаго дѣла. Несомнѣнно далеко время, когда «исправительный домъ» (долгосрочная тюрьма) превратится въ тюремную фабрику съ принудительнымъ трудомъ на пользу общества, противъ котораго посягнулъ заключенный въ немъ, но все же и теперь уже исправительный домъ (долгосрочная тюрьма) имѣетъ свои спеціальныя задачи, отличныя отъ тюрьмы съ ея краткосрочнымъ заключеніемъ. Въ то время, какъ первый видъ заключенія — въ исправительномъ домѣ (долгосрочной тюрьмѣ) долженъ преслѣдовать цѣль исправленія преступниковъ, что достигается продолжительностью срока пребыванія въ мѣстѣ заключенія осужденнаго, приучающагося къ какому нибудь ремеслу благодаря продолжительной работѣ въ общихъ мастерскихъ исправительнаго дома (долгосрочной тюрьмы), кратковременное заключеніе въ тюрьмѣ не можетъ дать этого результата и его назначеніе, — временная изоляція преступника отъ общества, представляется инымъ.

Въ ближайшемъ будущемъ можно разсчитывать на возможность установленія въ мѣстахъ заключенія разныхъ режимовъ, осуществленіе которыхъ на практикѣ, кстати сказать, далеко не такъ сложно, ибо вслѣдствіе широкаго примѣненія на практикѣ вновь изданнаго закона объ условномъ осужденіи, тюрьма окажется значительно менѣе переполненной заключенными въ ней. Всѣ эти соображенія привели нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи къ убѣжденію о нецѣлесообразности коренной ломки Уголовнаго Уложенія, кстати сказать только что изданнаго правительствомъ со всѣми комментаріями, съ постановленіями какового Уложенія практика вполнѣ освоилась. Предлагаемое тюремнымъ вѣдомствомъ такое существенное измѣненіе лѣстницы наказаній сдѣлало бы невозможнымъ, какъ то предполагаетъ правительство, проведеніе въ жизнь общей части Уголовнаго Уложенія ранѣе особенной, пересмотръ которой въ полномъ объемѣ могъ бы только установить правильность новой лѣстницы наказаній.

Переходя къ отдѣльнымъ видамъ наказаній и имѣя въ виду отсутствіе смертной казни въ лѣстницѣ наказаній, Комиссія остановилась на вопросѣ о томъ видѣ наказаній, который бы могъ замѣнить тягчайшія наказанія прежняго типа за тяжкія преступленія, и въ этомъ отношеніи признала необходимымъ оставленіе въ лѣстницѣ наказаній заключенія въ каторжной тюрьмѣ, въ видѣ безсрочнаго или срочнаго (отъ шести до пятнадцати лѣтъ) съ принудительными, особо тяжкими работами. При этомъ Комиссія считала необходимымъ, въ цѣляхъ отягченія режима, въ отличіе отъ прочихъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы, ввести, въ видѣ дополнительной кары содержаніе присужденныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ преступниковъ въ кандалахъ. Такъ какъ означенное содержаніе въ кандалахъ можно разсматривать или какъ дисциплинарную мѣру, завися-
Каторжная тюрьма.
Заключеніе въ кандалы.

шую отъ усмотрѣнія тюремной администраціи или какъ придатокъ наказанія, опредѣляемаго судомъ, то Комиссія сочла необходимымъ точно указать въ законѣ, что содержаніе въ кандалахъ опредѣляется **судомъ** на извѣстный срокъ. Оставить это право исключительно за тюремной администраціей Комиссія не считала возможнымъ, ибо это значило бы присвоить административной власти чисто судебныя функціи. Въ цѣляхъ избѣжанія произвола срокъ содержанія въ кандалахъ былъ опредѣленъ въ размѣрѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до шести лѣтъ. При этомъ Комиссія, считаясь съ тѣмъ, что отъ тюремной администраціи не можетъ быть вовсе отнято право наложенія кандаловъ въ дисциплинарномъ порядкѣ въ случаѣ учиненія заключенными каторжанами напр., буйства, драки и пр., полагала, однако, что правила о семъ, какъ вообще всѣ подробности порядка наложенія и содержанія въ кандалахъ, а равно установленіе самаго типа послѣднихъ должны быть изложены въ особыхъ правилахъ и тюремной инструкціи.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ, проектъ установилъ, что присужденіе къ содержанію въ кандалахъ составляетъ **право**, но не **обязанность суда**. Возражая противъ факультативности заключенія въ кандалахъ противники этого положенія указывали на то, что разъ каторжная тюрьма выдѣлена въ особый типъ мѣста заключенія съ присущимъ ему отягченіемъ участи, то отсюда вытекаетъ необходимость упоминанія въ законѣ объ обязательности наложенія кандаловъ. Такая суровая мѣра существеннымъ образомъ, отличая каторжный режимъ отъ прочихъ тюремныхъ режимовъ, должна исходить изъ обязательнаго **велѣнія закона** и не можетъ зависить отъ усмотрѣнія судей, ложась всей своей отвѣтственностью исключительно на совѣсть послѣднихъ, и преступникъ долженъ знать еще до суда, что за учиненное имъ тяжкое преступленіе **обязательно** ему угрожаетъ заключеніе въ кандалахъ.

Одиночное заключеніе.

По предположеніямъ Комиссіи присужденіе къ каторжной тюрьмѣ сопряжено съ первоначальнымъ содержаніемъ въ одиночномъ заключеніи. Одиночное заключеніе, хотя и является фактически болѣе тяжкимъ наказаніемъ, нежели общее, однако, по мнѣнію большинства Комиссіи, оно должно примѣняться какъ мѣра испытательная, — а именно въ цѣляхъ ознакомленія тюремной администраціи съ характеромъ осужденнаго, а послѣдняго съ правилами и дисциплиной тюрьмы. Одиночное заключеніе вначалѣ необходимо и для того, чтобы осужденный имѣлъ возможность на первое время сосредоточиться и обдумать все случившееся наединѣ и не попадать сразу со скамьи подсудимаго въ среду закоренѣлыхъ преступниковъ. По изложеннымъ соображеніямъ Комиссія рѣшила указать въ законѣ лишь обязательный минимумъ (6 мѣсяцевъ) и допускаемый максимумъ (1 годъ) сроковъ содержанія каторжанъ въ одиноч-

номъ заключеніи, предоставляя такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ значительный просторъ тюремной администраціи.

Каторжане во время ихъ содержанія въ общемъ заключеніи въ свободное отъ работы время и на ночь разобщаются, если имѣются къ тому надлежащіе приспособленія.

Слѣдующимъ отягчительнымъ условіемъ содержанія въ каторжной тюрьмѣ являются принудительныя особо тяжкія работы.

Принудительныя
работы.

Уже создателями Уголовнаго Уложенія указывалось на необходимость послѣдовательнаго и строгаго примѣненія начала обязательности работъ при главнѣйшихъ видахъ заключенія, могущаго устранить то вредное вліяніе наказанія лишеніемъ свободы, которое само по себѣ не только не исправляетъ лицъ, подвергшихся содержанію въ мѣстахъ заключенія, но не рѣдко пріучаетъ ихъ къ праздности и общеніемъ съ преступными элементами окончательно довершаетъ ихъ развращеніе.

«Работа, — говорится въ объяснительной запискѣ къ Угол. Улож., — составляетъ существенный элементъ всякой правильно-организованной системы лишенія свободы, а потому указанія на ея необходимость должны содержаться въ законномъ опредѣленіи каждаго рода наказанія. Введеніе работъ въ мѣстахъ заключенія должно имѣть прежде всего въ виду интересы самихъ заключенныхъ, ихъ **будущую участь**, но также несомнѣнно и то, что введеніе обязательныхъ работъ въ мѣстахъ заключенія имѣетъ огромное значеніе для **поддержанія тюремной дисциплины**, что такая обязательность придаетъ иное **карательное значеніе** самому акту лишенія свободы и что, наконецъ, вопросъ объ обязательности работъ оказываетъ вліяніе и на **финансовую сторону тюремной реформы**.»

Раздѣляя эти соображенія и считая, что облагораживающимъ душу преступника является только **производительный трудъ**, Комиссія полагала необходимымъ введеніе въ каторжныхъ тюрьмахъ отнюдь не принудительнаго безцѣльнаго труда, но такого, который бы, съ одной стороны, оправдалъ самое содержаніе осужденнаго, долженствующаго своею работою принести пользу обществу, на интересы котораго онъ посягнулъ, и до нѣкоторой степени возмѣститъ расходы по своему содержанію, а съ другой стороны, во вторую половину своего содержанія, отработать на свое иждивеніе извѣстную сумму, дабы по окончаніи срока наказанія не увеличить ряды неимущаго пролетаріата, являющагося тяжкимъ бременемъ общественности и государственности.

Не вдаваясь въ подробности опредѣленія рода работъ, долженствующихъ быть указанными въ подлежащихъ законоположеніяхъ о содержащихся подъ стражей и въ тюремныхъ инструкціяхъ, Комиссія высказала лишь пожеланіе объ использованіи каторжнаго труда въ условіяхъ тяжкихъ принудительныхъ общественныхъ работъ. Разруха экономи-

ческой жизни послѣ пережитой войны и внутреннихъ смутъ, въ условіяхъ возрастанія дороговизны рабочихъ рукъ, еще больше подсказываетъ необходимость использованія для общественныхъ и государственныхъ нуждъ принудительнаго каторжнаго труда особенно тамъ, гдѣ онъ можетъ вредно отразиться на здоровьи честнаго труженника.

«Основнымъ элементомъ каторги, — говорится въ мотивахъ Угол. Улож., — признаются обязательныя тяжкія работы и при томъ какъ внутри помѣщенія, такъ и внѣ онаго, причемъ съ выраженіемъ «тяжкая работа» отнюдь не соединяется понятіе о трудѣ непроеизводительномъ, а потому крайне удручающемъ нравственно арестанта, или о трудѣ чрезъ мѣру изнурительномъ, разстраивающемъ его здоровье; напротивъ того, этой характеристикой работъ указывается то, что арестанты этой группы по преимуществу будутъ употребляемы на работы, требующія значительнаго напряженія физическихъ силъ, каковы напр. работы рудниковыя, а равно, что самое число рабочихъ часовъ для каторжанъ должно быть сравнительно большее, а число свободныхъ или праздничныхъ дней, наоборотъ, сравнительно меньшее, чѣмъ для арестованныхъ другихъ категорій.»

Эти соображенія, по мнѣнію Комиссіи, и должны быть приняты во вниманіе при проведеніи въ жизнь каторжнаго режима.

Указанныя тяжкія общественныя работы всегда найдутся и имѣются и на нихъ нерѣдко посылали солдатъ. Правда указываютъ, что трудъ каторжанъ непроеизводителенъ, вслѣдствіе слишкомъ недобросовѣстнаго къ нему отношенія заключенныхъ, но здѣсь можно указать, что въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ съ этимъ успѣшно боролись путемъ ограниченія въ пищу нерадивыхъ заключенныхъ. Комиссія полагаетъ, что организациі тюремныхъ работъ и использованію принудительнаго каторжнаго труда для общественныхъ и государственныхъ нуждъ необходимо удѣлить особое вниманіе, это поможетъ намъ въ борьбѣ съ экономическимъ кризисомъ страны. Каторжный трудъ могъ бы помочь въ дѣлѣ удешевленія типографическихъ работъ, въ дѣлѣ изготовленія обуви для служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ, нуждающихся въ натураліяхъ и т. д.

Опредѣленные каторжанамъ тяжкія принудительныя работы могутъ быть производимы какъ въ мѣстѣ заключенія, такъ и внѣ его, но женщины, согласно мнѣнію большинства Комиссіи, могутъ быть подвергнуты наружнымъ работамъ лишь съ ихъ согласія. Независимо отъ сего для каторжанъ, какъ лицъ, совершившихъ тяжкія преступленія, закономъ установлены особыя ограничительныя правила по примѣненію къ нимъ досрочнаго освобожденія отъ наказанія (20 (23) ст.) и условнаго осужденія (21 ст.), а равно въ вопросѣ о правопораженіи (29 (31) ст.), о чемъ будетъ сказано ниже въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ.

Какъ уже упоминалось, вторымъ типомъ лишенія свободы по тяжести режима является долгосрочная тюрьма, характеризующаяся организаціей въ широкомъ масштабѣ общей арестантской работы, долженствующей, въ виду продолжительности заключенія, отъ полутора до шести лѣтъ приучить къ труду и обучить заключеннаго какому-нибудь ремеслу. Работы могутъ, въ видѣ общаго правила, происходить какъ внутри, такъ и внѣ мѣста заключенія, съ исключеніемъ для женщинъ, которыя могутъ быть обращены къ наружнымъ работамъ лишь съ ихъ согласія. По мнѣнію одного члена Комиссіи, на женщинъ надлежитъ распространить въ равной мѣрѣ обязательную работу внѣ долгосрочной тюрьмы, отнеся опредѣленіе характера работъ къ постановленіямъ тюремной инструкціи.

Долгосрочная
тюрьма.

Въ сравненіи съ краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ заключеніе въ долгосрочной тюрьмѣ предполагаетъ болѣе продолжительное время содержанія въ одиночномъ заключеніи (отъ 3 до 6 мѣсяцевъ) и сопровождается болѣе тяжкими условіями при примѣненіи къ заключеннымъ досрочнаго освобожденія (ст. 20). Присужденіе къ долгосрочной тюрьмѣ сопряжено съ обязательнымъ правопораженіемъ во всѣхъ случаяхъ осужденія. При этомъ на присужденныхъ къ этому роду заключенія не распространяется условное осужденіе.

Въ цѣляхъ сокращенія различныхъ видовъ заключенія, Комиссія, въ согласіи съ указаніями тюремнаго вѣдомства на неосуществимость при нынѣшнемъ состояніи тюремнаго дѣла въ Латвіи особаго крѣпостнаго режима, изъяла изъ лѣстницы наказаній этотъ видъ лишенія свободы. Противъ этого возражали нѣкоторые члены комиссіи, указывая, что на практикѣ встрѣчаются случаи, когда необходима не столько кара, предполагающая исправленіе преступника, сколько простая изоляція его отъ общества. Этой задачѣ удовлетворяетъ содержаніе въ крѣпости, являющейся какъ бы гражданскимъ плѣномъ.

Крѣпость.

«Несомнѣнно, — говорится въ мотивахъ къ Уголовному Уложенію, — существуютъ цѣлые разряды преступныхъ дѣяній, не указывающихъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ учинившихъ, а сихъ, послѣднихъ, несправедливо было бы смѣшивать съ общими преступниками.» «Заключеніе въ крѣпости, — какъ справедливо указываютъ составители Уголовнаго Уложенія, — назначается за такіа преступныя дѣянія, которыя, хотя и являются тяжкими нарушеніями закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а болѣе свидѣтельствуютъ объ его неумѣнн подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона».

Съ отмѣною ссылки на поселеніе, назначавшейся «единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нрав-

ственности, а истекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ, или фанатизма» для заключенія въ крѣпость, по мнѣнію тѣхъ же членовъ Комиссіи, открывается еще большее основаніе, ибо крѣпость назначается именно за дѣянія, учиненныя по тѣмъ же мотивамъ.

По характеру преступленій, за которыя опредѣлена крѣпость, таковыя являются по преимуществу преступленіями, учиненными интеллигентными слоями населенія, для которыхъ особенно тяжко является лишеніе свободы въ условіяхъ отказа въ культурныхъ удобствахъ. Съ отмѣною социальнаго неравенства нельзя, однако, не считаться съ образовательнымъ и воспитательнымъ уровнемъ преступника, заставляющаго особенно болѣзненно переживать тюремный режимъ, который въ данномъ случаѣ какъ бы является двойнымъ наказаніемъ.

Возраженію представителя Тюремнаго Вѣдомства объ отсутствіи нынѣ крѣпостныхъ помѣщеній указанные члены Комиссіи не сочли возможнымъ предать рѣшающее значеніе, такъ какъ Военнымъ Вѣдомствомъ именно расширяется по проекту Воинскаго Устава примѣненіе крѣпостного заключенія и проектъ этотъ уже принятъ совѣтомъ обороны, вслѣдствіе чего есть основаніе предполагать, что заключеніе въ крѣпость получить въ ближайшемъ будущемъ широкое примѣненіе и Правительство приметъ мѣры къ устройству надлежащихъ помѣщеній. Отнимать лишнюю возможность гражданскому суду въ выборѣ наказаній не приходится. Если же въ крѣпости въ ближайшемъ будущемъ не окажется мѣста, то суду открывается возможность замѣнить ее одиночнымъ заключеніемъ при тюрьмѣ. Заключеніе въ крѣпость, опредѣляемое на срокъ отъ двухъ недѣль до шести лѣтъ, какъ мѣра исключительная, какъ „custodia honesta“, въ порядкѣ смягченія не должна быть замѣняема другимъ видомъ заключенія, напр. арестомъ въ порядкѣ 51 (53) ст. Угол. Улож.

Приговоренные должны содержаться по общему правилу въ общемъ заключеніи, что не должно возбранять, по просьбѣ заключеннаго отбытіе имъ заключенія и въ одиночномъ помѣщеніи, если таковое имѣется. Это условіе не должно быть внесено однако въ законъ, дабы не связать начальство крѣпости требованіемъ, въ силу закона, отвода одиночнаго помѣщенія. На крѣпостниковъ не должно распространяться, какъ въ другихъ мѣстахъ заключенія, правила объ обязательномъ разобшеніи на ночь.

Въ согласіи съ мотивами составителей Угол. Улож. (стр. 66—67 коммент. Угол. Улож. изд. 1922 г.) крѣпостники должны быть освобождены отъ обязанности работъ въ крѣпости, какъ лица, главнымъ образомъ, привыкшія къ умственному труду. При этомъ, какъ то предполагалъ проектъ редакціонной Комиссіи къ Угол. Улож. (ст. 16) весь чистый доходъ отъ добровольныхъ работъ долженъ обращаться въ пользу заключеннаго въ крѣпости.

Такъ какъ заключеніе въ крѣпости главнымъ образомъ примѣняется къ идейнымъ политическимъ преступникамъ, ожидать отъ которыхъ исправленія съ точки зрѣнія государства невозможно, то къ нимъ, какъ идейнымъ противникамъ государственнаго порядка, непримѣнимо досрочное освобожденіе, относящееся къ исправительнымъ наказаніямъ. Равнымъ образомъ на крѣпостниковъ не можетъ распространяться и условное осужденіе.

На пораженіе въ правахъ содержаніе въ крѣпости не должно вліять.

При обсужденіи слѣдующаго вида лишенія свободы — краткосрочнаго тюремнаго заключенія — большинство Комиссіи сочло необходимымъ принять одиночное заключеніе какъ мѣру испытательную, опредѣливъ ее срокомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ съ переводомъ затѣмъ въ общую камеру. Комиссія высказалась за пониженіе срока испытательнаго одиночнаго заключенія для тюремныхъ сидѣльцевъ, полагая въ общемъ правилѣ одиночное заключеніе болѣе тяжкимъ, чѣмъ содержаніе въ общей камерѣ. Между прочимъ было отмѣчено, что по наблюденіямъ практики большинство арестантовъ, особенно изъ простолюдиновъ, просится въ общія камеры. Одиночное заключеніе предпочитается интеллигентными заключенными, и то это одиночное заключеніе сравнительно легко переносится лишь въ короткое время, но при продолжительности оно является мукой.

Кратко-
срочная
тюрьма.

Одиночное
заключеніе.

Срокъ тюремнаго заключенія былъ повышенъ Комиссіей до полутора лѣтъ для того, чтобы переходъ отъ исправительнаго дома (долгосрочной тюрьмы) къ тюрьмѣ (краткосрочной) былъ болѣе постепенъ.

Меньшинство Комиссіи, однако, полагало необходимымъ остаться при прежней системѣ тюремнаго заключенія. Послѣднее было построено на системѣ одиночнаго заключенія до одного года. Въ данномъ случаѣ одиночное заключеніе разсматривалось, какъ специфическое наказаніе. Кратковременность тюремнаго заключенія не позволяетъ приучить заключеннаго, подобно содержащемуся въ исправительномъ домѣ, къ опредѣленному ремеслу. вмѣстѣ съ тѣмъ общее содержаніе арестованныхъ особливо безъ работъ превращаетъ тюрьму какъ бы въ «академію преступности». Попадающій впервые въ тюрьму общеніемъ съ преступнымъ элементомъ особенно при низкомъ культурномъ уровнѣ обогащается знаніями преступнаго ремесла. Поэтому, по мнѣнію меньшинства Комиссіи, кратковременное тюремное заключеніе именно должно быть одиночнымъ. Если нынѣ представляется невозможнымъ ввести одиночное заключеніе для всѣхъ въ виду недостатка помѣщенія, то недостатки практики не должны устранять начертанія идеала въ законѣ, къ которому практика должна стремиться тѣмъ болѣе, что введенный въ дѣйствіе институтъ условнаго осужденія сильно понизитъ количество лицъ, отбывающихъ тюремное заключеніе. Въ видѣ временной мѣры возможно было бы руко-

водствоваться старымъ правиломъ объ удлинненіи времени заключенія въ общемъ помѣщеніи взамѣнъ недостающихъ одиночныхъ камеръ. Согласно мысли составителей Угол. Улож. суды, приговаривая виновныхъ къ тюремному заключенію, должны опредѣлять сроки его примѣнительно къ одиночному заключенію (предст. 24 Особ. Сов. 68. Особ. Прис. 21—23).

Рѣшеніе же Угол. Касс. Деп. 1908 г. № 16 по дѣлу Кузнецова установило, что при неимѣніи или недостаткѣ одиночныхъ камеръ, это одиночное заключеніе подлежитъ замѣнѣ общимъ съ увеличеніемъ срока содержанія въ общемъ заключеніи, считая 3 дня за 4. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ нынѣ одиночныхъ камеръ срокъ заключенія самъ собою удлинняется. Суду въ своихъ приговорахъ надлежитъ лишь точно упоминать объ этомъ.

Въ виду принятія большинствомъ Комиссіи, какъ общаго правила, содержанія въ тюрьмѣ въ общихъ камерахъ, въ Комиссіи была высказана мысль о необходимости допущенія перевода въ одиночную камеру по просьбѣ заключеннаго, однако большинствомъ Комиссіи это предложеніе было отвергнуто, какъ могущее стѣснить тюремное начальство въ случаѣ предъявленія такого, основаннаго на законѣ, требованія арестованнаго при отсутствіи свободныхъ одиночныхъ камеръ.

О возможности такого перевода правильнѣе было бы сдѣлать указаніе только въ тюремной инструкціи. Въ отношеніе работъ было подано мнѣніе о необходимости оставленія въ силѣ прежняго правила объ обязательности работъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, но внутри таковой. Большинство же Комиссіи высказалось за возможность наружныхъ работъ, допустивъ лишь исключеніе для женщинъ, подвергающихся этимъ работамъ только по ихъ согласію.

Относительно перевода лицъ, присужденныхъ къ заключенію въ каторжной, долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ изъ одиночнаго заключенія въ общее, Комиссія создала особыя правила, приложенныя къ вновь проектированной 17 ст., объединившей примѣчанія къ 18 и 20 ст. Угол. Улож. 1903 г., при чемъ какъ на условіе такого перевода указала не только на удостовѣренную надлежащимъ образомъ опасность одиночнаго заключенія для здоровья приговореннаго, но и на отсутствіе одиночнаго помѣщенія, каковое особенно сильно ощущается на практикѣ.

Первоначально Комиссія, исключивъ вовсе 14 (18) ст. проекта, въ ст. 2, 3 и 15 (20) объединила понятіе долгосрочной и краткосрочной тюрьмы въ одинъ общій терминъ «тюрьма». Въ дальнѣйшемъ Комиссія пришла къ заключенію, что, если уже говорить общимъ образомъ о тюрьмѣ, то общую рубрику «тюрьма» возможно было бы подраздѣлить на тюрьмы: а) каторжную, б) долгосрочную и в) краткосрочную. Дѣлать же объединеніе въ одномъ терминѣ двухъ послѣднихъ видовъ заклю-

ченія не приходится, такъ какъ во многихъ случаяхъ долгосрочная тюрьма ближе подходитъ къ каторжной тюрьмѣ, чѣмъ къ краткосрочной, особенно при принятой большинствомъ Комиссіи факультативности наложенія кандаловъ.

Краткосрочная тюрьма, являясь привилегированнымъ типомъ тюремнаго заключенія, о чемъ особо упоминаютъ напр. статьи 20 (23), 21, 22, 29 (31), 33 (35), 51 (53), 57 (60), 60 (63), 61 (64), и 66 (68), не можетъ быть объединена въ одной статьѣ 15 (20) съ долгосрочной тюрьмой и Комиссія признала болѣе цѣлесообразнымъ, сдѣлать упоминаніе о послѣдней въ 14 (18) ст. въ новой редакціи, какъ то имѣло мѣсто въ Уголовномъ Уложеніи 1903 г. При ссылкахъ всегда практичнѣе для каждого типа заключенія имѣть соотвѣтственную статью. Невозможность объединенія долгосрочной и краткосрочной тюрьмы въ одинъ терминъ «тюрьма» подсказывается еще слѣдующими соображеніями:

«По силѣ 2 п. 51 (53) статьи, при опредѣленіи въ законѣ за преступное дѣяніе низшаго предѣла наказанія, суду предоставляется уменьшать оное до низшаго законнаго размѣра сего рода наказанія и если бы по силѣ 2 ст. Угол. Улож., тюрьма представляла одинъ родъ наказанія, то слѣдовало бы допустить, что при опредѣленіи въ законѣ за то или другое преступное дѣяніе наказанія заключеніемъ въ тюрьмѣ не ниже трехъ лѣтъ таковое наказаніе можетъ быть назначено на двѣ недѣли, чего никоимъ образомъ нельзя было сдѣлать при существованіи наказанія заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. При опредѣленіи въ законѣ низшаго размѣра наказанія заключеніемъ въ исправительномъ домѣ въ три года возможно было понизить это наказаніе по силѣ 2 п. 53 ст. Угол. Улож. 1903 г. лишь до одного года и шести мѣсяцевъ заключенія въ томъ же исправительномъ домѣ. Долгосрочная тюрьма замѣнила исправительный домъ, а посему и слѣдовало бы таковую тюрьму считать наказаніемъ особаго рода и тогда статья 2 не противорѣчила бы тексту 2 п. 51 (53) ст. Угол. Улож., иначе при принятой редакціи 51 (53) ст. Угол. Улож., 2 п. этой статьи находился бы, какъ бы, въ противорѣчии и съ 3 п. той же статьи, ибо по силѣ 3 п. 51 (53) ст., при отсутствіи въ законѣ особаго опредѣленія о низшемъ предѣлѣ наказанія, возможенъ переходъ отъ одного рода наказанія къ другому низшему, а именно отъ долгосрочной тюрьмы къ краткосрочной, но это самое пониженіе, какъ отмѣчено выше, возможно было бы и по силѣ 2 п. 51 (53) ст. Угол. Улож. Въ виду сихъ соображеній и считаясь съ наличностью въ подлежащихъ случаяхъ ссылки на долгосрочную и краткосрочную тюрьму, Комиссія въ концѣ концовъ выводѣ нашла правильнымъ въ статьѣ 2 Угол. Улож. обозначить какъ особый родъ наказанія — долгосрочную тюрьму и краткосрочную тюрьму, въ противномъ случаѣ пришлось бы совершенно иначе редактировать ст. 51 (53).»

Правильность сказанныхъ соображеній подтверждаетъ и 60 (63) ст., устанавливающая соотвѣтствіе тяжести наказанія обоихъ типовъ тюремнаго заключенія.

Арестъ.

Арестъ, назначаемый отъ 1 дня до 6 мѣс., въ общемъ остался въ томъ же видѣ, какъ это было изложено въ 21 ст. въ редакціи 1903 г., съ переводомъ въ одиночное заключеніе по просьбѣ арестованнаго при наличіи свободныхъ камеръ. Въ отношеніи работъ большинство Комиссіи пришло къ заключенію о необходимости обязательныхъ—для лицъ, заключенныхъ свыше 7 дней, — работъ въ арестномъ помѣщеніи по выбору арестованныхъ и, при отсутствіи такового, по усмотрѣнію тюремнаго начальства. Въ этомъ отношеніи Комиссія отступила отъ правила, изображеннаго въ законѣ 14 іюля 1921 г. *Valdibas Vestnesis* 1921 г. № 134), полагая, что указанный въ означенномъ законѣ, какъ минимумъ, мѣсячный срокъ ареста, обусловливающий обязательность работы, представляется слишкомъ высокимъ, оставляя лицъ, осужденныхъ къ 2 и 3 недѣлямъ, въ нежелательной праздности.

Домашній арестъ.

По мнѣнію одного члена Комиссіи соображенія составителей Уголовнаго Уложенія касательно домашняго ареста должны сохранить полную силу въ смыслѣ сохраненія этой мѣры въ проектѣ. «Несомнѣнно,—говорится въ мотивахъ къ Уголовному Уложенію, могутъ быть случаи совершенія мало-важныхъ проступковъ, въ которыхъ по особеннымъ условіямъ самого проступка, свойствамъ виновнаго или по семейному или общественному его положенію, заключеніе его въ арестномъ домѣ или замѣняющихъ его помѣщеніяхъ, хотя бы на самый короткій срокъ, все же представлялось бы наказаніемъ, слишкомъ тяжело падающимъ на осужденнаго и не соотвѣтствующимъ степени его виновности. Въ сихъ случаяхъ правильнымъ выходомъ для суда представлялась бы возможность присуждать виновныхъ къ аресту въ собственномъ мѣстѣ жительства. Исключительность подобныхъ случаевъ и обязанность судебныхъ установленій осторожно пользоваться предоставляемымъ имъ по новому Уложенію широкимъ правомъ въ выборѣ наказаній могутъ служить ручательствомъ, что мѣра эта не будетъ примѣняться безъ надобности и не вызоветъ связанныхъ съ частымъ употребленіемъ ея неудобствъ для полицейской власти.» Въ виду сего Уголовнымъ Уложеніемъ и признавалось, что приговоренные къ аресту на срокъ не свыше 7 дней, могутъ, по опредѣленію суда, отбыть это наказаніе въ собственномъ мѣстѣ жительства.

Цѣлесообразность этой мѣры, по мнѣнію того же члена Комиссіи, подсказывается еще тѣмъ соображеніемъ, что по принципу современнаго правосознанія важно не столько **наказаніе**, сколько **осужденіе** виновнаго. Между тѣмъ устраненіе для судьи указанной мѣры наказанія можетъ увеличить лишь число нежелательныхъ оправдательныхъ приговоровъ даже при явной виновности подсудимаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ означенное выше постановленіе находилось бы въ согласіи

съ постановленіями Устава суд. подѣ стражею, допускающими впредь до устройства особыхъ отдѣленій при арестныхъ домахъ, отбытіе въ подлежащихъ случаяхъ ареста на военной гаупвахтѣ или по мѣсту службы осужденнаго должностнаго лица (Прим. къ 131 ст. Уст. суд. подѣ стражей). Въ отношеніи же должностнаго лица, въ видахъ сохраненія престижа власти, именно необходима допустимость домашняго ареста.

Однако, большинство Комиссіи сочло домашній арестъ мѣрой непріемлемой и указаніе на домашній арестъ исключило изъ 18 (21) ст.

3 (3). Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлено, какъ высшее наказаніе, заключеніе въ каторжной тюрьмѣ, именуются тяжкими преступленіями.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, заключеніе въ долгосрочной или краткосрочной тюрьмѣ, именуются преступленіями.

Преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, именуются проступками.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О пространствѣ дѣйствія Уголовнаго Уложенія.

4 (4). Дѣйствіе сего Уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Латвіи, какъ латвійскими подданными, такъ и иностранцами, поскольку наказуемость этихъ дѣяній не опредѣляется особыми законами.

5 (5). Дѣйствіе сего Уложенія не распространяется на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Латвіи правомъ вѣзельности.

По поводу 4 и 5 ст. Угол. Улож. въ Комиссіи былъ возбужденъ вопросъ о необходимости распространить общую часть Угол. Уложенія на всѣ Казенные Уставы, въ которыхъ нѣтъ общей части. Лишать судъ возможности примѣненія, напр. такихъ статей, какъ 52 (54) или 12 (14) Уголовнаго Уложенія къ дѣламъ, относящимся къ Казеннымъ Уставамъ, было бы большой несправедливостью. Правда въ этихъ Уставахъ есть противорѣчащія Уголовному Уложенію постановленія, но примѣненіе Общей части Уго-

Къ ст. 4 и 5.

ловнаго Уложенія можно было бы распространить на упомянутые Уставы постольку, поскольку тамъ нѣтъ специальныхъ законовъ. Посему, согласно высказанному мнѣнію, слѣдовало бы вовсе исключить въ 4 ст. въ редакцію 1903 г. ссылку на 5, въ той же редакціи, а въ 5-ой исключить I пунктъ.

Въ противоположность этому мнѣнію было высказано пожеланіе именно на необходимость особаго упоминанія въ 5 ст. о специальныхъ Уставахъ, и въ томъ числѣ Дисциплинарномъ, въ коемъ ощущается большая нужда и объ изданіи коего имѣются ходатайства нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ, въ виду отсутствія дисциплинарныхъ статей въ Уголовномъ Уложеніи. Общую часть Уголовнаго Уложенія въ цѣломъ видѣ нельзя распространить на специальные Уставы, въ которыхъ (какъ напр. въ Уставѣ Акцизномъ по вопросу «о совокупности») имѣются постановленія, противорѣчащія духу Уголовнаго Уложенія, тѣмъ болѣе, что специальные Уставы Свода законовъ, кромѣ Таможеннаго Устава, основаны на принципахъ Уложенія о наказаніяхъ. Статья 5 Угол. Улож. въ редакціи изд. 1903 г., вполнѣ правильно гласитъ, что Уголовное Уложеніе не распространяется на дѣянія, наказуемыя по особымъ положеніямъ и узаконеніямъ, въ предѣлахъ, сими законами, Уставами, положеніями и узаконеніями установленныхъ. Въ мотивахъ же къ этой статьѣ устанавливается то положеніе, что «въ Уставахъ предсмотрена также наказуемость многихъ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ вѣдѣнію Судебныхъ Уставовъ. Къ дѣяніямъ сего рода Уголовное Уложеніе должно примѣняться настолько, насколько наказуемость ихъ не опредѣляется специальными постановленіями Уставовъ Казенныхъ и административныхъ Установленій, что и указано въ ст. 5.»

Такое категорическое разъясненіе мотивовъ объ ограничительномъ примѣненіи исключительныхъ постановленій, казалось бы, должно было исключить всякія сомнѣнія на практикѣ, что въ дѣйствительности и констатируется фактомъ отсутствія какихъ либо сенатскихъ разъясненій за время дѣйствія (свыше 13 лѣтъ) общей части Уголовнаго Уложенія въ Россіи.

Всѣ исключительныя постановленія должны примѣняться ограничительно и суду открывается право по дѣламъ, вѣдѣніе которыхъ отнесено къ особымъ Устамъ, примѣнять постановленія Угол. Улож. по аналогіи, когда вопросъ надлежащимъ Уставомъ не разрѣшается вовсе.

Комиссія, обсудивъ возбужденный вопросъ, большинствомъ голосовъ рѣшила исключить I п. 5 ст., дополнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ 4 статью, согласно приведеннымъ выше мотивамъ къ пятой статьѣ, словами... «По сколько наказуемость этихъ дѣяній не опредѣляется особыми законами», дабы тѣмъ самымъ, въ цѣляхъ уточненія соотношенія сихъ законовъ съ Угол. Улож., устранить всякое сомнѣніе въ примѣненіи Уголовнаго Уложенія по дѣламъ, подвѣдомствен-

нымъ особымъ Уставамъ, когда въ послѣднихъ нѣтъ разрѣшенія возникшаго на практикѣ вопроса.

6 (6). Дѣйствіе сего Уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ иностранныхъ государствахъ латвійскими подданными, пользующимися въ этихъ государствахъ правомъ внѣземельности.

7 (9). Дѣйствіе сего Уложенія, съ соблюденіемъ правилъ, въ статьяхъ 8 — 10 постановленныхъ, распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя латвійскими подданными внѣ предѣловъ Латвіи:

1) если учиненное дѣяніе составляетъ тяжкое преступленіе или преступленіе, и

2) если учиненное дѣяніе составляетъ такой проступокъ, наказуемость коего, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Латвіи, предусматрѣна заключеннымъ ею международнымъ договоромъ.

Дѣйствіе сего Уложенія, съ соблюденіемъ правилъ, въ статьяхъ 8 и 9 постановленныхъ, распространяется также на преступныя дѣянія, учиненныя иностранцами внѣ предѣловъ Латвіи:

1) если учиненное дѣяніе составляетъ тяжкое преступленіе или такое преступленіе, коимъ обвиняемый посягалъ на права латвійскихъ подданныхъ или на имущество или доходы латвійской казны, и

2) если наказуемость преступнаго дѣянія, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Латвіи, предусматрѣна заключеннымъ ею международнымъ договоромъ.

8 (10). Учинившій преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Латвіи въ случаяхъ, указанныхъ въ статьѣ 7, не подлежитъ отвѣтственности по сему Уложенію:

1) если дѣяніе не воспрещено закономъ мѣста его учиненія;

2) если обвиняемый былъ оправданъ или освобожденъ отъ наказанія по приговору иностраннаго суда, вошедшему въ законную силу;

3) если осужденный полностью отбылъ наказаніе по приговору иностраннаго суда, и

4) если учиненное преступное дѣяніе, направленное противъ иностраннаго государства, относится къ числу такихъ, по коимъ выдача не допускается.

Учинившему преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Латвіи, подлежащему отвѣтственности по сему Уложенію согласно ст. 7, наказаніе смягчается на основаніяхъ, статьею 51 установленныхъ, если осужденный отбылъ часть назначеннаго ему по приговору иностраннаго суда наказанія, или если закономъ мѣста учиненія преступнаго дѣянія полагается наказаніе менѣе строгое противъ опредѣляемаго въ семъ Уложеніи.

9 (11). Постановленія, изложенныя въ пунктахъ 1 и 2 *первой* части статьи 8, равно какъ во *второй* части той же статьи, не примѣняются къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ статьями 77 — 81, а когда виновный латвійскій подданный, то также и статьями 95 — 97, 99, 101 — 105 (п. 1), 107, 643 (ч. 2 и 3) *) и 645 (ч. 4) *).

10 (12). Латвійскій подданный, отбывшій внѣ предѣловъ Латвіи полностью наказаніе (ст. 8 ч. 1 п. 3) за преступное дѣяніе, за которое въ семъ Уложеніи или въ особыхъ узаконеніяхъ опредѣлено наказаніе не ниже заключенія въ каторжной тюрьмѣ, по возвращеніи въ Латвію подвергается, по приговору суда, лишенію правъ, указанному въ статьяхъ 27, 28, 29, 32, и 33.

По поводу 10 (12) ст. Угол. Улож. въ Комиссіи былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли изложить текстъ 10 ст. въ томъ смыслѣ, что судъ въ указанномъ въ этой ст. случаѣ не только долженъ разсматривать вопросъ только объ отвѣтственности, но рѣшить также вопросъ о виновности, т. е. можетъ перерѣшить дѣло съ самаго начала.

Принявъ во вниманіе основной принципъ уголовныхъ законовъ о невозможности вторичнаго суда по тому же дѣлу надъ осужденнымъ (поп bis in idem), Комиссія, руководствуясь практикой Угол. Кас. Деп. Россійскаго Сената, достаточно разработавшей этотъ вопросъ въ рядѣ рѣшеній, въ томъ числѣ по дѣлу Юлко (1892 г. № 36), рѣшила, ограничившись лишь редакціонными измѣненіями, оставить 10 (12) ст. въ существенныхъ частяхъ въ прежнемъ видѣ.

*) Нумерація Уголовнаго Уложенія 1903 г. (Въ подлинникѣ была сохранена та же нумерація и въ отношеніи прочихъ политическихъ статей, въ виду направленія проекта общей части до выработки окончательной редакціи послѣдующихъ главъ. Между прочимъ, въ виду измѣненія редакціи 115 (126) ст. ссылки на послѣднюю въ настоящей 9 (11) ст. не сдѣлано).

11 (13). Иностранецъ, учинившій тяжкое преступленіе или преступленіе внѣ предѣловъ Латвіи, если не былъ за то преступное дѣяніе въ Латвіи осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ, подлежитъ выдачѣ согласно договору, заключенному съ государствомъ, требующимъ выдачи обвиняемаго, или установившейся въ этомъ отношеніи съ симъ государствомъ взаимности.

При существованіи особаго международнаго договора допускается выдача иностранному государству и латвійскаго гражданина.

Оживленный обмѣнъ мнѣній въ Комиссіи вызвалъ вопросъ о выдачѣ государствомъ иностранной державѣ своего подданнаго за совершеніе на территоріи послѣдней преступнаго дѣянія.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту Редакціонной Комиссіи по составленію Россійскаго Уголовнаго Уложенія, между прочимъ, говорится буквально слѣдующее:

«Если иностранное государство обладаетъ правильно организованными судебными учрежденіями, то отечественное государство нисколько не нарушаетъ своихъ обязанностей, подчиняя виновнаго дѣйствію тѣхъ законовъ, которые были имъ нарушены. Имѣя обязанности въ отношеніи своихъ гражданъ, государство имѣетъ таковыя и по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ; отказывая въ своемъ содѣйствіи къ преслѣдованію преступныхъ дѣяній, учиненныхъ на территоріи иностраннаго государства, оно нарушило бы свои обязанности по отношенію къ этому послѣднему. Независимо сего, нельзя отрицать, что, съ точки зрѣнія интересовъ уголовного правосудія, представляется весьма важнымъ, чтобы судъ и наказаніе виновнаго были производимы въ мѣстѣ совершенія преступленія. Здѣсь легче всего собрать необходимый матеріалъ для судебного слѣдствія, и вообще болѣе шансовъ раскрыть истину, здѣсь же живѣе чувствуется потребность въ уголовной репрессіи. Теорія и практика согласны между собою относительно того, что уголовный законъ долженъ имѣть территоріальный характеръ. Судебная власть компетента для изслѣдованія подсуднаго ей, по мѣсту совершенія, преступнаго дѣянія, совершенно независимо отъ того, къ какой національности принадлежитъ виновный... Нельзя не признать, что вдали отъ мѣста преступленія трудно собрать всѣ необходимыя для открытія истины доказательства. Самое разслѣдованіе при такихъ условіяхъ возможно только при содѣйствіи иностраннаго государства, которое обыкновенно облегчаетъ задачу судей собираніемъ на мѣстѣ слѣдственнаго матеріала. Отказъ въ такомъ содѣйствіи къ разслѣдованію дѣла сдѣлалъ бы уголовное преслѣдованіе виновнаго часто вполне без-

успѣшнымъ. Далѣе, по многимъ дѣламъ присутствіе на судѣ свидѣтелей является существенно необходимымъ, а между тѣмъ свидѣтели иностранцы могутъ отказаться отъ явки въ судъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ приговоръ суда неизбѣжно будетъ лишенъ гарантіи подобающей достовѣрности. Кромѣ того, общественное мнѣніе всегда менѣе встревожено преступленіемъ, совершеннымъ вдали; публичный порядокъ представляется не столь сильно потрясеннымъ, потребность въ репрессіи менѣе настоятельною. Отсюда, въ дѣлахъ о преступленіяхъ, учиненныхъ за границею, судья скорѣе склоненъ отнестись съ излишнею снисходительностью къ преступнику. Наконецъ, значеніе преступнаго дѣянія умалывается въ его глазахъ тѣмъ соображеніемъ, что жертвою преступленія является иностранецъ, что обвиняемый его соотечественникъ, что самое возбужденіе уголовного преслѣдованія явилось бы, быть можетъ, результатомъ постороннихъ вліяній: національной вражды, политической розни и т. п. Что касается положенія: „*ni ne peut être distraît de ses juges naturels*“, то оно не можетъ служить прочнымъ аргументомъ, такъ какъ одинаково пригодно для оправданія той и другой системы, не разрѣшая вопроса о томъ, кто долженъ быть признанъ естественнымъ судьей лица, учинившаго преступленіе за границей. Судья національный является компетентнымъ *ratione personae*, а судья иностраннаго государства долженъ быть признанъ въ той же мѣрѣ компетентнымъ *ratione materiae*. (Billot).

Но, признавая всю справедливость этихъ соображеній въ ихъ существѣ, Редакціонная Комиссія по составленію Уголовнаго Уложенія, не рѣшилась однако ввести это начало въ проектъ, такъ какъ нельзя забывать, что противоположное начало, не допускающее выдачи собственныхъ подданныхъ, не только принято во всѣхъ Россійскихъ договорахъ, но и въ договорахъ почти всѣхъ другихъ европейскихъ державъ между собою. Мало того; во многихъ государствахъ начало невыдачи собственныхъ подданныхъ почитается столь важнымъ, что оно внесено въ конституцію (какъ въ Баденѣ, Брауншвейгѣ), или въ уголовные кодексы. Такъ, германскій кодексъ, въ § 9, постановляетъ, что «германскій подданный не можетъ быть выданъ для суда и наказанія иностранному правительству», тоже повторено въ венгерскомъ кодексѣ въ § 17 и въ проектѣ австрійскаго уложенія, въ § 6; въ Голландіи это начало внесено въ ст. 16 закона 1875 г.; въ Бельгіи въ статьи 1 и 8 закона 1878 г.; во Франціи принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ установленъ былъ 62 статьею хартіи 1814 года, а затѣмъ былъ подробно развитъ въ министерскомъ циркулярѣ 1841 года. Даже Англія въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ своихъ трактатахъ отступила отъ прежнихъ традицій и признала принципъ невыдачи своихъ подданныхъ: такъ напр. это принято ею въ трактатѣ съ Даніей 1862 г., съ Гер-

маніей 1872 г., съ Бельгією 1872 г., съ Італією 1873 г. и съ Австрією 1874 г. Слѣдовательно, если бы Россія и приняла нынѣ принципъ выдачи нашихъ подданныхъ иностраннымъ державамъ, то ни по трактатамъ, ни по началу взаимности, она не могла бы получить отъ другихъ державъ согласія на принятіе этого принципа, а потому этимъ или нарушалось бы начало международной равноправности, или же самое поставленіе, какъ не соотвѣтствующее Россійскимъ договорамъ и международнымъ обычаямъ, оставалось бы мертвою буквою.» (Объясн. зап. къ проекту Редакц. Комис. по составленію Россійскаго Угол. Улож. стр. 108—111.)

Одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что надлежало бы по изложеннымъ соображеніямъ оставить 11 (13) статью въ прежней ея редакціи, находя вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, какъ то проектировали и составители Россійскаго Угол. Улож., отнесеніе вопроса о выдачѣ къ процессуальнымъ законамъ (тамъ же стр. 122), гдѣ, между прочимъ, статьею 852³ Уст. Угол. Суд. установлено, что выдача своего подданнаго ни въ коемъ случаѣ не допускается, хотя бы вступленіе въ подданство послѣдовало послѣ совершенія преступнаго дѣянія, но до полученія требованія о выдачѣ.

Однако большинство Комиссіи пришло къ заключенію о необходимости добавить статью 11 (13) второю частью съ оговоркою, что при существованіи особаго международного договора означенная выдача допускается.

12 (14). Наказаніе примѣняется по тому закону, который дѣйствовалъ во время совершенія преступнаго дѣянія.

Если же законъ, дѣйствовавшій во время совершенія преступнаго дѣянія будетъ подвергнутъ измѣненію до осужденія виновнаго, то къ преступному дѣянію примѣняется тотъ законъ, которымъ это дѣяніе карается легче.

Если же законъ, дѣйствовавшій во время совершенія преступнаго дѣянія, за признаніемъ его ненаказуемости, будетъ отмѣненъ до осужденія виновнаго, то наказаніе вовсе не примѣняется.

Постановленія, изложенныя въ частяхъ *второй* и *третьей* настоящей статьи, не могутъ служить препятствіемъ для примѣненія къ преступному дѣянію виновнаго того закона, который былъ изданъ по причинѣ временныхъ и мѣстныхъ особыхъ обстоятельствъ и потерялъ силу вслѣдствіе отпаденія этихъ обстоятельствъ, на время коихъ онъ былъ изданъ.

Срокъ давности, устраняющій наказуемость преступнаго дѣянія, исчисляется по закону, дѣйствовавшему

во время учиненія сего дѣянія (ст. 66 п. 1 и 2) или постановленія по оному приговора (ст. 66 п. 3), если закономъ этимъ установленъ срокъ болѣе краткій, чѣмъ по закону новому.

Составителями Угол. Уложенія былъ принятъ тотъ теоретическій принципъ, что преступника должно удерживать отъ впаденія въ преступленіе не то, что ему угрожаетъ та или иная опредѣленная мѣра наказанія, а то, что вообще дѣяніе, какъ **недозволенное, карается закономъ**. Преступникъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не знаетъ, сколько лѣтъ наказанія будетъ ему причитаться за содѣянное, да и заранѣе трудно учесть мѣру наказанія при широкомъ представленіи суду права выбора наказанія и смягчающихъ либо усиливающихъ вину обстоятельствъ. Въ сущности споръ сводится лишь къ вопросу о случаяхъ, когда новый законъ оказывается суровѣе прежняго.

«Въ этомъ отношеніи, — говорится въ мотивахъ, — представляются двѣ комбинаціи:

1) новый законъ объявляетъ воспрещеннымъ дѣяніе, до толъ не облагавшееся наказаніемъ. Этотъ случай безусловно разрѣшается статьею I проекта, по силѣ коей дѣяніе признается преступнымъ и слѣдовательно можетъ подлежать уголовной отвѣтственности только въ томъ случаѣ, если оно было воспрещено въ самый моментъ его учиненія. Такимъ образомъ никакой новый законъ не можетъ создать преступности дѣянія, учиненнаго до его вступленія въ силу;

2) новый законъ создаетъ отвѣтственность болѣе строгую сравнительно съ установленною прежнимъ закономъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Редакціонная Комиссія, въ видахъ снисхожденія къ преступнику и согласно съ законодательною и судебною практикою полагала возможнымъ допустить для виновнаго уменьшеніе отвѣтственности»... (стр. 130 объясн. зап.).

Простое примѣненіе закона, прежде дѣйствовавшаго, 1) нерѣдко фактически было бы неосуществимо, напр. тогда, когда прежде назначаемый родъ наказанія, за отмѣною новымъ закономъ оказался бы не существующимъ, 2) заключало бы рядъ неудобствъ по примѣненію диспозитивной части стараго закона. Разрѣшеніе вопроса о сравнительной тяжести наказаній прежнихъ и новыхъ можетъ представиться иногда на практикѣ неразрѣшимымъ въ виду измѣненія режима мѣста заключенія. Еще болѣе затрудненій представляли бы тѣ случаи, когда вмѣстѣ съ измѣненіемъ отвѣтственности измѣнится и самый составъ преступныхъ дѣяній, когда бывшіе дотолъ отдѣльными виды преступныхъ дѣяній, сливаются въ одно общее цѣлое, или наоборотъ, когда бывшее объединеннымъ расчленяется на составныя части. Сохранивъ, какъ правило, дѣйствіе стараго закона, пришлось бы по необходимости сохранить для подобныхъ

случаевъ и всѣ прежнія особенности процесса, начиная съ предварительнаго слѣдствія и кончая судебнымъ, гдѣ это отразится особенно на постановкѣ вопросовъ.

Изложенныя соображенія, легшія въ основаніе 14 ст. Угол. Улож. изд. 1903 года, теоретическая правильность сущности постановленія которой была высказана еще Биндингомъ въ его трудѣ „Die Normen und ihre Uebertretungen“ (изд. 1877 г. стр. 87 и слѣд.)*), были поддержаны нѣкоторыми чле-

*) „Въ борьбѣ права съ неправомъ,—говоритъ, между прочимъ, Биндингъ,—оружіе выбирается государствомъ, и притомъ имъ однимъ, нисколько не стѣняясь приобрѣтенными подданными правами на наказаніе вообще или на извѣстный его родъ въ частности. Если уголовный законъ обязываетъ государство облагать установленныя имъ преступныя дѣянія непременно только тѣми наказаніями, которыя опредѣлены въ дѣйствующемъ законѣ и никакими другими, и если эта обязанность, въ ея опредѣленной закономъ формѣ, наступаетъ для государства со дня вступленія закона въ силу, то отсюда слѣдуетъ, что съ этого дня государство можетъ допустить осуществленіе лишь той уголовной угрозы и тѣхъ постановленій, кои указаны въ новомъ законѣ“. По поводу ссылки на требованія справедливости Биндингъ замѣчаетъ: „... но на чемъ можетъ быть основано подобное требованіе справедливости? Только на томъ, что преступникъ, соображая, при совершеніи дѣянія, возможныя для него послѣдствія на основаніи уголовного закона, могъ рассчитывать, что онъ не подвергнется наказанію болѣе строгому, нежели опредѣляемое тѣмъ закономъ, и что предвидѣніе болѣе строгаго наказанія, быть можетъ, удержало бы его отъ совершенія преступленія. Но подобныхъ предположеній нельзя допустить: міръ преступниковъ не ожидаетъ подвергнуться уголовной карѣ, думая лишь о томъ, какъ бы обмануть государство въ его расчетахъ на наказуемость и не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, какой карательный эквивалентъ соответствуетъ учиняемому преступленію. Иначе пришлось бы признать, во имя справедливости, что напр. при системѣ относительно опредѣленныхъ наказаній, нельзя спускаться далѣе опредѣленнаго въ законѣ минимума, если преступникъ рассчитывалъ отдѣлаться наказаніемъ въ этомъ именно размѣрѣ, а тогда уже, право лучше предоставить самому преступнику избрать свое собственное наказаніе“. (Normen § 26).

Н. С. Таганцевъ по этому поводу говорить: „... Юридическое отношеніе, возникающее между карающимъ государствомъ и караемымъ преступникомъ, слѣдствіе учиненнаго имъ преступнаго дѣянія, имѣетъ самостоятельное бытіе, самостоятельную структуру; родъ и мѣра назначаются законодателемъ, какъ предполагаемая имъ справедливая и необходимая мѣра охраны интересовъ, а не только какъ психическій противовѣсъ страстямъ и увлеченіямъ лица, посягающаго на норму...“

... Если мы будемъ ссылаться на то, что преступникъ не зналъ мѣры наказанія, назначенной новымъ закономъ, а потому этотъ законъ и не можетъ быть примѣненъ къ нему, то мы введемъ въ уголовное право фикцію, не имѣющую никакой опоры въ жизни: много ли найдется юристовъ и даже спеціально криминалистовъ, которые могли бы похвалиться, что если они совершатъ какое либо преступное дѣяніе, то всегда напередъ будутъ знать размѣръ того наказанія, которое грозитъ имъ за совершенное?.. Если новый мягкій законъ есть шагъ впередъ законодателя и долженъ быть примѣняемъ потому, что онъ справедливѣе и цѣлесообразнѣе, то несомнѣнно, что всѣ эти эпитеты и соображенія вполне примѣнимы и къ законамъ болѣе строгимъ. Если къ преступнику можно примѣнять только законъ, болѣе для него выгодный, то какъ поступимъ мы въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ, примѣняя, какъ болѣе мягкій, новый законъ, коимъ назначается напр. вмѣсто ссылки на поселеніе, отдача въ исправительныя отдѣленія, встрѣтитъ энергичный отпоръ со стороны подсудимаго, доказывающаго, что для него несравненно выгоднѣе ссылка на поселеніе и что новый законъ не мягче а суровѣе? Кто можетъ знать, что выгоднѣе для подсудимаго: онъ самъ или судъ? Наконецъ, ссылка на общія требованія гуманности и справедливости, на здравый смыслъ и т. д. слишкомъ неуловима, чтобы служить юридическимъ основаніемъ института ..

нами Комиссiи, находившими эти соображенiя особенно вѣскими нынѣ въ эпоху полного переустройства страны, когда дѣйствовали исключительныя мѣры охраны правопорядка и когда новыя условiя жизни вызываютъ необыкновенную смѣну однихъ законовъ другими. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе будетъ установить, какой законъ въ данной мѣстности былъ уже обнародованъ и дѣйствовалъ въ моментъ совершенiя преступленiя. Последнее можетъ обнаружиться не сразу, а въ теченiи довольно продолжительнаго давностнаго срока, когда можетъ оказаться дѣйствовавшимъ еще рядъ промежуточныхъ законовъ.

... Объявляя преступное дѣяние наказуемымъ, законъ, какъ мы видѣли, создаетъ новое юридическое отношенiе между государствомъ, охраняющимъ защищенный нормою интересъ, и преступникомъ, посягнувшимъ на этотъ интересъ, отношенiе, изъ коего возникаютъ право государства на наказанiе преступника и обязанность преступника подчиниться наказанiю возникающаго отношенiя, притомъ отнюдь не имѣющiя характера частныхъ договорныхъ отношенiй, а отношенiя права публичнаго: отношенiя властнаго и повелѣвающаго къ подчиненному и повинующемуся. Право государства на наказанiе возникаетъ изъ закона, дѣйствующаго во время учиненiя преступнаго дѣяния, но осуществленiе этого права, реализацiя наказанiя, есть дѣло будущаго и, слѣдовательно, можетъ быть выполнено во время господства новаго закона, а потому будетъ регулировано имъ, какъ и всякая иная, одновременно возникающая подобная государственная дѣятельность...

... Законъ, говоря, что виновный въ убiйствѣ подлежитъ каторгѣ отъ 10 — 15 лѣтъ, обращаетъ къ каждому требованiе „не убивай“, а не требованiе: „не убивай, ибо за этимъ послѣдуетъ 10 лѣтъ каторги“. (См. Русское Уголовное Право. Лекцiя Н. С. Таганцева. Изд. 1902 г. Т. I стр. 270—274).

Касаясь допустимости обратной силы закона Н. С. Таганцевъ указываетъ, что „существуютъ законы, которые сами по себѣ вовсе не служатъ мѣрою личной свободы, а которые, напр. только упорядочиваютъ государственную и общественную жизнь, разграничиваютъ функцiи органовъ управленiя, опредѣляютъ ихъ устройство и т. д.“ Къ нимъ, по мнѣнiю Таганцева, едва ли примѣнимъ принципъ, что законъ дѣйствуетъ только на будущее время. „Отношенiя, — говоритъ Н. С. Таганцевъ, — дѣйствiя или событiя, возникшiя или установившiяся до вступленiя новаго закона, конечно, сами по себѣ, какъ нѣчто бывшее, прошедшее, не могутъ стать въ какое либо отношенiе къ новому закону; когда мы говоримъ о возможности его примѣненiя къ прошлымъ дѣйствiямъ и событiямъ, то мы имѣемъ въ виду тѣ ихъ юридическiя послѣдствiя, то ихъ внѣшнее выраженiе, которыя существуютъ и проявляются въ моментъ дѣйствiя новаго закона. Съ точки зрѣнiя юридической необходимо различать тѣ послѣдствiя, которыя присущи самому дѣянiю, не отдѣлимы отъ него и такiя, которыя имѣютъ самостоятельное юридическое бытiе, повторяются, даже видоизмѣняются, и подходятъ въ свою очередь подъ понятiе самостоятельныхъ юридическихъ дѣйствiй; можемъ ли мы, по отношенiю ко всѣмъ этимъ послѣдствiямъ, одинаково буквально проводить принципъ: законъ обратной силы не имѣетъ? Въ дѣйствительности мы видимъ, что даже и въ правѣ гражданскомъ встрѣчаются въ этомъ отношенiи необходимыя и естественныя отступленiя: если законъ, положимъ пер несетъ брачное совершеннолѣтiе съ 18 лѣтъ на 21 годъ, то, съ момента вступленiя въ силу новаго закона, всѣ лица, хотя и достигшия уже, напр., 19 лѣтъ, не могутъ, однако, вступить въ бракъ. Достиженiе даннымъ лицомъ 18 лѣтъ, т. е. прежняго срока брачнаго совершеннолѣтiя, есть событiе, предшествовавшее новому закону, но, тѣмъ не менѣе, этотъ законъ, нормируя послѣдствiя, могущiя возникнуть или возникающiя изъ такового событiя, послѣ вступленiя своего въ силу, распространяется и на нихъ. Еще болѣе можно подыскать подобныя примѣровъ въ области правъ публичныхъ; если законодатель нашелъ необходимымъ воспретить публичное выставленiе оскорбляющихъ чувство стыдливости картинъ, то долженъ ли онъ сдѣлать исключенiе и оставить нетронутыми картины, выставленныя ранѣе обнародованiя этого за-

При примѣненіи старыхъ, отмѣненныхъ уже законовъ, къ дѣяніямъ, совершеннымъ во время ихъ дѣйствія суду пришлось бы въ каждомъ случаѣ наводить точныя справки о томъ, какой законъ дѣйствовалъ, по какому курсу напр. расцѣнивался франкъ и т. д. въ моментъ совершенія преступления, причемъ можетъ создаться такое положеніе, что окажется, что по дѣйствовавшему въ моментъ совершенія дѣянія закону необходимо примѣнять какой нибудь изъ отмѣненныхъ видовъ наказанія, сравнительная тяжесть которыхъ съ другими видами наказаній не можетъ быть всегда установлена.

Защитникамъ противоположнаго Уголовному Уложенію постановленія проекта Германскаго Уложенія можно возразить популярной въ Германіи же теоріей **о правѣ преступника на наказаніе**. Согласно этому праву преступникъ могъ бы требовать, чтобы къ нему было примѣнено по старому закону отмѣненная уже мѣра наказанія. Это заставило бы судъ примѣнять къ преступнику отмѣненную напр. ссылку на поселеніе, ссылку въ Сибирь на каторжные работы, пользоваться разными кодексами съ ихъ отличными общими частями, въ частности отжившими законами свода, улож. о нак., уставомъ о наказ., акцизными уставами и т. д. Неудобство окажется особенно сильно при примѣненіи старыхъ законоположеній военнаго времени и иныхъ исключительныхъ постановленій временнаго характера, въ томъ числѣ постановленій оккупационнаго времени иностранной державы, или совѣтскихъ декретовъ, — въ послѣднемъ случаѣ въ отношеніи дѣяній, совершенныхъ при коммунистахъ въ Ригѣ.

Все это, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи, заставляетъ отдать предпочтеніе старой редакціи 12 (14) ст., измѣнять которую въ переходное время въ періодъ пересмотра законодательства, по крайней мѣрѣ, казалось бы, несвоевременно.

Съ прежней редакціей 12 (14) ст. судебная практика вполне освоилась, что подтверждается

кона; если въ интересахъ народнаго здравія, законъ воспретилъ устройство примитивныхъ выгребныхъ ямъ среди дворовъ, то можетъ ли это требованіе примѣняться только ко вновь устраиваемымъ ямамъ, оставляя на вѣки вѣчныя прежнія клоаки заразы неприкосновенными...

... Выраженіе, что новый законъ безсилень относительно фактовъ прошлаго, весьма не точ. о: все зависитъ отъ тѣхъ отношеній, въ которыя ставится законъ къ этимъ фактамъ, и, слѣдовательно, отъ содержанія и характера закона...

... Если право пріобрѣтено или возникло ранѣе, но пользованіе имъ или осуществленіе его наступаетъ при дѣйствіи новаго закона, измѣнившаго условія или даже прекратившаго пользованіе этимъ правомъ, то онъ несомнѣнно будетъ примѣненъ и въ проявленіи правъ, издавна пріобрѣтенныхъ: законъ, лишающій, положимъ, особъ IV класса права пріѣзда ко двору, распространится и на всѣхъ особъ, многолѣтне пользовавшихся этимъ правомъ, если въ законѣ не будетъ сдѣлано по этому предмету особаго изъятія...

... Всякое юридическое отношеніе, дѣйствіе и со бытіе нормируется въ своемъ возникновеніи, установленіи, осуществленіи или признаніи только дѣйствующимъ закономъ". (Тамъ же стр. 261 — 264).

отсутствіемъ въ отношеніи 12 (14) ст. сенатскихъ разъясненій за время болѣе чѣмъ тринадцатилѣтняго дѣйствія общей части Угол. Улож. въ Россіи. Что же касается возможности избавленія отъ суровости новаго закона, то справедливость обеспечивается правомъ смягченія, указаннаго во 2 ч. 14 статьи Угол. Улож. Въ случаѣ же, когда различіе между прежнею и новою наказуемостью, по взгляду суда, представлялось бы столь значительнымъ, что уменьшеніе наказанія въ предѣлахъ ст. 51 (53) казалось бы недостаточнымъ, то суду всегда открывается возможность ходатайствовать въ порядкѣ 775 ст. У. У. С. о болѣе значительномъ смягченіи участи подсудимаго или полномъ его помилованіи.

Въ крайности возможно было бы 51 (53) ст. Угол. Улож., въ предвидѣніи указанныхъ случаевъ, дополнить слѣдующимъ правиломъ:

«Въ случаѣ, упомянутомъ во 2 ч. 12 (14) ст., Судъ въ правѣ перейти къ другому наказанію безъ ограниченій, во 2 и 3 п. 51 (53) ст. указанныхъ.»

Измѣненіе редакціи 12 (14) ст., въ смыслѣ 6 ст. проекта Герм. Улож. 1919 г., сдѣлало бы то, что 12 (14) ст., какъ непримѣнимая на практикѣ, осталась бы мертвой буквой.

Однако большинство Комиссіи не сочло возможнымъ принести въ жертву практическимъ соображеніямъ общій принципъ, изложенный въ 89 ст. основныхъ законовъ т. I. Св. Зак.,— согласно коей закону ни коимъ образомъ не можетъ быть придано обратной силы и онъ долженъ дѣйствовать только на будущее время.

Въ основаніе мнѣнія большинства была принята, какъ сказано, 6 ст. проекта Герм. Улож.

Нѣкоторыя сомнѣнія вызвало лишь постановленіе 4-ой части 12 (14) ст. въ новой редакціи. По силѣ 2 и 3 частей 12 (14) статьи въ новой редакціи: «Если законъ, дѣйствовавшій во время совершенія преступнаго дѣянія, будетъ подвергнутъ измѣненію до осужденія виновнаго, то къ преступному дѣянію примѣняется тотъ законъ, которымъ это дѣяніе карается легче. Если же законъ, дѣйствовавшій во время совершенія преступнаго дѣянія, будетъ отмѣненъ до осужденія виновнаго, то наказаніе вовсе не примѣняется.» Но согласно 4 части 14 статьи «постановленія, изложенныя въ частяхъ 2 и 3 настоящей статьи, не могутъ служить препятствіемъ для примѣненія къ преступному дѣянію виновнаго того закона, который былъ изданъ по причинѣ временныхъ и мѣстныхъ особыхъ обстоятельствъ и потерялъ силу вслѣдствіе отпаденія этихъ обстоятельствъ, на время коихъ онъ былъ изданъ.»

Основаніемъ къ приведенному тексту 4 части 12 статьи послужило то соображеніе, что на практикѣ часто издаются законы, предполагающіе временное существованіе извѣст-

ныхъ обстоятельствъ и при отпаденіи послѣднихъ долженъ терять силу и подобный законъ, связанный съ ними. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что дѣяніе, совершенное во время дѣйствія подобнаго закона, не должно быть наказуемо, если ко времени судебного разбирательства дѣла этотъ законъ былъ отмѣненъ. Иначе обстоитъ дѣло, если законъ отмѣненъ вслѣдствіе измѣненія воззрѣнія законодателя на опредѣленное преступное дѣяніе; такіе случаи регулируются 2 и 3 частью 12 (14) статьи.

Явилось однако опасеніе, какъ бы 4-ый пунктъ 12 (14) статьи не былъ истолкованъ въ смыслѣ возможности примѣненія къ дѣяніямъ отмѣненной смертной казни, полагавшейся за это дѣяніе во время его учиненія.

Дабы устранить всякое сомнѣніе въ возможности, согласно новой редакціи 12 (14) ст., примѣненіе смертной казни по военнымъ законамъ, одинъ членъ Комиссіи, руководствуясь рѣш. О. С. Россійскаго Сената по сборн. 1913 г. №№ 6 и 22, предложилъ дополнить 12 (14) ст. слѣдующимъ постановленіемъ въ видѣ особой части:

«По дѣламъ, не разрѣшеннымъ ко времени снятія военного или осаднаго положенія или чрезвычайной охраны, но возникшимъ по преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ при дѣйствіи сихъ исключительныхъ положеній, обвиняемый судится не по военнымъ, а по гражданскимъ законамъ времени разсмотрѣнія дѣла судомъ.»

Но, по всестороннемъ обсужденіи вопроса, большинство Комиссіи пришло къ заключенію въ отсутствіи необходимости уточненія мысли проектируемаго нынѣ 4-аго пункта 12 (14) статьи, ибо по Угол. Улож., согласно проекту, въ лѣстницѣ наказаній смертной казни нѣтъ, а дѣйствіе военныхъ законовъ прекращается съ отмѣною исключительныхъ положеній и лицо, надъ которымъ тяготила бы столь серьезная угроза, какъ угроза смертною казнью, уже подпало бы подъ дѣйствіе гражданского, а не военного закона.

Тѣмъ не менѣе въ Комиссіи было высказано мнѣніе, что на практикѣ все же окажется неясность закона, ибо останется неразрѣшеннымъ вопросъ о преданіи военному суду лицъ, обвиняемыхъ по дѣлу, своевременно изъятому изъ общей подсудности на основаніи правилъ военного или исключительнаго положенія, но скрывшихся до преданія военному суду и задержанныхъ послѣ того, какъ военное или исключительное положеніе было снято, но затѣмъ ко времени задержанія этихъ лицъ введено вновь.

Согласно практикѣ Россійскаго Сената (опр. Общ. Собр. 1-го и Касс. Деп. 31 окт. 1916 г. по д. № 38). Такія лица подпадали подъ дѣйствіе военного суда со всѣми послѣдствіями усиленной отвѣтственности.*)

*) Рѣшеніями Общ. Собр. 1-го и Касс. Деп. Прав. Сената отъ 17 Декабря 1912 г. № 6 и 28 Октября 1913 г. № 22, признано, что для сужденія лицъ гражданского вѣдомства въ военномъ судѣ по законамъ военного времени. П. Н. Якоби. Проектъ Латвійскаго Уголовнаго Уложенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О наказаніяхъ.

13 (16). Заключение въ каторжной тюрьмѣ назначается или безъ срока, или на срокъ отъ *шести* до *пятнадцати* лѣтъ.

Приговоренные содержатся сначала въ одиночномъ заключеніи на срокъ отъ *шести* мѣсяцевъ до *одного* года, а затѣмъ переводятся въ общее заключеніе.

Судъ можетъ постановить о содержаніи въ кандалахъ на срокъ отъ *трехъ* мѣсяцевъ до *шести* лѣтъ.

Приговоренные подвергаются обязательнымъ принудительнымъ тяжкимъ работамъ, какъ въ мѣстѣ заключенія, такъ и внѣ онаго.

Женщины подвергаются наружнымъ внѣ мѣста заключенія работамъ лишь съ ихъ согласія.

Правила о содержаніи въ кандалахъ приложены къ сей статьѣ.

14 (18). Заключение въ долгосрочной тюрьмѣ назначается на срокъ отъ *одного* года и *шести* мѣсяцевъ до *шести* лѣтъ.

Приговоренные содержатся сначала въ одиночномъ заключеніи отъ *трехъ* до *шести* мѣсяцевъ, а затѣмъ переводятся въ общее заключеніе.

мени необходимы два условія: 1) чтобы мѣстность, въ которой совершено преступленіе, объявлена была, ранѣ совершенія преступленія, находящейся на одномъ изъ исключительныхъ положеній (военномъ, усиленномъ или чрезвычайной охраны), и 2) чтобы преданіе военному суду такихъ лицъ порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ военно-судебномъ, послѣдовало при дѣйствіи въ мѣстности совершенія преступленія одного изъ исключительныхъ положеній, т. е. совпало бы, по времени, съ нахожденіемъ той мѣстности на одномъ изъ сихъ положеній. Отсюда слѣдуетъ, наоборотъ, что административная власть не можетъ предать военному суду лицо гражданскаго вѣдомства какъ въ томъ случаѣ, если совершеніе преступленія не совпадаетъ, по времени, съ нахожденіемъ данной мѣстности на одномъ изъ исключительныхъ положеній, такъ и въ томъ, если въ моментъ преданія суду такого лица исключительное положеніе утратило силу. Если, засимъ, по данному дѣлу оба приведенныя положительныя условія находятся налицо, то фактъ бывшаго въ данной мѣстности перерыва состоянія на исключительномъ положеніи между временемъ обращенія дѣла къ военной подсудности и моментомъ задержанія скрывшихся преступниковъ не можетъ, очевидно, имѣть никакого вліянія на измѣненіе порядка преданія этихъ преступниковъ суду, а они подлежатъ сужденію военнаго суда, ибо какъ изъятіе дѣла о нихъ изъ общей подсудности, такъ и преданіе ихъ военному суду совпадаетъ, по времени, съ состояніемъ данной мѣстности на исключительномъ положеніи, промежуточный же періодъ, какъ не захватывающій этихъ двухъ рѣшающихъ моментовъ, никакого значенія имѣть не можетъ и является совершенно безразличнымъ при направленіи уголовныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе военнаго суда. (Журн. Мин. Юст. 1917 г. Апр. № 4 стр. 226—227).

*) См. объясненія подъ статьей 2-ой.

15 (20). Заключение въ краткосрочной тюрьмѣ назначается на срокъ отъ *двухъ* недѣль до *одного* года и *шести* мѣсяцевъ.

Приговоренные содержатся сначала въ одиночномъ заключеніи не свыше *трехъ* мѣсяцевъ, послѣ чего переводятся въ общее заключеніе.

16. Приговоренные къ заключенію въ долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ обязательно занимаются заведенными тюремнымъ начальствомъ работами въ помѣщеніи мѣстъ заключенія, но могутъ быть назначаемы на работы и внѣ тюремныхъ помѣщеній.

Женщины подвергаются наружнымъ внѣ мѣстъ заключеній работамъ лишь съ ихъ согласія.

Къ ст. 13—16 см. объясненія подъ статьей 2-ой.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи о реальной возможности и необходимости установленія особыхъ режимовъ въ долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ, большинство Комиссіи установило въ сихъ мѣстахъ заключенія одинъ общій режимъ, почему постановленія о работахъ въ долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ включила въ одну общую 16 ст.

17. Въ случаѣ отсутствія одиночнаго помѣщенія или удостовѣренной опасности одиночнаго заключенія для здоровья приговореннаго къ заключенію въ каторжной, долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ, осужденный содержится въ общемъ заключеніи.

Освидѣтельствованіе приговореннаго производится порядкомъ, указаннымъ въ приложеніи къ сей статьѣ.

Приговоренные къ заключенію въ каторжной, долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ во время содержанія ихъ въ общемъ заключеніи разобщаются на свободное отъ работы время и на ночь, если имѣются необходимыя для того приспособленія.

18 (21). Арестъ назначается на срокъ отъ *одного* дня до *шести* мѣсяцевъ.

Приговоренные содержатся въ устроенныхъ для ареста помѣщеніяхъ, въ общемъ заключеніи, но по ихъ просьбѣ, при наличности свободныхъ камеръ, помѣщаются въ одиночное заключеніе.

Приговоренные на срокъ свыше *семи* дней обязаны избрать себѣ какое либо занятіе изъ числа такихъ,

которыя могутъ быть допущены въ арестномъ помѣщеніи, въ противномъ случаѣ работы назначаются по усмотрѣнію тюремнаго начальства.

Приговоренные подвергаются наружнымъ внѣ мѣста заключенія работамъ съ ихъ согласія.

Смотри объясненія подъ статью 2-ой.

Въ связи съ постановленіями объ усиленіи репрессіи за хулиганство*), одинъ членъ Комиссіи полагалъ необходимымъ установить въ видѣ примѣчанія подъ 18 (21) ст. правило, въ силу котораго:

«Присужденный къ лишенію свободы за хулиганство или за дѣянія, учиненныя по хулиганскимъ побужденіямъ изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со стороны потерпѣвшаго, обязательно занимаются работами по назначенію тюремнаго начальства безъ какого бы то ни было ограничительнаго условія.»

19 (22). Срокъ заключенія опредѣляется: въ ка-
торжной тюрьмѣ — *годами и полугодами*; въ долго-
срочной тюрьмѣ — *годами и мѣсяцами*; въ кратко-
срочной тюрьмѣ — *годами, мѣсяцами и недѣлями*, а
при арестѣ — *мѣсяцами, недѣлями и днями*.

Предусмотрѣнные закономъ сроки дополнительныхъ наказаній—лишенія права заниматься, по отбытіи наказанія, опредѣленными въ законѣ видами торговли и промысловъ или иною, указанною въ законѣ дѣятельностью, а равно сопровождающаго удаленія отъ должности служащихъ и духовныхъ лицъ воспрещенія занимать равную и высшую должность — опредѣляются *годами и мѣсяцами*.

При исчисленіи срока день считается въ *двадцать четыре* часа, недѣля въ *семь* дней, а мѣсяцъ и годъ опредѣляются календарнымъ способомъ, но при сложеніи и дѣленіи наказаній, мѣсяцъ считается въ *тридцать* дней.

Объ исчи-
сленіи
сроковъ
наказанія.

Большинствомъ Комиссіи былъ принятъ принципъ, что при исчисленіи срока день считается въ 24 часа, недѣля въ 7 дней, а мѣсяцъ и годъ опредѣляется календарнымъ способомъ, но при сложеніи и дѣленіи наказанія мѣсяцъ принимается въ 30 дней.

*) См. объясненія подъ 62 ст.

Одинъ членъ Комиссіи остался при мнѣніи, считая, смѣшеніе принциповъ относительно опредѣленія мѣсяца недопустимымъ и способнымъ еще больше затруднить практику, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что календарное исчисленіе поведетъ къ несправедливости, ибо осужденный на одинъ мѣсяць въ февралѣ получить льготу въ три дня передъ осужденнымъ въ январѣ.

Въ объяснительной запискѣ проекта Ред. Комиссіи по составленію Россійскаго Угол. Уложенія по этому поводу говорится:

«Въ отношеніи исчисленія продолжительности мѣсяца проектъ принялъ, слѣдуя примѣру французскаго и голландскаго кодексовъ, однообразное счисленіе въ 30 дней, а не случайное, съ точки зрѣнія юридической, различіе календарныхъ мѣсяцевъ, принятое кодексомъ германскимъ; календарное же счисленіе сохранено для годовъ. Точно также недѣля вычисляется въ 7 дней, а день въ 24 часа, т. е. это означаетъ, что при краткосрочныхъ наказаніяхъ вычисленіе дѣлается отъ часа къ часу, а не засчитывается день начала и день окончанія. Такимъ образомъ, приговоренный, напр., къ аресту на два дня, приговоръ о коемъ обращается къ исполненію, положимъ, 12 іюня въ 9 час. веч., не можетъ быть освобожденъ 13, а долженъ досидѣть до 9 час. 14 іюня.... Календарная система, въ особенности при краткосрочныхъ наказаніяхъ, представляется, очевидно, несправедливою, а потому Комиссія и сохранила въ проектъ принятый ею первоначально порядокъ исчисленія.»

20 (23). Приговоренные къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія могутъ быть условно освобождены отъ дальнѣйшаго отбытія наказанія, по отбытіи приговоренными къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ безъ срока — *пятнадцати* лѣтъ, а приговоренными къ срочному заключенію въ каторжной тюрьмѣ — *трехъ четвертей* опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ наказанія.

Приговоренные къ заключенію въ долгосрочной или краткосрочной тюрьмѣ, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть условно освобождены отъ дальнѣйшаго отбытія наказанія по отбытіи *двухъ третей* опредѣленнаго имъ судебнымъ приговоромъ наказанія и, если они пробыли въ мѣстѣ заключенія во исполненіе приговора въ долгосрочной тюрьмѣ — не менѣе *года*, а въ краткосрочной тюрьмѣ — не менѣе *шести* мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ срокъ времени предварительнаго заключенія.

Подробныя о семъ правила изложены въ приложеніи къ сей статьѣ.

Объ услов-
номъ до-
срочномъ
освобо-
жденіи.

По вопросу о примѣненіи досрочнаго освобожденія большинство Комиссіи пришло къ заключенію о необходимости распространенія этой льготы на заключеніе въ каторжной, долгосрочной и краткосрочной тюрьмахъ.

Затѣмъ Комиссія единогласно признала правильнымъ установить шестимѣсячное пребываніе въ заключеніи въ тюрьмѣ, какъ минимумъ содержанія, послѣ чего можетъ быть примѣнено досрочное освобожденіе, ибо при возможности назначенія тюремнаго заключенія до двухъ недѣль, примѣненіе безъ указаннаго минимума досрочнаго освобожденія свело бы этотъ институтъ просто къ условному осужденію, т. е. привело бы къ столкновенію двухъ совершенно различныхъ принциповъ.

Въ виду возможности, въ силу 55 (57) ст. Угол. Улож., — назначенія минимума содержанія въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ одного года, Комиссія фиксировала этотъ срокъ, какъ минимумъ обязательнаго заключенія въ долгосрочной тюрьмѣ.

Что же касается до заключенія въ каторжной тюрьмѣ, то, такъ какъ минимальное наказаніе и по 55 (57) ст. Угол. Улож. можетъ быть опредѣленно на 4 года, и $\frac{3}{4}$ этого минимальнаго срока опредѣляется въ три года, то для такого длительнаго наказанія Комиссія считала излишнимъ устанавливать соотвѣтственный минимумъ, какъ по другимъ видамъ лишенія свободы.

Относительно зачета судомъ срока времени предварительнаго заключенія въ Комиссіи были приведены на справку разныя принципы.

Согласно Рѣш. Угол. Кас. Деп. Рос. Сената 1911 года № 3 по дѣлу Пронина и 1913 г. № 6 по общему вопросу, наказаніемъ, которому подлежитъ по данному дѣлу осужденный, должно почитаться не первоначально назначенное судомъ до зачета предварительнаго заключенія, а то наказаніе, которое обвиняемый долженъ дѣйствительно отбывать послѣ вычета зачтеннаго ему предварительнаго ареста.

Другой же принципъ былъ провозглашенъ амнистіей 17 марта 1917 года, гдѣ согласно 7 и 11 ст. Отдѣла I амнистіи наказаніемъ по дѣлу считалось первоначально судомъ назначенное до зачета предварительнаго содержанія осужденнаго подъ стражею. Этотъ принципъ и легъ въ основаніе послѣдовавшаго затѣмъ постановленія Временнаго Россійскаго Правительства объ условномъ досрочномъ освобожденіи 1 Августа 1917 года, гдѣ согласно 1 ст. отдѣла I было постановлено, что «при зачетѣ судомъ въ наказаніе предварительнаго заключенія за опредѣленный судомъ срокъ признается срокъ, первоначально назначенный осужденному, до производства зачета.»

Но, такъ какъ при послѣднемъ расчетѣ могъ бы получиться, такой минимальный срокъ дѣйствительнаго отбытія положеннаго судомъ наказанія, при которомъ не возможно было бы ознакомиться тюремной администраціи съ заключеннымъ и судить объ одобрительности его поведенія, то Комиссія и постановила принять принципъ, что зачтенный судомъ срокъ времени, проведеннаго осужденнымъ подъ стражей до суда, не принимается во вниманіе при опредѣленіи упоминаемаго въ 20 (23) ст. минимума содержанія.

21. Въ случаѣ присужденія подсудимаго къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, аресту, денежной пенѣ или къ помѣщенію въ воспитательно-исправительное заведеніе, суду предоставляется право условно — освободить виновнаго отъ наказанія, если судъ найдетъ основанія предполагать, что осужденный впредь будетъ вести себя одобрительно безъ примѣненія наказанія.

22. Дѣйствіе предшедшей (21) статьи не распространяется: 1) на дѣла, на судебное разбирательство коихъ подсудимый не явился, 2) на дѣла, возникающія не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, 3) на проступки, облагаемые денежными взысканіями за нарушенія постановленій фиска, 4) на присужденныхъ къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, если они уже ранѣе были осуждены за тяжкое преступленіе или преступленіе и если до совершенія новаго преступленія не прошло со дня отбытія ими заключенія въ краткосрочной тюрьмѣ — *пяти лѣтъ*, а со дня отбытія болѣе тяжкаго наказанія — *десяти лѣтъ*.

23. Приведеніе въ исполненіе опредѣленнаго судомъ наказанія, а равно и предусмотрѣнное закономъ сопровождающее его правопораженіе отлагаются въ отношеніи присужденныхъ къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ на *пять лѣтъ*, а въ прочихъ случаяхъ на *три* года.

Въ теченіи этихъ сроковъ судъ можетъ отдать осужденнаго подъ особое наблюденіе.

24. По истеченіи указанныхъ въ предшедшей (23) статьѣ сроковъ при одобрительномъ въ теченіи оныхъ поведеніи осужденнаго, положенное судомъ наказаніе, а равно и предусмотрѣнныя закономъ сопровождающія его правопораженія считаются окончательно сложеными.

25. Въ случаѣ: 1) новаго осужденія условно-освобожденнаго отъ наказанія за тяжкое преступленіе или преступленіе, совершенное до или въ теченіи указанныхъ въ статьѣ 23 сроковъ, или 2) обнаруженія въ теченіи тѣхъ же сроковъ прежней судимости условно-освобожденнаго и неистеченія до совершенія преступленія, за которое ему присуждено условное наказаніе, предусмотрѣнныхъ пунктомъ 4 статьи 22 сроковъ, или 3) обнаруженія въ теченіи тѣхъ же упомянутыхъ въ статьѣ 23—сроковъ у условно-осужденнаго порочнаго поведенія, угрожающаго личной и общественной безопасности и порядку, или 4) скрытія его изъ подъ учрежденнаго надъ нимъ наблюденія,—судъ безотлагательно постановляетъ о приведеніи въ исполненіе своего условнаго приговора.

Въ случаѣ же новаго осужденія условно осужденнаго при условіяхъ, предусмотрѣнныхъ пунктомъ 1 сей статьи, за преступленіе, совершенное по неосторожности, или только за проступокъ, примѣненіе отложеннаго наказанія предоставляется усмотрѣнію суда.

**Объ услов-
номъ осу-
жденіи.**

При обсужденіи законопроекта объ условномъ осужденіи было отмѣчено, что этимъ закономъ чрезвычайной важности, измѣняющимъ въ государствѣ основныя положенія уголовной политики, въ основаніе уголовного правосудія ставится уже не принципъ **наказанія**, а болѣе популярный принципъ **осужденія**. Законъ этотъ, радикально измѣняя отношенія государства къ преступнику и преступника къ государству затрагиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересы широкихъ круговъ общества, на благѣ котораго онъ можетъ сильно отразиться, почему на законѣ этомъ приходится особенно остановиться.

Изъ многочисленныхъ классовъ преступниковъ законодательство передовыхъ странъ Европы особое вниманіе удѣляетъ **случайнымъ** преступникамъ; послѣдніе обладаютъ и чувствомъ долга, и извѣстнымъ сознаніемъ законности, и нѣкоторой нравственной силой, но подъ вліяніемъ нужды или страсти или иного неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ они безсильны бороться со своимъ преступнымъ порывомъ и совершаютъ проступленія, которыя впослѣдствіи вызываютъ у нихъ глубокое раскаяніе. Опытъ показываетъ, что примѣненіе къ такимъ преступникамъ краткосрочнаго лишенія свободы вызываетъ лишь отрицательные результаты, ожесточая случайныхъ нарушителей вѣлній закона и содѣйствуя превращенію ихъ въ преступниковъ привычныхъ. Такимъ образомъ случайными преступниками могутъ оказаться лица, совершившія тотъ или иной проступокъ по неосмотрительности, недостаточной осторож-

ности, и вотъ возникла мысль бороться со случайными преступниками иными карательными мѣрами. Среди этихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ стоитъ институтъ условнаго осужденія, который заключается въ томъ, что постановленный судомъ приговоръ приводится въ исполненіе лишь въ случаѣ предусмотрѣннаго закономъ порочнаго поведенія осужденнаго или только при совершеніи имъ новыхъ преступныхъ дѣяній.

Карательная природа этого института состоитъ въ томъ, что осужденный живетъ подѣ угрозой немедленнаго наказанія въ случаѣ несоблюденія предписанныхъ ему правилъ, а съ другой стороны, какъ то признано въ большинствѣ Европейскихъ кодексовъ, **въ томъ внушеніи**, которое дѣлается виновному при условномъ осужденіи.

Условное осужденіе было введено во многихъ странахъ взамѣнъ, какъ сказано, краткосрочнаго тюремнаго заключенія и благодаря упорной пропагандѣ международнаго союза криминалистовъ, проникло и въ Германію, несмотря, въ свою очередь на упорную контръ-пропаганду, оказанную введенію этого института въ виду того, что таковое фактически наносило смертельную рану существующему въ Германіи принципу «Возмездія за вину, посредствомъ наказанія» по принципу „*nullum crimen sine poena*“.

Условное осужденіе, которое было введено въ Италіи на основаніи закона 1904 года по французско-бельгійской системѣ **отсрочки приведенія въ исполненіе приговора** въ отличіе отъ американской системы **отсрочки въ постановленіи приговора**, — регулируется позднѣйшимъ проектомъ итальянскаго Уголовнаго Уложенія 1921 г. многими ограничительными условіями.

Нельзя скрыть, что на дѣлѣ условное осужденіе, какъ это можно было заранѣе предвидѣть и какъ это затѣмъ оказалось по испытаніи на практикѣ, не оправдало возлагавшихся на него надеждъ: оно автоматически обратилось въ допускаемыхъ закономъ случаяхъ или въ обыкновенное смягчающее вину обстоятельство или же въ средство успокоенія судейской совѣсти при сомнѣніи въ винѣ подсудимаго.

Слишкомъ широко поставленный институтъ условнаго осужденія грозитъ обратиться **въ судебное помилованіе** въ ущербъ интересамъ потерпѣвшаго и широкихъ круговъ общества, а съ другой стороны нерѣдко тамъ, гдѣ надлежало бы прозвучать оправданію, оставляетъ обвиняемаго какъ бы «въ подозрѣніи».

Въ Россіи вопросъ о введеніи условнаго осужденія возникъ сравнительно еще недавно. Высочайше утвержденными 22 марта 1903 года заключеніями Государственнаго Совѣта Министру Юстиціи было предложено разработать вопросъ о введеніи въ дѣйствіе Института условнаго осужденія. Недостатокъ широко развитой сѣти патронатовъ не далъ возможности осуществленія на практикѣ этого ин-

ститута. Въ 1909 году Россійской Государственной Думой былъ принятъ законопроектъ объ условномъ осужденіи, но 7 апрѣля 1910 г. Государственнымъ Совѣтомъ этотъ законопроектъ былъ отклоненъ какъ преждевременный въ силу упомянутого выше обстоятельства, а главнымъ образомъ въ виду неудовлетворительности мѣстныхъ судовъ.

При обсужденіи законопроекта, въ Комиссіи по созданію Латвійскаго Уголовнаго Уложенія прежде всего спорнымъ явился вопросъ объ объемѣ дѣйствія предполагаемаго закона, причемъ Комиссія рѣшила ограничиться распространеніемъ института условнаго осужденія лишь на лицъ, присуждаемыхъ къ наказанію, не превышающему заключенія къ краткосрочной тюрьмѣ. Лица, поддерживавшія введеніе въ лѣстницу наказанія содержаніе въ крѣпости, находя, что крѣпость преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣль изоляціи преступника отъ общества, являясь какъ бы плѣномъ, ничего общаго съ исправительными задачами правосудія не имѣющимъ, будучи назначаема главнымъ образомъ по дѣламъ политическаго свойства, не считали возможнымъ распространеніе указаннаго института на присуждаемыхъ къ заключенію въ крѣпости. Затѣмъ въ Комиссіи нѣкоторые члены находили, что въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ условное осужденіе должно быть допущено по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ и преступленіяхъ. Что касается до совершенія несовершеннолѣтними проступковъ, то къ таковымъ, по мнѣнію этихъ членовъ, условное осужденіе едва ли являється примѣнимымъ, такъ какъ по п. 3 ст. 53 (55) Угол. Улож., установленныя за проступки наказанія (арестъ или денежная пеня) замѣняются внушеніемъ отъ суда. При обращеніи несовершеннолѣтнимъ проступковъ въ промыселъ, въ силу привычки къ преступной дѣятельности, обвиняемый долженъ подлежать отдачѣ въ воспитательно-исправительное заведеніе; въ этомъ случаѣ отпадаетъ основаніе для примѣненія къ нему отсрочки наказанія и постановленный судомъ приговоръ приводится въ исполненіе. Однако большинство Комиссіи сочло излишнимъ создавать для несовершеннолѣтнихъ особое правило.

Спорнымъ явился вопросъ относительно распространенія закона объ условномъ осужденіи на проступки, облагаемые штрафами; въ то время, какъ большинство предполагало не распространять дѣйствіе упомянутого закона на проступки по нарушенію интересовъ фиска, меньшинство полагало не распространять на проступки, облагаемые штрафами, опредѣленными за нарушеніе Уставовъ Казенныхъ и административныхъ установленій или получающими особое указанное въ законѣ, какъ напр. въ ст. 57 Устав. Общ. призрѣнія т. XIII Св. Зак., изд. 1915 г., назначеніе. Далѣе разномысліе получилось по вопросу о включеніи двухъ пунктовъ ограниченія примѣненія закона объ условномъ осужденіи, а именно: 1) въ случаѣ упорнаго нежеланія осу-

жденнаго добровольно возмѣститъ причиненный преступнымъ дѣяніемъ вредъ и убытки и 2) въ случаѣ учиненія преступнаго дѣянія по промыслу или по привычкѣ. По мнѣнію меньшинства указанный первый пунктъ не только ограждаетъ интересы потерпѣвшаго: готовность возмѣститъ ущербъ выказываетъ подчасъ искреннее раскаяніе подсудимаго и обратно-упорство подсудимаго не возмѣщать убытки знаменуетъ напряженіе злой воли. Въмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, что размѣръ доказанныхъ исковыхъ требованій устанавливаетъ судья и такимъ образомъ отпадаетъ возможное возраженіе на преувеличеніе исковыхъ требованій потерпѣвшимъ. Второй же пунктъ, по мысли меньшинства, вытекаетъ изъ того начала, что условное осужденіе примѣняется къ случайнымъ преступниками, а не рецидивистамъ. Однако большинство Комиссіи полагало излишнимъ включеніе въ законъ приведенныхъ ограничительныхъ пунктовъ, находя, что постановленіе первой статьи о томъ, что судъ примѣняетъ условное осужденіе, если «судъ найдетъ достаточное основаніе предполагать, что осужденный будетъ вести себя одобрительно безъ примѣненія наказанія, достаточно ограждаетъ Общество отъ слишкомъ широкаго примѣненія настоящаго закона, устанавливая вполне опредѣленные границы для усмотрѣнія судьи, лишеннаго возможности въ подобныхъ случаяхъ ограничиться однимъ осужденіемъ съ отсрочкой наказанія.»

Кромѣ того одинъ членъ Комиссіи въ связи съ выработанными положеніями о борьбѣ съ хулиганствомъ*) полагалъ добавить 22 ст. еще указаніемъ на нераспространеніе законоположеній объ условномъ осужденіи на дѣла съ осужденіемъ за хулиганство или за преступныя дѣянія, учиненныя по хулиганскимъ побужденіямъ, изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со стороны потерпѣвшаго, но Комиссія и въ этомъ случаѣ полагала, что здравый смыслъ судьи самъ собою не примѣнитъ къ сего рода дѣламъ дѣйствія постановленій объ условномъ осужденіи въ силу 21 ст.

По поводу **обязательности внушенія** со стороны судьи при условномъ осужденіи въ Комиссіи было высказано мнѣніе, что таковое внушеніе необходимо въ цѣляхъ нравственнаго воздѣйствія на осужденнаго; равнымъ образомъ въ цѣляхъ елико возможнаго устраненія судебного произвола въ дѣлѣ вынесенія судебного приговора въ Комиссіи высказывалось пожеланіе **объ обязаніи суда при опредѣленіи условной отсрочки наказанія приводить подробную мотивировку принятой мѣры**, ибо требованіе такой мотивировки заставило бы судъ осмотрительнѣе и сознательнѣе относится къ вынесенію условнаго приговора. На томъ же основаніи указывалось на необходимость упоминанія въ законѣ, что по дѣламъ подсуднымъ окружному

*) См. объясненія подъ ст. 62.

суду, прокурорскій надзоръ по вопросу объ отмѣнѣ условной отсрочки наказанія составляетъ **письменное заключеніе**, однако большинствомъ членовъ Комиссіи означенныя предложенія были отвергнуты.

При дальнѣшемъ обсужденіи законопроекта меньшинство для жизнненности проводимаго института полагало необходимымъ установленіе въ законѣ точной регламентаціи обязательнаго **наблюденія** за условно осужденными и ихъ **регистраціи**, считая, что безъ этихъ данныхъ законопроектъ обратится въ положеніе о судебномъ помилованіи. По вопросу о самомъ наблюденіи, устанавливаемомъ за условно осужденнымъ, меньшинство полагало необходимымъ ввести въ Уставъ Уголовнато Судопроизводства статью, въ которой бы указывалось, что это наблюденіе возлагается на Общество Патроната, но подъ непосредственнымъ надзоромъ мирового судьи, по его распоряженію и указаніямъ, при этомъ, однако, предполагалось, что отнюдь не отпадаютъ общія обязанности полицейскихъ властей, которыя по роду своей дѣятельности призваны закономъ къ предупрежденію и пресѣченію всякаго рода нарушающихъ личную и общественную безопасность преступныхъ дѣяній и по уголовнымъ дѣламъ дѣйствуютъ подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора.

Въ отношеніи самого наблюденія меньшинство полагало возможнымъ установить порядокъ, подобный тому, который установленъ въ постановленіяхъ Россійскаго Временнаго Правительства отъ 26 апрѣля 1917 г. объ отмѣнѣ ссылки (Собр. Узак. ст. 556) и отъ 1 Августа 1917 г. объ условномъ досрочномъ освобожденіи (Собр. Узак. ст. 1326).

Что же касается до регистраціи, то таковая, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи, помимо Министерства Юстиціи, въ которомъ сосредоточены всякія справки о судимости, и полицейскихъ установленій, должна бы вестись: въ судѣ постановившемъ приговоръ объ условномъ осужденіи, у прокурорскаго надзора, у судебного слѣдователя, производившаго о данномъ обвиняемомъ предварительное слѣдствіе, наконецъ у мирового судьи по мѣсту жительства осужденнаго, какъ лица, которому принадлежитъ главное руководство надзора за его поведеніемъ. Однако большинствомъ членовъ Комиссіи было признано цѣлесообразнѣе предоставить Мин. Юстиціи въ инструкціонномъ порядкѣ, въ случаѣ надобности, регламентировать упомянутыя наблюденія и регистрацію сообразно даннымъ практики.

Дальнѣйшій споръ въ Комиссіи возникъ относительно условій, при которыхъ должна послѣдовать отмѣна условнаго приговора; въ то время, какъ большинство полагало обязательную отмѣну условнаго приговора въ случаѣ **новаго осужденія** условно освобожденнаго отъ наказанія за тяжкія преступленія или преступленія, совершенныя до или въ теченіи указаннаго въ законѣ срока, меньшинство Комиссіи полагало установить обязательную отмѣну условнаго осужде-

нія въ случаѣ **учиненія** осужденнымъ въ теченіи установленнаго закономъ срока новаго умышленнаго преступнаго дѣянія, за которое ему угрожаетъ наказаніе не ниже заключенія въ краткосрочной тюрьмѣ или въ случаѣ обнаруженія **совершенія** виновнымъ какого либо иного умышленнаго преступнаго дѣянія до постановленія приговора.

По мнѣнію меньшинства должно быть принято за основаніе отмѣны условной отсрочки наказанія **не осужденіе, а фактъ учиненія** новаго преступления, констатируемаго дающимъ достаточныя гарантіи противъ вздорности обвиненія актомъ привлеченія въ качествѣ обвиняемаго условно осужденнаго, тѣмъ болѣе, что указанное въ 3 п. 25 ст. порочное поведение, равнымъ образомъ констатируется не судебнымъ приговоромъ, а любымъ органомъ судебной и административной власти, однако большинство Комиссіи не считало возможнымъ принять во вниманіе эту стадію процесса въ качествѣ рѣшающаго момента и приняло за основаніе обязательнаго приведенія въ исполненіе отсроченнаго приговора не одно подозрѣніе, а констатированную судомъ новую доказанную виновность условно-осужденнаго.

Далѣе меньшинство полагало обязать судъ приводить немедленно въ исполненіе условный приговоръ въ случаѣ неисполненія **условно осужденнымъ добровольно принятаго на себя обязательства вознаградить потерпѣвшаго**, но, въ соотвѣтствіи съ соображеніями, изложенными по этому поводу выше, это предложеніе большинствомъ не было принято.

Въ прочихъ менѣе значительныхъ случаяхъ меньшинство полагало допустить факультативную отмѣну судомъ условной отсрочки наказанія.

Наконецъ большинствомъ было отвергнуто предложеніе о значительномъ расширеніи правъ судебныхъ властей по принятію мѣръ пресѣченія способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда лицамъ, въ отношеніи коихъ, въ виду возникновенія новаго о нихъ уголовного дѣла, условная отсрочка наказанія подлежитъ отмѣнѣ. Въ данномъ случаѣ, изъ-за возможной задержки въ фактической отмѣнѣ отсрочки наказанія, предлагалось установить примѣнительно къ п. 12 отд. IV Постановленія Временнаго Правительства 26 апрѣля 1917 г. объ отмѣнѣ ссылки (Собр. Узак. ст. 556) такой порядокъ, въ силу котораго въ случаѣ совершенія условно освобожденнымъ отъ наказанія до истеченія положеннаго ему судомъ срока, преступнаго дѣянія, влекущаго за собою наказаніе не ниже заключенія въ краткосрочной тюрьмѣ, мѣрою пресѣченія обвиняемому способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда можетъ быть избрано подлежащую судебною властью заключеніе подъ стражею, независимо отъ основаній, указанныхъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства.

Первоначально предполагалось, что приведение въ исполненіе условнаго приговора съ отмѣною отсрочки наказанія можетъ послѣдовать по распоряженію любого суда, гдѣ выяснятся данныя, указанныя въ ст. 25, но при окончательномъ разсмотрѣніи проекта было рѣшено предоставить право отмѣны отсрочки наказанія **суду, постановившему условный приговоръ**. Основаніемъ къ тому послужило то соображеніе, что судъ постановляетъ условный приговоръ по внутреннему убѣжденію въ связи съ ознакомленіемъ со всѣми обстоятельствами даннаго дѣла и съ личностью самого преступника, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ статьею 25 законъ предоставляетъ отмѣну условнаго приговора **усмотрѣнію** суда, каковое усмотрѣніе съ пользой для дѣла, конечно, можетъ быть осуществлено только судомъ, постановившимъ условный приговоръ. Къ тому же, суду важно быть освѣдомленнымъ о послѣдствіяхъ своего условнаго приговора.

Обсуждая вопросъ объ условномъ осужденіи, Комиссія не отрицала того, что жизненность этого института основана на успѣшности дѣятельности патроната. Только въ случаѣ дѣйствительнаго наблюденія за условно осужденнымъ и правильной постановки регистраціи возможно плодотворное развитіе предполагаемой мѣры, иначе цѣль закона не будетъ достигнута и онъ останется мертвой буквой.

26 (24). Денежная пеня одредѣляется латами, за исключеніемъ случаевъ, въ коихъ закономъ указанъ особый порядокъ ея исчисленія. Если въ законѣ высшій размѣръ пени опредѣленъ не менѣе *ста* латовъ, то пеня назначается въ размѣръ не менѣе *десяти* латовъ. Низшій размѣръ пени опредѣляется въ *одинъ* латъ.

Уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена судомъ на время не свыше *одного* года, считая со дня вступленія приговора въ законную силу.

Денежная пеня, для коей закономъ не установлено особаго назначенія, поступаетъ въ казну.

О денежной пени.

Денежная пеня Комиссіей установлена въ латахъ, при этомъ одни члены Комиссіи высказывались за то, чтобы курсъ валюты въ латахъ устанавливался въ моментъ постановленія Судьею приговора, который бы опредѣлялъ чему равенъ въ данномъ приговорѣ штрафъ въ расчетѣ на Латвійскіе рубли. Другіе указывали на возможность злоупотребленія и спекуляціи съ оттяжкой приговора въ надеждѣ уплаты по болѣе выгодному курсу впослѣдствіи, почему высказывались за установленіе курса въ моментъ исполненія приговора.

На это возражалось, что въ обоихъ случаяхъ возможна спекуляція, что и въ послѣднее время могъ быть расчетъ

на удешевленіе денегъ, однако злоупотребленіи въ этомъ на-
правленіи не замѣчалось на практикѣ. При двойной же ва-
лютѣ важно, чтобы, въ цѣляхъ вящей авторитетности,
курсъ устанавливалъ именно судья.

Взвѣсивъ этотъ вопросъ, большинство Комиссіи, при-
нявъ въ основу латъ, рѣшила, однако, не затрагивать въ
Угол. Уложеніи вопроса о курсѣ, по которому указанная въ
латахъ денежная пеня будетъ взыскиваться, находя, что
разъясненіе по вопросу о курсѣ можетъ дать Сенатъ въ по-
рядкѣ толкованія закона, въ Уголовномъ же Уложеніи не
мѣсто такому постановленію чисто временнаго характера.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія установила, въ качествѣ об-
щаго руководящаго правила въ указанныхъ въ Угол. Улож.
случаяхъ низшій размѣръ пени въ одинъ латъ, хотя въ Ко-
миссіи указывалось, что эта ставка является слишкомъ вы-
сокой, ибо она выражается по курсу въ размѣрѣ 50 латъ.
рублей. Судья затруднится во многихъ случаяхъ выносить
такой суровый приговоръ, чѣмъ увеличится число оправда-
тельныхъ приговоровъ при явной виновности, отчего по-
страдаетъ правосудіе. Непринятое мнѣніе высказывалось за
установленіе въ видѣ низшаго размѣра пени въ 50 сант.

Денежную пеню Комиссія опредѣлила обращать въ
Казну.

27 (27). Присужденіе къ заключенію въ каторжной
и долгосрочной тюрьмахъ, а также къ заключенію въ
краткосрочной тюрьмѣ, опредѣленному судомъ за пре-
ступленія, предусмотрѣнныя статьями: 158 (ч. 2 п. 1), 168
(ч. 2 п. 2), 242, 274 (ч. 2), 279, 344 (ч. 4), 351, 352, 427,
428, 431, 432, 434, 435 (ч. 2), 440, 441, 442 (ч. 3),
443 (ч. 3), 516, 524—527, 574 (ч. 1 и 2), 575—578,
579 (ч. 2), 580, 581 (ч. 1—3), 582, 583, 586, 588, 590
(ч. 1), 591 (ч. 1 и 2), 592—596, 598, 599, 607—609,
611—616, 619 (ч. 2), 626 (ч. 2), 656 (ч. 3), 657—659,
661, 664, 665, 673 (ч. 2), 674 и 675 (ч. 1) *) сопро-
вождаются потерей военныхъ чиновъ, орденовъ и дру-
гихъ знаковъ отличія, почетныхъ званій и пенсій, а
также удаленіемъ отъ должностей государственныхъ,
духовныхъ и самоуправленія.

При разсмотрѣніи статей, касающихся правопораженія обвиненныхъ по судебнымъ приговорамъ, Комиссія приняла въ соображеніе различіе общественно-государственнаго строя Латвійской республики отъ такового же строя бывшей Россійской Имперіи, а потому соот-
вѣтственнымъ образомъ измѣнила или исключила изъ

О пораже-
ніи приобрѣ-
тенныхъ
правъ.

*) Нумерація всѣхъ статей Угол. Улож. 1903 г.

текста тѣ постановленія Уголовнаго Уложенія, которыя вытекали изъ принципа сословности, въ Латвіи непримѣнимаго. Такъ Комиссія сочла нужнымъ исключить изъ текста статьи 25 и 26 Угол. Улож. 1903 г., устанавливавшія спеціальныя виды правопораженій для дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и лицъ другихъ сословій; на томъ же основаніи Комиссія признала излишнимъ примѣчаніе 1-ое къ ст. 32 (34), какъ касающееся приписки крестьянъ къ сословному волостному обществу. Засимъ Комиссія сочла цѣлесообразнымъ текстъ статей 27 и 28 Угол. Улож. 1903 г. свести въ одну статью, 27-ую въ новой редакціи, въ каковую и были включены всѣ послѣдствія правопораженій, одинаковыя для всѣхъ безъ исключенія гражданъ, касающіяся государственно—правового положенія осужденныхъ. Въ эту новую редакцію статьи 27 Комиссія включила указаніе на то, что правопораженіе неизбѣжно слѣдуетъ за назначеніемъ каждаго позорящаго наказанія, т. е. заключеніе въ каторжной или долгосрочной тюрьмѣ, а также въ краткосрочной тюрьмѣ, при условіи осужденія, въ послѣднемъ случаѣ, по опредѣленнымъ, указаннымъ въ законѣ, статьямъ.

**О лишеніи
духовнаго
сана.**

Первоначально Комиссія приняла то положеніе, что въ число правопораженій, упоминаемыхъ 27 ст. проекта, должно быть упомянуто въ числѣ правоограниченій о **потерѣ духовнаго сана и званія**. Однако въ послѣдствіи большинствомъ Комиссіи упоминаніе объ этомъ правоограниченіи было изъ 27 ст. исключено на томъ основаніи, что такая ссылка является несогласной съ принципомъ отдѣленія церкви отъ государства.

Въ этомъ отношеніи одинъ членъ Комиссіи остался при мнѣніи, полагая, что принципъ отдѣленія церкви отъ государства нисколько не можетъ поколебать соображеній составителей Россійскаго Угол. Уложенія.

По проекту редакц. Комиссіи относительно лицъ духовныхъ — лишеніе духовнаго сана, какъ послѣдствіе присужденія къ смертной казни, каторгѣ, поселенію и исправительному дому, было указано отдѣльно отъ лишенія правъ состоянія; въ проектѣ, внесенномъ въ Госуд. Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ Св. Синода, это положеніе было дополнено указаніемъ на лишеніе духовныхъ лицъ не только ихъ сана, но и духовнаго званія, ибо на основаніи ст. 177 Уст. дух. конс., наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ изверженіе священнослужителей изъ духовнаго званія, вслѣдствіе чего они не только лишаются занимаемой ими должности и своего сана, но утрачиваютъ въ то же время право быть назначенными и на низшія церковныя должности (напр. псаломщика). На семъ же основаніи въ проектѣ было указано, что священно—и церковно—служители и монашествующіе православнаго исповѣданія, приговоренные къ тюрьмѣ, лишаются сана по распоряженію ихъ духовнаго начальства и исключаются изъ духовнаго званія, причемъ **лишеніе**

духовнаго сана было отнесено къ категоріи служебныхъ правопораженій. Совѣщаніе же при Мин. Юстиціи полагало, что при такомъ изложеніи не представляется уже необходимости упоминать въ этой статьѣ особо о лишеніи духовныхъ лицъ занимаемыхъ ими должностей, такъ какъ эти должности не могутъ быть занимаемы лицомъ, несостоящимъ въ духовномъ званіи (предст. 28). Но особое совѣщаніе нашло, что «отнесеніе этихъ правопоряженій къ лишенію правъ служебныхъ представляется неправильнымъ. Не всѣ духовныя лица могутъ быть признаваемы должностными или служащими лицами. Въ эту категорію безусловно не входятъ, напр. всѣ монашествующіе, не принадлежащіе, по закону, къ духовнымъ властямъ. Сверхъ того, послѣдствія присужденія духовныхъ лицъ къ одному изъ указанныхъ въ ст. 23 (пр. М. Ю.) правопораженій состоятъ не исключительно только въ лишеніи духовнаго сана или званія, но въ утратѣ всей совокупности правъ и преимуществъ, составляющихъ по закону права духовнаго состоянія. Поэтому лишеніе духовныхъ лицъ принадлежащихъ имъ сана и званія включено было въ лишеніе правъ состоянія» (особ. сов. 78, 79).

Разномысліе вызывалъ и вопросъ объ оставленіи по- Лишеніе
раженія правъ семейственныхъ, наслѣдственныхъ и иму- правъ се-
щественныхъ. мействен-
ныхъ, на-
слѣдствен-
ныхъ и
имуше-
ственныхъ.

Въ Комиссіи выдвигалось то положеніе, что лишеніе правъ не должно быть связано съ опредѣленнымъ наказаніемъ. Правопораженія могутъ вытекать лишь изъ свойства преступнаго дѣянія, степени обнаруживаемой преступни-
комъ гнусности и совокупности руководящихъ имъ мотивовъ. Неизбѣжная по закону потеря правъ, связанная съ опредѣленнымъ наказаніемъ является часто ничѣмъ не оправданнымъ и подчасъ чрезмѣрно жестокимъ формализмомъ. Семейственныя, наслѣдственныя и имущественныя права должны быть исключены изъ числа объектовъ карательнаго воздѣйствія государства. Карательная власть не должна вторгаться и въ интимную среду семейной жизни, потеря же имущественныхъ правъ является наказаніемъ не только самого преступника, но и его правопреемниковъ, что противорѣчитъ началу индивидуальности наказанія. Во время отбыванія наказанія, осужденный лишенъ дѣеспособности — возможности управлять своимъ имуществомъ, но тогда надъ его имуществомъ можетъ быть назначено попечительство, лишить же его навсегда имущественныхъ правъ не слѣдуетъ.

Противъ этого указывалось на то, что прежде всего надо условиться, какъ смотрѣть на поразеніе въ правахъ. Если смотрѣть на таковое какъ на дополнительное наказаніе, то надлежитъ остаться при прежнихъ законоположеніяхъ; на правопораженіе, какъ на дополнительное наказаніе смотрѣла и редакціонная комиссія по составленію проекта Уголовнаго Уложенія 1903 г. (см. об. зап. т. I стр. 218).

Съ устраненіемъ изъ системы наказаній смертной казни и прежней каторги, явилась надобность въ усугубленіи тяжести наличныхъ наказаній; значительно уменьшилось и различіе между отдѣльными видами лишенія свободы, поэтому явилась необходимость въ особенномъ усиленіи наказуемости по дѣяніямъ, влекущимъ за собою каторжный режимъ, въ отношеніи коихъ предшедшая Комиссія считала цѣлообразнымъ сохраненіе пораженія правъ наслѣдственныхъ, имущественныхъ и семейныхъ. Долговременное заключеніе въ каторжной тюрьмѣ вычеркиваетъ надолго человѣка изъ круга близкихъ ему лицъ, если безвѣстное отсутствіе въ 5 лѣтъ даетъ право расторгенія брака, то заключеніе въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не ниже 6 лѣтъ должно освободить супруга отъ связи съ каторжаниномъ; послѣдній можетъ добровольно не дать развода, поэтому цѣлесообразно было бы закономъ разрывать связь. Къ тому же такой осужденный можетъ изъ каторжной тюрьмы всячески препятствовать распоряженію имуществомъ оставшихся на свободѣ родныхъ. Если же родные пожелали бы считаться съ волей каторжанина, они добровольно могли бы съ ней считаться. Это пораженіе правъ должно быть неизбѣжно связано съ болѣе тяжкими видами наказанія. Практика показала, что сопутствующія наказаніямъ лишенія правъ являются иной разъ большимъ, устрашающимъ и воздерживающимъ колеблющуюся волю отъ преступленія стимуломъ. Въ законѣ должны быть указаны точно размѣры правопораженій, присущіе тому или иному виду наказанія.

Этимъ устанавливалось бы большее различіе между отдѣльными видами наказаній. Во избѣженіе случайности и сравнительной несправедливости приговоровъ, усмотрѣнію суда не можетъ быть предоставленъ вопросъ о правопораженіи, это должно быть извѣстно преступникамъ, какъ угроза до суда, иначе участь подсудимыхъ будетъ слишкомъ зависѣть не отъ **состава преступления**, а отъ **состава присутствія суда**. Въ основѣ наказаній долженъ лежать принципъ цѣлообразности и потому слѣдуетъ оставить проектъ предшедшей Комиссіи въ смыслѣ сохраненія указанныхъ правопораженій.

Большинство Комиссіи, однако, признало, что семейныя, наслѣдственныя и имущественныя права не должны быть объектомъ карательной дѣятельности государства.

Примѣненіе въ Россіи института лишенія имущественныхъ и семейныхъ правъ имѣло извѣстное оправданіе; осужденныхъ на каторгу усылали въ Сибирь далеко отъ мѣста постоянного жительства, куда они рѣдко возвращались по отбытіи наказанія, предвидя не особенно пріязненное отношеніе къ нимъ прежняго общества. Въ Латвіи же условія совсѣмъ другія. Осужденный въ каторжную тюрьму все время находится вблизи семьи и своего имущества и связь его съ утвержденными надъ его имуществомъ попечителями можетъ быть довольно тѣсная. Поэтому Комиссія большин-

ствомъ голосовъ и постановила: исключить изъ Уголовнаго Уложенія 29 ст. Угол. Улож. изд. 1903 г., какъ заключающую въ себѣ непріемлемый институтъ пораженія семейныхъ, наслѣдственныхъ и имущественныхъ правъ.

Дальнѣйшій споръ возникъ по вопросу о лишеніи **О лишеніи права на пенсію.** осужденнаго правъ на пенсію.

По мнѣнію меньшинства разъ Комиссія отказалась отъ института пораженія имущественныхъ правъ, она должна въ силу послѣдовательности придерживаться того же принципа и при рѣшеніи вопроса о пенсіи, какъ «пріобрѣтенномъ имуществѣ».

Исключеніе — т. е. лишеніе права на пенсію можетъ быть сдѣлано лишь относительно осужденныхъ за преступленія, какъ напр. государственную измѣну и за должностныя преступленія. Въ этихъ случаяхъ пенсія неумѣстна, но въ Уголовное Уложеніе такое постановленіе, затрагивающее имущественныя права, не должно быть введено, это необходимо предоставить пенсіонному Уставу.

Но большинство Комиссіи нашло, что Уголовный Кодексъ въ силу послѣдовательности долженъ дать общее правило по этому вопросу, который долженъ быть разработанъ Комиссіею съ точки зрѣнія уголовной политики и разрѣшенъ въ согласіи съ остальными постановленіями Комиссіи о правопораженіяхъ. Если эта работа будетъ предоставлена исключительно составителямъ Пенсіоннаго Устава, то послѣдніе могутъ впасть въ противорѣчіе съ принципами, принятыми настоящей Комиссіей по пересмотру Уголовнаго Уложенія. Комиссія должна опредѣленно высказать свой взглядъ, съ которымъ придется считаться специальнымъ комиссіямъ.

Въ Уголовномъ Уложеніи необходимо дать исчерпывающія указанія относительно правопораженій, и ни въ комъ случаѣ такія указанія не слѣдуетъ разбрасывать по отдѣльнымъ уставамъ, это приведетъ на практикѣ лишь къ всевозможнымъ затрудненіямъ для судей, нуждающихся въ быстрѣйшемъ наведеніи справокъ за судейскимъ столомъ.

По существу же большинство полагаетъ, что пенсію отнюдь нельзя разсматривать какъ заработокъ, вытекающій изъ договорныхъ отношеній работника къ работодателю — государству.

«Государственная служба, — говорится въ мотивахъ къ Росс. Угол. Уложенію, **— не только не тождественна, но и не имѣетъ ничего общаго съ наймомъ личныхъ услугъ;** нанимая таковыя, государство, дѣйствуетъ не въ качествѣ государственной власти, а въ качествѣ простого контрагента, вслѣдствіе чего и отношенія между нимъ и другою стороною опредѣляются не закономъ, а силою заключеннаго между ними контракта. Государственная гражданская служба есть такая же **государственная или общественная повинность**, какъ и повинность воинская или опекунская (особенность государственной службы подчеркивается, между

прочимъ, торжественнымъ обѣщаніемъ на вѣрность службы). Когда предложеніе государственныхъ услугъ превышаетъ спросъ на таковыя, какъ это имѣетъ мѣсто въ современной жизни, поступленіе или непоступленіе на службу, продолженіе таковой или выходъ въ отставку предоставляется личному усмотрѣнію гражданъ; коль скоро же спросъ на служащихъ превышаетъ предложеніе услугъ, то и само государство будетъ поставлено въ необходимость потребовать отбыванія службы въ смыслѣ повинности. Такіе примѣры знаетъ исторія каждого народа; эпоха Петра Великаго изобилуетъ ими въ русской жизни. Это начало повинности принято въ дѣйствительности во всѣхъ современныхъ государствахъ относительно прекращенія службы, ибо всюду существуетъ выраженное въ 791 ст. Уст. о Службѣ III т. Св. Зак. (изд. 1896 г.) правило, что «никто не можетъ самовольно оставить своего мѣста или прекратить исполненіе обязанностей, со службою его сопряженныхъ, прежде, нежели объявлено ему будетъ законное отъ оной увольненіе»; время же сего увольненія или освобожденія отъ повинности, зависитъ исключительно отъ государства. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что государство отказало бы въ прошеніяхъ объ отставкѣ военнымъ врачамъ, если бы число такихъ отставокъ угрожало санитарнымъ интересамъ долженствующей выступить или выступившей въ походъ арміи; точно также несомнѣнно, что оно отказало бы дать отставку чинамъ полиціи во время эпидеміи или иныхъ народныхъ бѣдствій или даже и при обыкновенныхъ условіяхъ, коль скоро число просящихъ объ увольненіи отъ службы будетъ столь значительно, что невозможность немедленнаго замѣщенія ихъ другими угрожала бы, на примѣръ, области прекращеніемъ государственнаго управленія. Не требуетъ доказательствъ, что подобный отказъ можетъ имѣть мѣсто лишь при условіи взгляда на службу не какъ на наемъ личныхъ услугъ, а какъ на государственную повинность.» (Проектъ Ред. Ком. Глава о злоупотр. Госуд. и Общ. Службою, стр. 25.—26.)

Разъ составители Уголовнаго Уложенія считали государственную службу вытекающей не изъ договора личнаго найма, а почитали своего рода повинностью, то государство не лишено права лишать пенсіи бывшихъ своихъ недостойныхъ служителей.

Странно было бы обязать государство выдавать пенсію конокрадамъ, измѣнникамъ, шулерамъ, ворамъ, изгнаннымъ по суду со службы и другимъ лицамъ, вступившимъ въ борьбу съ государственностью.

Вопросъ о семьѣ преступника въ данномъ случаѣ долженъ уступить мѣсто принципу. Вѣдь семья страдаетъ не только отъ отнятіи пенсіи, но и всякое наказаніе главы семьи, какъ потеря должности, штрафъ и даже арестъ уменьшаетъ благосостояніе семьи. Поэтому въ ст. 27 проекта большинство Комиссіи и рѣшило оставить указаніе на утрату осужденнымъ пенсіи.

Въ связи съ выработанными постановленіями о борьбѣ съ хулиганствомъ*), одинъ членъ Комиссіи въ цѣляхъ усиленія репрессіи за хулиганство и иныя преступныя дѣянія, учиненныя по хулиганскимъ побужденіямъ, считалъ необходимымъ расширить правопораженія, упоминаемыя въ 27 ст., на лицъ, учинившихъ такого рода дѣянія, путемъ дополненія означенной статьи второю частью слѣдующаго содержанія: «Присужденіе къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ за хулиганство или за иныя преступныя дѣянія, не упомянутыя въ ст. 27, но учиненныя по хулиганскимъ побужденіямъ, изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со стороны потерпѣвшаго, можетъ равнымъ образомъ сопровождаться, по усмотрѣнію суда, пораженіемъ правъ, указаннымъ въ 27 статьѣ.»

28 (30). Приговоренные къ заключенію въ каторжной и долгосрочной тюрьмахъ или къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ за дѣянія, предусмотрѣнныя статьями, перечисленными въ предшедшей (27) статьѣ, утрачиваютъ права:

1) голосовать, быть избирателемъ или избираемымъ по дѣламъ государственнымъ и дѣламъ самоуправленія или пользоваться иными политическими правами;

2) состоять на службѣ государственной или самоуправления;

3) состоять на службѣ въ арміи и флотѣ;

4) занимать духовныя должности;

5) быть опекуномъ или попечителемъ;

6) быть начальствующимъ, воспитателемъ или учителемъ въ учебномъ заведеніи, а также пользоваться правами домашняго учителя;

7) быть третейскимъ судьей, а равно членомъ конкурснаго управленія или администраціи, присяжнымъ попечителемъ, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ или повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся въ государственныхъ установленіяхъ или самоуправленіяхъ;

8) быть свидѣтелемъ при договорахъ или актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы.

Примѣчаніе. Въ видѣ исключенія, при присужденіи къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ суду предоставляется не лишать осужденнаго предусмотрѣнныхъ 27, 28 и 32 статьями правъ.

*) См. объясненія подъ ст. 62.

О поражении правъ приобретённыхъ, Комиссія признала правильной для лицъ, подпадающихъ подъ право-способности лишение, послѣдующею утрату служебной и общественной къ служеб-правоспособности. При этомъ Комиссія прежде всего оставшей и обще-новилась на правопораженіи избирательныхъ правъ. Большинство Комиссіи была принята формула примѣнительно дѣятель- къ проекту Германскаго Уложения, а именно ссылка на ности. утрату правоспособности «голосовать, быть избирателемъ или избираемымъ по дѣламъ государственнымъ и самоуправленія или пользоваться иными политическими правами». Такимъ образомъ, лицо съ ограниченою по 30 ст. правоспособностью будетъ лишено права участія въ референдумѣ.

О поражении права состоять на службѣ въ арміи и флотѣ. Сомнѣніе вызывалъ вопросъ о лишеніи осужденныхъ права «состоять на службѣ въ арміи и флотѣ» — а именно: Военное вѣдомство указывало на то, что согласно 27 и 28 (30) ст. (п. 3) проекта Комиссіи, осужденные на заключеніе въ тюрьму за всѣ преступныя дѣянія, указанные въ 27 ст. теряютъ право «состоять на службѣ въ арміи и флотѣ.» Такимъ образомъ по постановленіямъ этихъ статей даже очень маловажныя преступленія могутъ освободить каждого гражданина отъ обязанности исполненія воинской повинности, или предоставить ему отсрочку для отбытія воинской повинности не менѣе чѣмъ на 5 лѣтъ, до возстановленія потерянныхъ правъ согласно 29 (31) ст. Уголовнаго Уложения. Практически такое обстоятельство могло бы повести къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ для охраны государства. Но и теоретически нѣтъ никакого основанія приравнивать заключеніе въ краткосрочную тюрьму въ смыслѣ ограниченія въ правахъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ заключенію въ долгосрочной или каторжной тюрьмѣ, какъ это дѣлаетъ 28 (30) ст. проекта Комиссіи. Для урегулированія этого вопроса надо было бы ввести въ Уголовное Уложение, въ видѣ примѣчанія къ 28 (30) ст. постановленіе по образцу Германскаго Уложения въ томъ смыслѣ, что «осужденные на заключеніе въ тюрьму теряютъ право состоять на службѣ въ арміи и флотѣ: 1) если заключеніе въ тюрьму положено согласно 51 (53) ст. Угол. Улож. вмѣсто заключенія въ долгосрочной тюрьмѣ, 2) если заключеніе въ краткосрочной тюрьмѣ назначено на срокъ не менѣе 9-ти мѣсяцевъ или 3) въ особыхъ случаяхъ по усмотрѣнію суда».

Остановливаясь на этомъ вопросѣ первѣйшей важности, Комиссія приняла въ соображеніе, что попытки использовать преступный элементъ для военныхъ цѣлей имѣетъ обширную исторію. Использование арестантскаго труда для нуждъ войскъ особенно широко практиковалось въ Петровское время и было мыслимо лишь при условіяхъ строжайшей суровой дисциплины того времени.

Впослѣдствіи, однако, отъ практики комплектованія войскъ преступнымъ элементомъ, въ цѣляхъ насажденія вѣщей дисциплины, пришлось отказаться.

Въ указѣ, данномъ Россійскому Сенату 23 февраля 1823 г. (полн. собр. зак. т. XXXVIII № 29328) мы читаемъ: «Главнoкомандующіе представляли намъ о **неудобствахъ, происходящихъ отъ непомѣрнаго побѣга** поступающихъ въ полки изъ бродягъ и **преступниковъ** воинскихъ нижнихъ чиновъ. Желая отвратить сіи неудобства, устройству войскъ нашихъ и порядку между ними существующему столь несомѣстныя, мы признаемъ за благо:

1) отнынѣ впредь обращать въ полки тѣхъ только, **кои не бывъ судимы**, представляются въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, по приговорамъ мірскихъ обществъ, или по желанію помѣщиковъ;

2) **преступниковъ** и бродягъ, **кои** по приговорамъ судебныхъ мѣстъ въ **военную службу назначились, отнынѣ впредь отсылать въ порты** и т. д»....

Въ послѣднюю войну была вновь повторена попытка комплектованія войскъ преступнымъ элементомъ.

20 января 1916 г. состоялось повелѣніе объ обращеніи арестантовъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ безъ ограниченія правъ, на военно-инженерныя работы на фронтахъ.*)

3-го февраля 1916 г. состоялось Выс. повѣленіе о привлеченіи на военную службу лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ или судомъ, а также отбывающихъ наказаніе по суду (собр. узак. 7 февраля 1916 г. № 39 ст. 220).

Приказомъ по военному вѣдомству 1917 г. за № 7, было опубликовано Выс. повелѣніе 31 декабря 1916 г.:

«1) объ отложеніи до окончанія войны всѣхъ возникшихъ уже, но находящихся въ производствѣ болѣе мѣсяца военно-слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ о нижнихъ чинахъ, по коимъ обвиняемымъ не грозитъ уголовное наказаніе, и

2) о предоставленіи командующимъ арміями, главнымъ начальникамъ округовъ и лицамъ, пользующимся ихъ властью, право отлагать, при тѣхъ же условіяхъ, до окончанія войны, по особому въ каждомъ случаѣ распоряженію, производство таковыхъ же дѣлъ о нижнихъ чинахъ, по коимъ обвиняемымъ угрожаютъ уголовныя наказанія, съ освобожденіемъ въ обоихъ случаяхъ обвиняемыхъ изъ подъ стражи и обращеніемъ ихъ въ ряды дѣйствующей арміи“.

Наконецъ амністіей 17 марта 1917 г., въ виду разгрома тюремъ, на основаніи 10 ст., отд. I, преступный элементъ окончательно получилъ доступъ въ ряды арміи.

Послѣдствія, однако, были самыя печальныя. Преступный элементъ своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ, поколебавъ дисциплину, разложилъ окончательно войско и, подготовивъ благодарную почву для пропаганды больше-

*) См. Цирк. Мин. Юст. 25 Января 1916 г. № 711. (Журн. Мин. Юст. 1916 г. № 2 стр. 41).

визма, способствовалъ крушенію Россійской государственности.

«Этимъ краткимъ историческимъ обзоромъ доказыва-ется крайняя опасность вливанія преступнаго элемента въ ряды арміи и для блага молодой Латвійской арміи казалось бы необходимымъ всемірно оберечься отъ преступнаго элемента.»

Ст. 28 (30) Угол. Улож. лишаетъ воинскаго званія преступниковъ, которые приговорены къ тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ. Статья же 27-ая исчисляетъ такія преступленія, причѣмъ характеръ послѣднихъ несомнѣнно позорнаго свойства и лица, учинившія означенныя преступныя дѣянія представляютъ безусловно вредный элементъ, не поддающійся легкому исправленію.

Считая внѣдреніе преступнаго элемента въ армію не пріемлемымъ съ юридической точки зрѣнія, Комиссія полагала, что какъ общее правило въ Угол. Улож., создаваемомъ на многіе десятки лѣтъ, долженъ быть запечатлѣнъ **принципъ безпорочности гражданина для службы въ рядахъ защитниковъ отчества.** Что касается до проектируемаго Военнымъ вѣдомствомъ примѣчанія, въ Комиссіи была высказана мысль о возможности лишь въ крайнемъ случаѣ въ виду встрѣчающейся нынѣ надобности въ силу военныхъ, но отнюдь не юридическихъ, соображеній, введеніе этого пункта лишь въ видѣ временной мѣры, и то не иначе какъ подвергнувъ его существеннымъ измѣненіямъ. Примѣчаніе представляется недостаточно разработаннымъ, такъ какъ, говоря о смягченіи по 51 (53) ст., составители примѣчанія не предусмотрѣли возможности смягченія по другимъ основаніямъ, когда тюрьма въ указанномъ количествѣ срока оказалась бы опредѣленной за весьма тяжкое преступленіе. Напр. несовершеннолѣтіе, зачетъ, смягченіе въ порядкѣ милосердія, исходящее отъ Верховной власти, все это можетъ понизить отвѣтственность до 9 мѣсяцевъ за весьма серіозныя преступныя дѣянія. Кромѣ того срокъ въ 9 мѣсяцевъ, по мнѣнію Комиссіи, представляется избраннымъ крайне произвольно. Возможно было бы говорить еще о срокѣ въ 6 мѣсяцевъ, каковой срокъ по силѣ Угол. Улож. является наказаніемъ за менѣ крупныя преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы сдѣлать оговорку о томъ, что это примѣчаніе не можетъ имѣть примѣненія въ такихъ случаяхъ, когда преступникъ осужденъ за промыселъ или признанъ дѣйствующимъ по привычкѣ или при условіи рецидива . . . Во всякомъ случаѣ изъ преступнаго элемента пришлось бы создать особые дисциплинарные батальоны, дабы не заражать здоровыя части войскъ разлагающимъ воинскій духъ элементомъ . . .

Впослѣдствіи Комиссіей по пересмотру военно-уголовныхъ законовъ выражено было пожеланіе, чтобы въ Угол. Улож. была сдѣлана оговорка въ томъ смыслѣ, что при осужденіи къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ — пред-

усмотрѣнное этой 28 (30) ст. лишеніе правъ можетъ быть наложено судомъ по его усмотрѣнію и притомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда срокъ присужденнаго тюремнаго заключенія превышаетъ три мѣсяца.

Въ конечномъ выводѣ Комиссія по составленію Латвійскаго Угол. Уложенія большинствомъ голосовъ въ духѣ пожеланія военной Комиссіи признала возможнымъ предоставить суду въ исключительныхъ случаяхъ факультативное право освобожденія при присужденіи къ краткосрочной тюрьмѣ отъ правопораженія.

Вопросъ объ утратѣ права выборки промысловыхъ свидѣтельствъ на торговля предпріятія первыхъ двухъ, а на промышленныя первыхъ пяти разрядовъ, равно какъ и на соотвѣтствующія имъ пароходныя предпріятія встрѣтило въ Комиссіи разномысліе.

Объ утратѣ
права вы-
борки про-
мысловыхъ
свидѣ-
тельствъ
перваго
разряда.

Большинство Комиссіи нашло, что подобное правоограниченіе подлежитъ исключенію, такъ какъ является пережиткомъ старины и въ основѣ его лежитъ старый законъ о сословныхъ правахъ торговцевъ I и II гильдіи. Кромѣ того, если преступное дѣяніе стоитъ въ связи съ профессіей совершившаго лица, то послѣднее можетъ быть лишено права заниматься этой профессіей на основаніи 31 (33) ст. Угол. Улож.

Меньшинство же комиссіи пришло къ иному выводу.

Согласно мотивамъ къ 28 (30) ст. законодатель не нашелъ возможнымъ включить въ Угол. Улож. 1903 г. общее и категорическое воспрещеніе заниматься промыслами и торговлею вообще, и нашелъ необходимымъ воспретить производство болѣе крупныхъ и значительныхъ видовъ торговли и промышленности, оставивъ осужденнымъ, какъ средство пропитанія, мелкій торгъ и необширные промышленныя предпріятія (особ. сов. 114, 115).

Постановленіе это продиктовано самой жизнью. Публика къ торговцамъ I разряда относится съ большимъ довѣріемъ нежели къ мелкимъ торговцамъ низшаго разряда, поэтому въ законѣ подчеркнуто требованіе, чтобы къ торговцамъ I и II разряда были допущены люди безупрочной честности.

Относясь со всей снисходительностью къ преступникамъ, не слѣдуетъ, однако, забывать соціальной стороны вопроса и игнорировать интересы общества.

Промысловыя свидѣтельства высшихъ разрядовъ сообщаютъ извѣстныя права, напр. право посѣщать биржу и т. д., такимъ образомъ, лицамъ, обладающимъ этимъ свидѣтельствомъ, оказывается большее довѣріе, облекать которымъ преступный элементъ, казалось бы, не слѣдуетъ.

Поэтому меньшинство и полагало цѣлесообразнымъ оставленіе указаннаго правоограниченія въ 28 (30) ст., какъ то было предположено предшедшей Комиссіей.

Признавъ въ общемъ правилѣ, что пораженіе въ правахъ должно назначаться судомъ въ силу самаго закона,

большинство Комиссіи въ менѣе тяжкихъ случаяхъ рѣшило предоставить суду факультативное право не поражать въ правахъ лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ.

Одинъ членъ Комиссіи, однако, остался при мнѣніи*), считая, что такое важное дополнительное наказаніе, какъ правопораженіе, въ томъ числѣ лишеніе правъ политическихъ, не должно зависеть отъ усмотрѣнія суда. Этимъ создается на практикѣ нежелательный произволъ, послѣдствіемъ чего явится несправедливость въ отношеніи ряда лицъ, судившихся за одно и тоже преступленіе. Правомъ восстановленія въ правахъ достаточно обеспечивается пріобрѣтеніе вновь преступникомъ утраченныхъ правъ.

Далѣе, въ виду принятаго большинствомъ примѣчанія, тотъ же членъ Комиссіи полагалъ во всякомъ случаѣ въ связи съ принятыми законоположеніями о хулиганствѣ**) необходимымъ дополнить статью 2-мъ примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: «Предшедшее примѣчаніе не распространяется на осужденныхъ за хулиганство или за преступныя дѣянія, учиненныя по хулиганскимъ побужденіямъ изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со стороны потерпѣвшаго.»

29 (31). Права, утраченныя на основаніи предшедшей (28) статьи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ коихъ восстановленіе ихъ истеченіемъ какихъ либо сроковъ было бы несогласно съ особыми постановленіями закона, пріобрѣтаются вновь по прошествіи сроковъ: для приговоренныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ — *пятнадцати лѣтъ*, къ заключенію въ долгосрочной тюрьмѣ — *десяти лѣтъ* и краткосрочной тюрьмѣ — *пяти лѣтъ* по отбытіи наказанія.

Означенные сроки, въ случаѣ одобрительного поведенія осужденныхъ, могутъ быть, по ихъ просьбамъ, сокращены судомъ, если для нихъ истекла уже половина сихъ сроковъ и если они при томъ прожили въ послѣднемъ мѣстѣ своего жительства не менѣе *двухъ лѣтъ*.

Въ 29 (31) ст. помимо чисто редакціонныхъ исправленій, Комиссія внесла измѣненіе лишь въ смыслъ увеличенія сроковъ, указанныхъ въ означенной статьѣ, установивъ для лицъ, приговоренныхъ къ содержанію въ каторжной тюрьмѣ, срокъ въ 15 лѣтъ, причемъ текстъ былъ уточненъ указаніемъ, что упоминаемое въ 2 ч. 31 ст. сокращеніе сроковъ при одобрительномъ поведеніи осужденныхъ, сокращается только **судомъ**.

*) ср. стр. 50.

**) См. объясненія подъ ст. 62.

30 (32). Приговоренный къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, если судъ признаетъ его учинившимъ преступное дѣяніе вслѣдствіе тунеядства или праздности, можетъ быть, по опредѣленію суда, помѣщенъ, непосредственно по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ, въ рабочий домъ на срокъ отъ *шести* мѣсяцевъ до *двухъ* лѣтъ.

Приговоренные къ заключенію въ долгосрочной или краткосрочной тюрьмѣ лица, совершившія преступныя дѣянія въ условіяхъ привычнаго пьянства, могутъ быть, по опредѣленію суда, помѣщены, послѣ отбытія наказанія, въ лечебницу для алкоголиковъ впредь до излеченія, но не свыше *одного* года.

По поводу I ч. 30 (32) ст. одинъ членъ Комиссіи въ развитіе принятыхъ законоположеній о борьбѣ съ хулиганствомъ*), исходя изъ того соображенія, что хулиганство особенно проявляется у людей праздныхъ, полагалъ цѣлесообразнымъ придать I ч. 30 (32) ст. слѣдующую редакцію:

«Приговоренный къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, если судъ признаетъ его виновнымъ въ **хулиганствѣ** или учинившимъ преступное дѣяніе по хулиганскимъ побужденіямъ изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со стороны потерпѣвшаго, или вслѣдствіе тунеядства или праздности, то онъ можетъ быть, по опредѣленію суда, помѣщенъ непосредственно, по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ, въ рабочий домъ на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ».

Однако, большинство Комиссіи нашло, что, если судъ усмотритъ въ хулиганѣ тунеядство, то тѣмъ самымъ будетъ имѣть основаніе и хулигана подвергнуть дѣйствію I ч. 30 (32) ст. безъ особаго о томъ упоминанія, въ прочихъ же случаяхъ примѣненіе этой статьи было бы несоотвѣтственнымъ, а посему не сочло необходимымъ особенно напоминать суду о примѣнимости 30 (32) ст. къ дѣламъ о хулиганствѣ.

За симъ при обсужденіи 30 (32) ст. Комиссія остановилась на «привычномъ пьянствѣ» какъ условіи, дающемъ основаніе помѣщать преступниковъ, совершившихъ въ означенномъ состояніи преступное дѣяніе, въ особые дома для алкоголиковъ, какъ то принято въ Западно-Европейскихъ государствахъ. Комиссія полагала, что если есть причинная связь преступления съ пьянствомъ, то такихъ преступниковъ уже послѣ отбытія **краткосрочнаго заключенія** необходимо помѣщать въ указанные дома для алкоголиковъ. Относительно лицъ, присужденныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ такая мѣра представлялась бы изъ

*) См. объясненія подъ ст. 62.

лишней, ибо опредѣленные для содержанія въ каторжной тюрьмѣ сроки достаточно продолжительны, чтобы въ теченіе отбытія наказанія принять мѣры къ излеченію преступника алкоголика. Спорнымъ явился вопросъ о срокѣ пребыванія въ домѣ для алкоголиковъ, причемъ въ конечномъ выводѣ Комиссія признала, что означенный срокъ не долженъ превышать **одного года**, ибо такое принудительное содержаніе въ домѣ для алкоголиковъ, будучи стѣсненіемъ свободы личности, въ отношеніи осужденныхъ къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, съ послѣдующимъ заключеніемъ въ упомянутый домъ, могло бы, въ случаѣ болѣе продолжительнаго срока леченія обратиться въ наказаніе болѣе тяжкое, чѣмъ простое краткосрочное содержаніе въ долгосрочной тюрьмѣ, ибо принудительное леченіе явится какъ никакъ продолженіемъ лишенія свободы.

Въ приведенномъ смыслѣ и была редактирована 2 ч. 30 (32) ст. проекта Угол. Уложенія.

31 (33). Въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ, назначается дополнительное, особо въ законѣ указанное, наказаніе, съ соблюденіемъ въ подлежащихъ случаяхъ слѣдующихъ правилъ:

1) сроки лишенія права заниматься опредѣленными въ законѣ видами торговли или промысловъ или иною, указанною въ законѣ, дѣятельностью, исчисляются съ отбытія наказанія;

2) денежное взысканіе поступаетъ въ казну, если въ законѣ не постановлено объ иномъ предназначеніи сего взысканія;

3) судебный приговоръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ указано объ его опубликованіи, печатается на счетъ виновнаго, въ одномъ изъ правительственныхъ и въ одномъ изъ частныхъ повременныхъ изданій, по назначенію суда;

4) указанное въ законѣ удаленіе отъ должности служащихъ, равно какъ духовныхъ лицъ, за исключеніемъ случая, *второю* частью ст. 63 предусмотрѣннаго, влечетъ за собою воспрещеніе занимать равную и высшую должность въ теченіи закономъ установленнаго срока.

Въ соотвѣтствіи съ текстомъ 26 (24) ст. Комиссія опредѣлила во 2 пунктѣ 31 (33) ст. указать, что денежное взысканіе поступаетъ въ казну. Въ связи съ принципомъ равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій воспрещеніе занимать равную или высшую должность, Комиссія распространила общимъ образомъ на духовныхъ лицъ всѣхъ исповѣданій,

исключивъ, согласно мнѣнію большинства, указаніе на то, что такое правопораженіе можетъ быть опредѣлено «или навсегда».

Одинъ членъ Комиссіи полагалъ необходимымъ оставить въ ст. 31(33) слова «или навсегда», считая это болѣе согласнымъ съ принятой въ Угол. Улож. системой. Въ Уложеніи упоминается какъ въ общей (ср. 63 (65) ст.), такъ и въ особенной части три категоріи служебнаго правоограниченія: 1) удаленіе отъ должности навсегда, т. е. съ лишеніемъ навсегда права занимать подобную же должность, 2) удаленіе отъ должности на срокъ, т. е. лишеніе права занимать подобную должность въ теченіе опредѣленнаго времени и 3) болѣе льготное простое удаленіе отъ должности, т. е. удаленіе только отъ опредѣленнаго служебнаго мѣста съ правомъ немедленнаго поступленія на другое.

32 (34). Приговоренные къ заключенію въ каторжной или долгосрочной тюрьмѣ или къ соединенному съ лишеніемъ правъ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ (ст. 27), по освобожденіи изъ заключенія, подвергаются слѣдующимъ ограниченіямъ:

1) имъ воспрещается жительство и пребываніе въ указанныхъ правительствомъ мѣстностяхъ;

2) въ случаѣ неизбранія ими при освобожденіи отъ наказанія, мѣста жительства, послѣднее опредѣляется Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ;

3) воспрещается—отбывшимъ заключеніе въ каторжной тюрьмѣ въ теченіи *трехгодичнаго* срока, а остальнымъ въ теченіи *полугодичнаго* срока, со дня водворенія, оставлять безъ особаго разрѣшенія мѣстной полиціи, избранное или опредѣленное имъ мѣсто жительство;

4) по истеченіи же означенныхъ въ пунктѣ 3 сроковъ имъ дозволяется перемѣнить мѣстожительство не иначе, какъ съ вѣдома о томъ мѣстной полиціи.

Кромѣ редакціонныхъ исправленій, вызванныхъ уже принятыми измѣненіями, Комиссія отнесла указаніе мѣста жительства освобожденныхъ отъ исчисленныхъ въ 32 (34) ст. наказаній къ обязанностямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Далѣе, въ виду упраздненія поселенія, слѣдовавшаго по Уголовному Уложенію 1903 г., вслѣдъ за отбытіемъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ, Комиссія удлиннила для каторжанъ срокъ обязательнаго прикрѣпленія къ мѣсту водворенія, подобно постановленію 4 отдѣла объ отмѣнѣ ссылки (Соб. Указ. 1917 г. ст. 556), до трехъ лѣтъ пребыванія на избранномъ или назначенномъ послѣ освобожденія отъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ мѣстѣ.

Примѣчанія: 1-ое о припискѣ, 2-ое о непріемѣ на государственную службу и 3-ье объ ограниченіи досрочно освобожденныхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства, Комиссіей были исключены — первое въ виду отмѣны обязательной приписки, а второе, какъ лишнее, въ виду упоминанія въ 28 (30) ст. объ утратѣ права состоять на государственной службѣ, а слѣдовательно и быть принятымъ на таковую и третье въ виду выработки Комиссіей особыхъ правилъ о досрочно освобожденныхъ, изложенныхъ въ приложеніи къ 20 (23) ст. проекта.

33 (35). Сроки указанныхъ въ предшедшей (32) статьѣ ограниченій въ правѣ избранія или перемѣны мѣста жительства назначаются: для приговоренныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ — *десятильтіи*, къ заключенію въ долгосрочной тюрьмѣ — *трехлѣтій*, а въ краткосрочной тюрьмѣ — *годовой* по освобожденіи изъ заключенія.

Означенные сроки, въ случаѣ одобрительнаго поведения приговореннаго, могутъ быть сокращены: *десятильтіи* до *пяти лѣтъ*, *трехлѣтій* до *одного года*, а *годовой* вовсе отмѣненъ.

Приговоренные къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ и послѣ истеченія указаннаго въ сей статьѣ срока ограниченія въ правѣ избранія или перемѣны мѣста жительства не имѣютъ права постоянного мѣстожительства въ мѣстностяхъ, правительствомъ указанныхъ.

Для иностранцевъ ограниченіе въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 32) можетъ быть замѣнено высылкою за границу, съ воспрещеніемъ возвращаться въ Латвію.

Примѣчаніе. Сокращеніе сроковъ ограниченій въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства (ст. 33 ч. 2) зависитъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ по надлежащемъ удостовѣреніи мѣстной полиціи, одобрительнаго поведения подвергшихся означеннымъ ограниченіямъ.

Въ соотвѣтствіи съ предшедшей 32 (34) ст. въ 33 (35) ст. Комиссія, кромѣ обязательности безвыѣзднаго пребыванія въ опредѣленномъ мѣстѣ водворенія въ теченіи времени, указаннаго въ 32 (34) ст., опредѣлила еще ограниченіе въ свободной перемѣнѣ мѣста жительства безъ вѣдома начальства, удлиннивъ по тѣмъ же основаніямъ, что и въ предшедшей статьѣ, оставленіе освобожденнаго каторжа-

нина подѣ надзоромъ начальства до 10 лѣтъ съ сокращеніемъ съ разрѣшенія **министра внутреннихъ дѣлъ** этого срока до трехъ лѣтъ.

Въ теченіи указаннаго срока лица, отбывшія установленный срокъ обязательнаго пребыванія на мѣстѣ водворенія, хотя и имѣютъ полное право передвиженія, но во всякомъ случаѣ должны предварительно заявлять полиціи о вновь избранномъ мѣстѣ жительства и могутъ переѣзжать только по особо выданному путевому билету.

Большинствомъ Комиссіи, кромѣ того, было признано, что бывшіе каторжане и послѣ указаннаго 10-лѣтняго срока не имѣютъ права постоянного мѣста жительства въ мѣстностяхъ **особо правительствомъ указанныхъ**.

Два члена Комиссіи полагали необходимымъ еще оговорить, что воспрещеніе пребыванія касается и **мѣста, гдѣ было совершено преступное дѣяніе**, ибо практика приводитъ случаи, что отбывшіе продолжительныя наказанія, возвращаясь въ мѣста своего жительства, гдѣ было совершено преступленіе, мстили лицамъ, выступавшимъ на судѣ противъ нихъ свидѣтелями, почему является нежелательнымъ возвращеніе въ означенныя мѣста каторжанъ. Отмѣна этого ограниченія повлечетъ за собою лишь уклоненіе свидѣтелей отъ изобличенія преступниковъ, чѣмъ затруднится отправленіе правосудія.

34 (36). Предметы, которые запрещается изготовлять, продавать, распространять, имѣть при себѣ или хранить, отбираются и, если въ законѣ не указано особаго для нихъ назначенія, истребляются или обращаются въ казну:

На тѣхъ же основаніяхъ отбираются и истребляются или обращаются въ казну:

1) вещи, предназначавшіяся или служившія для совершения преступныхъ дѣяній, въ случаяхъ, когда отобраніе ихъ особо предусмотрено закономъ, и

2) иные, особо указанные въ законѣ, предметы.

Изъ 34 (36) ст. большинство Комиссіи опредѣлило исключить указаніе на присвоеніе денегъ, вырученныхъ отъ продажи вещей, исчисленныхъ въ этой статьѣ; одинъ же членъ Комиссіи полагалъ это указаніе въ прежней редакціи 36 ст. Угол. Улож. 1903 г., отнюдь не излишнимъ, такъ какъ безъ указанія, что **деньги за проданныя вещи обращаются въ казну**, учащаются случаи присвоенія подобныхъ денегъ должностными лицами.

35 (37). Открытое или устроенное, безъ надлежащаго разрѣшенія, подлежитъ закрытію впредь до полученія сего разрѣшенія.

Неправильно построенное, открытое, устроенное, перестроенное, исправленное или возобновленное подлежитъ, въ опредѣленный судомъ срокъ, на счетъ виновнаго, сломкѣ, закрытію, исправленію, перенесенію въ другое мѣсто или приведенію въ прежній видъ:

1) если учиненное виновнымъ будетъ признано вреднымъ для общественной безопасности или для народнаго здравія;

2) если учинены преступныя дѣянія, статьями 223 (п. 3), 224, 310 (ч. 2), 311, 312, 316 (п. 3), 318, 384, 388, 398 (п. 2) и 407 *) предусмотрѣнныя.

36 (38). Постановленія, въ статьяхъ 34 и 35 изложенныя, примѣняются судомъ и въ случаѣ оправданія обвиняемаго или освобожденія его отъ наказанія, а также въ случаѣ прекращенія или пріостановленія уголовного преслѣдованія.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Объ условіяхъ вѣнненія и преступности дѣяній.

37 (39). Не вѣняется въ вину преступное дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, во время его учиненія не могло понимать свойство и значеніе имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности или безсознательнаго состоянія или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни.

Въ случаяхъ, когда оставленіе такого лица безъ особаго присмотра судъ признаетъ опаснымъ, онъ отдаетъ это лицо подъ отвѣтственный надзоръ родителямъ или другимъ лицамъ, пожелавшимъ принять его на свое попеченіе, или помѣщаетъ его во врачебное заведеніе. Въ случаяхъ же учиненія убійства, весьма тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, изнасилованія, поджога или покушеніе на одно изъ сихъ преступныхъ дѣяній, лицо, совершившее такое дѣяніе, признанное опаснымъ, обязательно помѣщается во врачебное заведеніе.

Эти мѣры общественной охраны отмѣняются судомъ въ случаѣ признанія имъ даннаго лица по переосвидѣтельствованіи безопаснымъ для общества.

*) Нумерація Угол. Уложенія 1903 г.

По поводу патологических состояний, устраняющих **О невмѣ-**
 вмѣняемость съ указаніемъ объективнаго психологическаго **няемости.**
 критерія представитель магистратуры суда считалъ излишнимъ приведеніе въ статьѣ двухъ органическихъ, производящихъ умственное неразвитіе, причинъ, почему высказался въ смыслѣ исключенія изъ ст. 37 (39) касающагося умственнаго неразвитія выраженія: «произшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни». По мнѣнію представителя магистратуры суда при такой принятой 37 (39) ст. формулировкѣ подъ эту статью нельзя будетъ подвести массу случаевъ, когда врачъ, констатируя разстройство душевной дѣятельности, затруднится утверждать, что причиной этому является «тѣлесный недостатокъ или болѣзнь», напр. при идиотизмѣ. Въ виду того, что приведенное выраженіе представляетъ собою неполный перечень причинъ, отъ которыхъ происходитъ «разстройство душевной дѣятельности и непониманіе лицомъ свойства и значенія совершаемаго и неспособность руководить своими поступками», авторъ отдѣльнаго мнѣнія считалъ болѣе цѣлесообразнымъ исключить указанныя имъ слова изъ 39 ст. или дополнить ее словами «или отъ другой причины».

Прочіе члены Комиссіи, находя, что съ исключеніемъ указанныхъ причинъ умственнаго неразвитія слишкомъ расширятся рамки невмѣняемости, и руководствуясь соображеніями составителей Россійскаго Угол. Уложенія, сочли необходимымъ оставленіе 39 статьи въ этомъ отношеніи безъ измѣненій, тѣмъ болѣе, что, какъ то видно изъ мотивовъ къ этой статьѣ, идиотизмъ и кретинизмъ должны рассматриваться какъ явленіе, проистекающія отъ фізіологическихъ неправильностей строенія мозга (заключеніе проф. Мержеевскаго) — и слѣдовательно могутъ быть подведены подъ тѣлесный недостатокъ.

До сихъ поръ статья 37 (39) на практикѣ никакихъ недоразумѣній не вызывала, при исключеніи же изъ нея указаннаго выраженія создается лишь необходимость въ разъясненіи этой статьи кассационнымъ порядкомъ и неясной остается грань между умственнымъ неразвитіемъ, предусмотрѣннымъ 37 (39) ст., и тѣмъ обычнымъ неразумніемъ и невѣжествомъ, о которыхъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ Угол. Уложеніе.

Въ отношеніи срока изоляціи лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе при условіяхъ, въ 37 (39) ст. исчисленныхъ, Комиссія признала, что центръ тяжести въ разрѣшеніи вопроса долженъ заключаться въ охранѣ общества отъ лицъ, способныхъ въ патологическомъ состояніи совершать указанныя въ 37 (39) ст. преступленія; такихъ лицъ нельзя оставлять на попеченіи родственниковъ, ихъ слѣдуетъ **обязательно** подвергать наблюденію въ лечебницѣ.

Убѣдиться, насколько душевно-больной опасенъ, подчасъ можно лишь путемъ долговременнаго изслѣдованія его въ лечебницѣ. Опасными могутъ явиться лица, повиди-

тому, здоровыя, но совершившія тяжкія преступленія и преступленія въ состояніи безпамятства, а именно въ умоиступленіи или пьяномъ видѣ. Практика приводитъ случаи, когда оставленный на рукахъ родственниковъ покушавшійся на убійство въ состояніи умоиступленія, въ припадкѣ повторнаго умоиступленія, совершалъ засимъ уже оконченное убійство. Очевидно домашнее попеченіе оказывалось недостаточнымъ и случившееся могло бы быть устранено, если бы обвиняемый находился въ лечебницѣ.

Въ менѣ важныхъ случаяхъ лицо, учинившее преступное дѣяніе въ состояніи невмѣненія, можетъ быть помѣщено въ лечебницу факультативно, но при непремѣнномъ условіи признанія его **опаснымъ** для общества.

Это же условіе, по мнѣнію Комиссіи, и должно опредѣлить срокъ содержанія въ лечебницѣ. Въ числѣ лицъ, помѣщаемыхъ въ лечебное заведеніе, имѣется категорія лицъ, которыя, какъ напр. безумные отъ рожденія, не выздоравлиють, но въ то же время они обычно переходятъ въ такую стадію спокойнаго, тихаго душевнаго состоянія, при которомъ они никакой опасности для окружающихъ не представляютъ.

А такъ какъ больные невмѣняемые принудительно помѣщаются въ лечебныя заведенія не столько въ цѣляхъ излеченія, сколько въ видахъ изолированія ихъ, какъ лицъ опасныхъ для общества, то съ устрененіемъ этой опасности устраняется и необходимость дальнѣйшаго принудительнаго содержанія такихъ лицъ въ лечебномъ заведеніи. Въ виду сего было бы несправедливо установить въ видѣ правила, что душевно-больные помѣщаются въ лечебное заведеніе «до излеченія», каковое положеніе привело бы къ вѣчному содержанію въ лечебницѣ, и Комиссія признала необходимымъ оговориться, что больные содержатся въ лечебницѣ до такого улучшенія въ состояніи ихъ здоровья, при какомъ они уже не представляютъ опасности для общества.

Эта мысль выражена Комиссіей въ дополнительной 3 ч. 37 (39) ст., гласящей, что мѣры общественной охраны отмѣняются **судомъ** въ случаѣ признанія имъ даннаго лица по переосвидѣтельствваніи безопаснымъ для общества.

38 (40). Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, учиненное малолѣтнимъ, не достигшимъ *двѣнадцати* лѣтъ.

39 (41). Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, учиненное несовершеннолѣтнимъ отъ *двѣнадцати* до *восемнадцати* *) лѣтъ, который, вслѣдствіе умственной или нравственной незрѣлости, не могъ понимать свойства и значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками.

*) Кабинетомъ Министровъ восемнадцатилѣтній возрастъ измѣненъ на семнадцатилѣтній.

Несовершеннолѣтніе сии могутъ быть отдаваемы подъ отвѣтственный надзоръ родителямъ или лицамъ, на попеченіи коихъ они состоятъ, или другимъ благонадежнымъ лицамъ, изъявившимъ на то свое согласіе, или - же могутъ быть помѣщены въ воспитательныя заведенія.

Несовершеннолѣтніе, отданные въ воспитательныя заведенія, должны быть оставляемы въ нихъ не менѣе *одного* года и не долѣе достиженія ими *девятнадцатилѣтняго* *) возраста, а имѣвшіе при помѣщеніи въ заведеніе болѣе *пятнадцати* лѣтъ отъ роду — не долѣе достиженія совершеннолѣтія. Ближайшее опредѣленіе продолжительности пребыванія несовершеннолѣтняго въ воспитательномъ заведеніи предоставляется педагогическому совѣту сего заведенія.

При разработкѣ статей, касающихся несовершенно- **О несовер-**
лѣтнихъ преступниковъ, большинство Комиссіи считало не- **шеннолѣт-**
обходимымъ придерживаться по мѣрѣ возможности ста- **нихъ пре-**
рыхъ принциповъ Угол. Уложенія. По проектируемымъ **стѣпникахъ.**
статьямъ, такъ же, какъ и ранѣе, устанавливаются два пе-
ріода въ возрастѣ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ,
нѣсколько измѣнены лишь самыя границы — а именно, пе-
ріодъ абсолютной невмѣняемости установленъ до 12 лѣтъ,
періодъ относительной невмѣняемости разбитъ на двѣ части
отъ 12 до 18 лѣтъ и отъ 18 до 21 года.

Такимъ образомъ возрастъ абсолютной невмѣняемости повышенъ противъ прежняго на 2 года. Цифру 12 л. большинство Комиссіи находило въ данномъ случаѣ самой подходящей къ условіямъ жизни въ Латвіи, выражая надежду, что въ будущемъ возможно будетъ повысить этотъ возрастъ даже до 14 лѣтъ, какъ это принято большинствомъ кодексовъ западно-европейскихъ государствъ.

Въ періодъ относительной невмѣняемости измѣнена прежняя срединная грань — 17 лѣтъ и взята цифра 18, въ цѣляхъ согласованія этого подраздѣленія съ подраздѣленіемъ возраста несовершеннолѣтнихъ по гражданскому кодексу.

Въ проектируемой редакціи указанныхъ статей рѣзко разграничены понятія — **воспитаніе** и **наказаніе**, которыя въ дѣйствующемъ Уложеніи какъ будто слиты вмѣстѣ, что ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признано правильнымъ.

Проектируемыя статьи устанавливаютъ, что въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ періодъ относительной вмѣняемости могутъ быть примѣнены мѣры двоякаго рода: если несовершеннолѣтній (12—18 л.) при-

*) Кабинетомъ Министровъ девятнадцатилѣтній возрастъ измѣненъ на восемнадцатилѣтній.

знанъ судомъ виновнымъ, то онъ помѣщается въ **воспитательно-исправительное** заведеніе, представляющее собою наказаніе; если же судъ признаетъ, что несовершеннолѣтній, совершившій въ этомъ возрастѣ преступленіе, не могъ понимать свойства и значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками «вслѣдствіе моральной незрѣлости», то судъ отдаетъ его или на попеченіе родителей или помѣщаетъ его въ **воспитательное** заведеніе, преслѣдующее исключительно **воспитательныя цѣли**.

Включая упоминаніе о моральной незрѣлости большинство Комиссіи находило, что формулировка прежней статьи 41 (изд. 1903 г.), повторяющей общій критерій невмѣняемости, несомнѣнно представляетъ прогрессъ въ сравненіи съ вопросомъ о «разумѣніи», сохранившемся еще въ Уставѣ Угол. Суд., но цѣль, преслѣдуемая законодателемъ при построеніи **отдѣльной** статьи о вмѣняемости лицъ въ возрастѣ 12—18 лѣтъ и сводящаяся къ желанію обратить вниманіе суда на специфическую особенность **дѣтской** невмѣняемости, — при видимости наличія общихъ условій вмѣненія, — не будетъ достигнута, если не будетъ указано особое условіе, вызывающее эту невмѣняемость, а именно умственная или нравственная незрѣлость, безъ всякаго тѣлеснаго недостатка и помимо болѣзненнаго состоянія, предусмотрѣнныхъ уже статьею 37 (39).

При обсужденіи 53 (55) статьи, нѣкоторые члены Комиссіи находили замѣну безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ тюрьмою до 12 лѣтъ, а срочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ — тюрьмою до 8 лѣтъ слишкомъ жестокой репрессіей. Въ противовѣсъ этому было указано, что въ случаѣ необходимости судъ можетъ примѣнить къ виновному условное освобожденіе отъ наказанія или смягчить послѣднее въ порядкѣ 51 (53) ст. Угол. Уложенія; на практикѣ же часто встрѣчаются случаи совершенія несовершеннолѣтними преступленій, свидѣтельствующихъ о самыхъ гнусныхъ порывахъ виновнаго и требующихъ весьма суровой кары (напр. недавній случай канибализма въ Латгаліи, гдѣ виновникомъ явился несовершеннолѣтній). Къ тому же замѣна такихъ дѣяній, какъ нѣкогда караемыхъ смертною казнью, — угрозой 12 лѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ для великовозрастныхъ несовершеннолѣтнихъ не является преувеличенной мѣрой наказанія.

Въ сравненіи съ прежней редакціею 53 (55) ст. большинство Комиссіи сознательно выпустило изъ статьи указаніе на заключеніе въ особыя помѣщенія при тюрьмахъ несовершеннолѣтнихъ въ случаѣ отсутствія мѣстъ въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ. Такое указаніе, по мнѣнію большинства Комиссіи, только бы способствовало промедленію развитія воспитательно-исправительныхъ заведеній. Между тѣмъ отсутствіе такого указанія понудитъ правительство озаботиться скорѣйшимъ устройствомъ надлежащаго количества восп.-исправительныхъ заведеній.

Далѣе было признано, что репрессіи въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ возрастѣ отъ 18 до 21 г. должны быть болѣе строгія, вплоть до заключенія въ каторжной тюрьмѣ, но правоограниченія могутъ распространяться лишь на несовершеннолѣтнихъ преступниковъ приговоренныхъ къ каторжной тюрьмѣ. Само собой разумѣется послѣдствія правопораженій, предусмотрѣнныхъ 32 (34) и 33 (35) ст., равнымъ образомъ могутъ имѣть примѣненіе лишь къ несовершеннолѣтнимъ, отбывшимъ заключеніе въ каторжной тюрьмѣ.

При примѣненіи къ совершеннолѣтнимъ условнаго освобожденія отъ наказанія, таковыя въ періодъ наблюденія отдаются въ воспитательное заведеніе или на попеченіе родителей. Въ случаѣ невыдержанія испытанія приговоренное наказаніе (воспитательно-исправительное заведеніе, тюрьма) приводится въ исполненіе.

Одинъ членъ Комиссіи находилъ, что такъ какъ на практикѣ дѣйствительная постановка дѣла еще не достигла идеала Уголовнаго Уложенія, то еще рано говорить объ улучшеніи закона, который и безъ того не осуществленъ жизнью. Только тогда, когда Латвія покроется достаточною сѣтью колоній и воспитательно-исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, можно возбуждать вопросъ о расширеніи указанныхъ въ проектѣ воспитательныхъ заведеній. Едва ли по финансовымъ соображеніямъ удалось бы достигнуть желаемыхъ проектомъ нововведеній. Они останутся *ria desideria* и потому слѣдовало бы ограничиться законоположеніями о несовершеннолѣтнихъ, какъ то установлено въ проектѣ Угол. Уложенія въ редакціи прежней Комиссіи, — съ исключеніемъ изъ ст. ст. 39 (41) и 53 (55) всѣхъ постановленій, касающихся помѣщенія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ монастыри, какъ мѣры несогласной съ правосознаніемъ современности, и примѣчанія 2-го къ ст. 55 Угол. Улож. 1903 г., какъ дословно повторяющаго примѣчаніе къ ст. 41, съ указаніемъ лишь на то, что правила, изложенныя въ послѣднемъ примѣчаніи относятся и къ постановленіямъ статьи 53 (55). (Объясн. зап. къ работамъ по пересмотру Угол. Уложенія 1903 года, изд. 1921 г., стр. 14—15).

Противъ увеличенія срока безотвѣтственности и уменьшенной отвѣтственности приходится возразить. На практикѣ замѣчается широкое использованіе несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ преступниковъ, какъ пособниковъ, совершеннолѣтними преступниками, особливо при совершеніи кражъ. Недавнія военныя дѣйствія съ послѣдующей пропагандой идей большевизма значительно поколебали чувство законности и особенно пагубно отразились на юномъ возрастѣ подрастающаго въ тяжкихъ условіяхъ современности поколѣнія.

Кромѣ того несвоевременнымъ, казалось бы, повышеніе этого возраста и вслѣдствіе наблюдаемаго въ тепереш-

нее время распада основъ семьи, не имѣющей нынѣ прежняго нравственнаго авторитета и средствъ воздѣйствія и набыденія за провинившимся несовершеннолѣтнимъ. Рассчитывать же на далекое будущее, когда разовьются **воспитательныя** заведенія, реальному блюстителю правосудія не приходится. Расширеніе сроковъ полной невмѣняемости и уменьшенной вмѣняемости, войдя въ сознаніе широкихъ круговъ населенія, можетъ быть истолковано, какъ послабленіе уголовной репрессіи и повлечетъ за собою усиленіе преступности. Такимъ образомъ благотѣльный въ идеѣ законъ можетъ оказаться на практикѣ гибельнымъ въ дѣлѣ охраненія общества отъ посягательствъ на его спокойствіе и благосостояніе и, являсь благотвореніемъ за счетъ мирныхъ гражданъ, едва ли послужить къ общему благу тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ борьбы съ преступностью человѣчество не придумало другого болѣе дѣйствительнаго средства, какъ наказаніе. Неупоминаніе въ нынѣ представленномъ проектѣ въ 53 (55) ст. о случаяхъ, когда невозможно помѣстить **несовершеннолѣтняго** въ воспитательно-исправительное заведеніе, и въ 54 (56) ст. о послѣдствіяхъ присужденія къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ, равнымъ образомъ заставляетъ отдать предпочтеніе прежней редакціи закона.

Указаніе на «моральную незрѣлость» представляется излишнимъ въ виду того, что центръ тяжести лежитъ въ констатированіи непониманія свойства и значенія совершаемаго и невозможности руководить своими поступками, отъ чего бы это не произошло. Далѣе едва ли цѣлесообразно помѣщеніе въ воспитательныя заведенія лицъ, достигшихъ 18 лѣтн. возраста, т. е. достигшихъ уже брачнаго совершеннолѣтія. Все изложенное привело автора отдѣльнаго мнѣнія къ мысли, что нѣтъ надобности отступать отъ предположеній предшествующей Комиссіи по вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе изданія закона объ условномъ освобожденіи отъ наказанія суду всегда предоставлена возможность освободить виновнаго отъ наказанія.

40 (42). Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, коего учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить.

41 (43). Невѣдѣніе обстоятельства, коимъ обусловливается преступность дѣянія, или которое усиливаетъ отвѣтственность, устраняетъ вмѣненіе въ вину самаго дѣянія или усиливающего отвѣтственность обстоятельства.

При неосторожныхъ дѣяніяхъ правило сіе не примѣняется, если самое невѣдѣніе было послѣдствіемъ небрежности виновнаго.

42 (44). Не почитается преступнымъ ни дѣяніе, учиненное во исполненіе закона, ни дѣяніе, учиненное во исполненіе приказа по службѣ, даннаго подлежащею

властью, въ предѣлахъ ея вѣдомства, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, если приказъ не предписывалъ явно преступнаго.

43 (45). Не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное при необходимой оборонѣ противъ незаконнаго посягательства на личныя или имущественныя блага самого защищавшагося или другого лица.

Превышеніе предѣловъ обороны чрезмѣрностью или несвоевременностью защиты наказывается только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ.

44 (46). Не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное для спасенія собственной жизни или жизни другого лица отъ опасности, которая была неотвратима въ то самое время другимъ средствомъ.

Не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное для спасенія здоровья, свободы, цѣломудрія или иного личнаго или имущественнаго блага своего или другого лица отъ опасности, которая была неотвратима въ то самое время другимъ средствомъ, если учинившій дѣяніе имѣлъ достаточное основаніе считать причиняемый имъ вредъ маловажнымъ сравнительно съ охраняемымъ благомъ.

Изложенныя постановленія не примѣняются въ тѣхъ случаяхъ, когда самое уклоненіе отъ опасности составляетъ преступное дѣяніе.

При обсужденіи 44 (46) ст. большинство Комиссіи по- **О крайней**
становило исключить, какъ излишнее, выраженіе: «**которая** **необходи-**
произошла вслѣдствіе угрозы, незаконнаго принужденія или **мости.**
иной причины,» полагая, что центръ тяжести въ данномъ
случаѣ лежитъ въ **неотвратимости** опасности и приведенное
выраженіе лишь затемняетъ смыслъ статьи.

Одинъ же членъ Комиссіи отнюдь не считалъ излишнимъ признанныя большинствомъ ненужными слова, которыя, казалось бы, наоборотъ, являются именно поясняющими точный смыслъ 46 ст. По системѣ Уголовнаго Уложенія во многихъ статьяхъ послѣдняго приводятся такія **примѣрныя положенія**, разъясняющія направленіе мысли законодателя. Безъ нихъ статью пришлось бы пояснять каскаціонной практикѣ. Это соображеніе подтверждаютъ мотивы къ 46 ст., гдѣ мы читаемъ: «Въ ст. 46 Уложенія говорится о принужденій отъ силъ природы и о психическомъ принужденіи совмѣстно, относя такимъ образомъ къ крайней необходимости опасность, происходящую какъ отъ силъ природы или отъ животныхъ, такъ и отъ какихъ либо дѣйствій другого лица, а въ томъ числѣ и отъ принужденія на-

силіемъ или угрозами, если только для виновнаго существовала возможность выбора и онъ не находился ни въ состояніи безпамятства или умоизступленія, ни въ состояніи физическаго принужденія. Для обозначенія подобныхъ дѣйствій въ разсматриваемой статьѣ употреблено выраженіе «незаконное принужденіе», которое, такимъ образомъ, должно обнимать какъ насиліе, такъ и угрозы. Находя, что въ дѣйствительности угроза представляетъ наиболѣе часто встрѣчающійся случай незаконнаго воздѣйствія на волю чловѣка, особое совѣщаніе при Гос. Сов. сочло полезнымъ упомянуть въ обсуждаемой статьѣ, на ряду съ незаконнымъ принужденіемъ, также и объ угрозахъ. При такомъ изложеніи этой статьи, подъ понятіемъ незаконнаго принужденія должно будетъ разумѣть остальные, кромѣ угрозы, виды психическаго принужденія, какъ напр., принужденіе посредствомъ насилія, причиненія боли и т. п.» (особ. сов. 142, 143).

45 (47). Не почитается преступнымъ дѣяніе, направленное на предметъ несуществующій или очевидно негодный для учиненія того рода преступнаго дѣянія, которое замышлено.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О видахъ виновности.

46 (48). Преступное дѣяніе почитается умышленнымъ не только, когда виновный желалъ его учиненія, но также когда онъ сознательно допускалъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія.

Преступное дѣяніе почитается неосторожнымъ не только, когда виновный его не предвидѣлъ, хотя могъ или долженъ былъ оно предвидѣть, но также когда онъ, хотя и предвидѣлъ наступленіе послѣдствія, обусловливающаго преступность сего дѣянія, но легкомысленно предполагалъ такое послѣдствіе предотвратить.

Тяжкія преступления наказываются лишь при наличности вины умышленной.

Преступленія наказываются при наличности вины умышленной, при наличности же вины неосторожной—только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ.

Проступки наказываются при наличности не только вины умышленной, но и неосторожной, за исключеніемъ случаевъ, особо закономъ указанныхъ.

47 (49). Дѣйствіе, коимъ начинается приведеніе въ исполненіе преступнаго дѣянія, учиненія коего желалъ виновный, не довершеннаго по обстоятельству, отъ воли виновнаго не зависѣвшему, почитается покушеніемъ.

Покушеніе на тяжкія преступленія, а въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, и на преступленія — наказуемо, но наказанія, положенныя въ законѣ за сіи преступныя дѣянія, смягчаются на основаніяхъ, статьею 51 установленныхъ.

Покушеніе на проступки ненаказуемо.

Покушеніе учинить преступное дѣяніе очевидно негоднымъ средствомъ, выбраннымъ по крайнему неѣжеству или суевѣрію, ненаказуемо.

48 (50). Приобрѣтеніе или приспособленіе средства для приведенія въ исполненіе умышленнаго преступнаго дѣянія почитается приготовленіемъ.

Приготовленіе наказывается въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, и если притомъ оно было оставлено по обстоятельству, отъ воли виновнаго не зависѣвшему.

49 (51). Въ преступномъ дѣяніи, учиненномъ нѣсколькими лицами, соучастниками признаются тѣ, которые :

1) сознательно сообщая участвовали въ выполненіи преступнаго дѣянія;

2) умышленно подстрекнули другого къ выполненію преступнаго дѣянія или къ соучастію въ ономъ;

3) были пособниками, умышленно доставлявшими средства или устранявшими препятствія или оказавшими помощь учиненію преступнаго дѣянія совѣтомъ, указаніемъ или обѣщаніемъ не препятствовать его учиненію или скрыть оное.

Соучастники тяжкаго преступленія или преступленія подлежатъ наказанію, въ законѣ за учиненное преступное дѣяніе положенному, но для пособника наказаніе смягчается на основаніяхъ, статьею 51 установленныхъ.

Изъ соучастниковъ проступка наказывается только участвовавшій въ выполненіи онаго, подстрекатель же и пособникъ подлежатъ наказанію только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ.

Особыя личныя отношенія и условія, усиливающія, уменьшающія или исключаящія наказуемость кого либо

изъ соучастниковъ, не вліяють на отвѣтственность другихъ.

Особыя личныя отношенія и условія, опредѣляющія преступность дѣянія, не исключаютъ отвѣтственности соучастника, въ лицѣ котораго они отсутствуютъ, но для него наказаніе смягчается на основаніяхъ, статьею 51 установленныхъ.

Соучастникъ, отказавшійся отъ соучастія въ преступномъ дѣяніи и принявшій своевременно всѣ зависящія отъ него мѣры для предотвращенія онаго, освобождается отъ наказанія.

О соучастіи. Измѣняя въ корнѣ постановленія 49 (51) ст. въ ред. Уложенія 1903 г., большинство Комиссіи руководствовалось слѣдующими соображеніями:

«Статья 51 Уголовнаго Уложенія 1903 г. построена на началѣ соглашенія и солидарной отвѣтственности соучастниковъ.

Формулировка первой ея части оставляетъ сомнѣніе въ томъ, имѣется ли въ виду наказывать одно лишь умышленное или также неосторожное подстрекательство и пособничество.

Въ опредѣленіи совиновничества, въ сущности, исчерпывающагося участіемъ въ «выполненіи» преступнаго дѣянія, упоминаніе о другомъ его видѣ, якобы заключающемся въ «непосредственномъ учиненіи», представляется, по мнѣнію большинства Комиссіи, ошибочнымъ.

Въ опредѣленіи подстрекательства отсутствуетъ основной его типъ — подговоръ виновника къ выполненію преступнаго дѣянія.

При опредѣленіи наказуемости пособника принята формула, различающая оказаніе имъ «существенной» и «несущественной» помощи, тогда какъ весь смыслъ выдѣленія пособника въ особую рубрику только въ томъ и заключается, что онъ, въ отличіе отъ совиновника, оказываетъ лишь несущественное содѣйствіе.

Въ силу сказаннаго большинствомъ Комиссіи отброшена ссылка на «соглашеніе». Относительно подстрекательства и пособничества положительно оговорена необходимость **умышленности**, предполагающей, стало быть, одностороннюю завѣдомость (на сторонѣ подстрекателя и пособника).

Отвергнуто въ опредѣленіи совиновничества «непосредственное учиненіе», а внутренняя его сторона формулирована такъ, что не исключена наказуемость выполненнаго совиновниками сообща неосторожнаго дѣянія. Наконецъ, указанъ основной типъ предстрекательства и совершенно изъята невозможная, по мнѣнію большинства Комиссіи, ка-

тегорія пособниковъ, оказавшихъ «существленную» помощь.

Засимъ, въ четвертую часть ст. 49 (51) внесено весьма существенное измѣненіе. По редакціи 1903 г. особыя личныя отношенія и условія въ лицѣ одного изъ соучастниковъ никогда не вліяютъ на отвѣтственность другихъ. Достаточно указать на возможный случай ненаказуемости подстрекательства частымъ лицомъ должностнаго лица къ совершенію преступленія по должности. Поэтому большинствомъ Комиссіи было постановлено выдѣлить въ особую рубрику тѣ особыя личныя отношенія и условія, которыя, такъ сказать, объективируются въ самомъ преступномъ дѣяніи, т. е., выражаясь технически, «опредѣляютъ его преступность». Отсутствіе таковыхъ въ лицѣ соучастника не должно исключать его отвѣтственности.

Правда, его наказуемость должна быть слабѣе потому, что особыя эти отношенія и условія создаютъ повышенную отвѣтственность того, въ лицѣ котораго они имѣются (напр. особое отношеніе должностнаго лица къ государству, либо обществу). Это легко можетъ быть достигнуто введеніемъ правила объ обязательномъ смягченіи, въ такомъ случаѣ, наказанія для соучастника, въ лицѣ котораго эти особыя отношенія и условія отсутствуютъ, на принятыхъ въ Уголовномъ Уложеніи основаніяхъ, т. е. въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ статьею 51 (53)». Въ этомъ смыслѣ редактирована новая, пятая часть статьи 49 (51).

Нѣкоторые члены Комиссіи, не соглашаясь съ предложенною новою редакціею 49 (51) ст. Угол. Уложенія, считали, что никакой надобности не представляется мѣнять текстъ 49 (51) ст. въ редакціи Уголовнаго Уложенія 1903 г., къ каковой редакціи судебная практика вполне приспособилась, причемъ сомнѣній при примѣненіи этой статьи не встрѣчается. Правильность же теоретической постановки новой редакціи является весьма спорной. Устраняя принципъ соглашенія, какъ основанія всякаго соучастія, большинство Комиссіи придало статьѣ о соучастіи слишкомъ узкое толкованіе, отвергнувъ вовсе предварительный уговоръ безъ совиновничества во время самаго дѣйствія. Не вдаваясь въ теоретическій споръ и основываясь на подробно обоснованныхъ положеніяхъ Уголовнаго Уложенія и практикѣ Сената (см. послѣднее изданіе коментированнаго Угол. Улож. 1922 г. стр. 187—209), одинъ членъ Комиссіи считалъ долгомъ лишь указать на слѣдующія основныя положенія, легшія въ основаніе Угол. Улож. 1903 г.

Согласно 51 ст. сего Уложенія признаковъ соглашенія выражень въ текстѣ формулою: «дѣйствовавшіе завѣдомо **сообща или согласившіеся на учиненіе**», причемъ первая часть этой формулы имѣетъ въ виду такъ наз. **скопъ**, совиновничество, **во время самаго дѣйствія** и безъ прямо выраженного обоюднаго соглашенія, а вторая — **соучастіе по предварительному сговору**.

«Въ понятіи соучастія, — говорится въ мотивахъ, — заключаются два одинаково существенные момента, — **соглашеніе на дѣятельность и дѣятельность соглашившихся**; эти два момента не только могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, иногда даже значительнымъ промежуткомъ, но благодаря ихъ послѣдовательности во времени, первый изъ нихъ можетъ существовать независимо отъ второго.

Нельзя себѣ юридически представить выполнение преступнаго дѣянія соучастниками безъ соглашенія или завѣдомаго воссоединенія ихъ на совмѣстную дѣятельность, но, конечно, не трудно представить соглашеніе на преступное дѣяніе, не сопровождавшееся преступною дѣятельностью. Поэтому могутъ быть и соучастники въ соглашеніи на преступленіе или соучастники выполняемаго или выполненнаго по соглашенію преступнаго дѣянія.

Въ ст. 51 и 52 Угол. Улож. изд. 1903 г., во 1-хъ строго различаются соучастники, принимавшіе участіе только въ соглашеніи, и соучастники, принимавшіе участіе въ выполненіи, и имъ усвоены различныя наименованія, а именно, именуется «соучастниками» только лица, **участвовавшія въ выполненіи**, и притомъ лишь указанными въ законѣ способами, а **всѣ другія, согласившіяся на участіе**, именуется «**согласившимися на преступное дѣяніе**», во 2-хъ, по отношенію къ юридическимъ послѣдствіямъ соглашеніе на преступное дѣяніе приравнивается къ приготовленію.»

Отметая вторую группу соучастія, новая редакція статьи создаетъ такой пробѣлъ, который поставитъ судебную практику въ большое затрудненіе и принудитъ понятію скопа дать совершенно несвойственное ему толкованіе.

Рѣшенія Угол. Касс. Департ. 1908 г. № 4 и Общ. Собр. 1909 г. № 15, достаточно разработали этотъ вопросъ, чтобы на немъ подробнѣе останавливаться.

Къ тому же слѣдуетъ отмѣтить, что съ указаннымъ измѣненіемъ текста 49 (51) ст. при оставленіи безъ примѣненія прежней редакціи послѣдующей 50 (52) ст. получается несогласіе въ терминологіи обѣихъ статей, могущее поставить практику въ затрудненіе.

Нельзя также не возразить противъ выраженія «умышленное подстрекательство». Подстрекательство — юридическій терминъ, обставленный извѣстными условіями, среди которыхъ однимъ изъ таковыхъ является умышленность; безъ послѣдней и самого подстрекательства нѣтъ; но говорить объ этомъ въ законѣ также излишне, какъ излишне было упоминать объ умышленности напр. воровства, что само собой очевидно; если же вводитъ одинъ изъ признаковъ наказуемаго подстрекательства, то надлежало бы упоминать и о другихъ признакахъ; такъ для признапія наличности подстрекательства необходимо не только, чтобы виновный склонялъ другое лицо совершить преступное дѣяніе, но чтобы подстрекаемый дѣйствительно совершилъ таковое дѣяніе и притомъ не по собственному почину, а именно

вслѣдствіе воздѣйствія на него со стороны подстрекателя, почему Особ. Совѣщ. при Россійскомъ Министерствѣ Юстиціи нашло, что употребленное въ проектѣ редакціонной комиссіи слово «подстрекавшій» слѣдуетъ замѣнить словомъ «подстрекнувшій» (предст. 49) и въ окончательной редакціи было поставлено слово «подстрекнуть», а не «подстрекать» (ср. рѣш. У. К. Д. 1915 г. № 1).

Въ связи съ прежней постановкой поэтому цѣлесообразнымъ являлась **обязательность** смягченія наказанія лишь для несущественнаго пособника.

Но самое главное возраженіе новая редакція встрѣчаетъ въ смыслѣ постановки вопроса объ «особыхъ личныхъ отношеніяхъ и условіяхъ, опредѣляющихъ преступность дѣянія».

Согласно мотивамъ, къ 51 ст. Угол. Улож. изд. 1903 г., при опредѣленіи вліянія на отвѣтственность соучастниковъ обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности или опредѣляющихъ таковую, необходимо различать: **обстоятельства реальные, или объективныя, относящіяся къ дѣйствію, и обстоятельства личныя.** Послѣднія никоимъ образомъ не могутъ относиться къ соучастнику, въ лицѣ котораго они отсутствуютъ.

Если одинъ изъ соучастниковъ убійства состоитъ съ жертвой преступленія въ отношеніяхъ родства, то это условіе не можетъ имѣть никакого значенія для отвѣтственности другихъ соучастниковъ: соучастники дѣтоубійства, отцеубійства служебнаго подлога и т. п. будутъ отвѣчать за простое убійство, подлогъ.

Если подобныя условія не только вліяютъ на мѣру отвѣтственности, но отъ ихъ наличности зависитъ и самая преступность дѣянія, заключающаяся именно въ нарушеніи этихъ особыхъ обязанностей, какъ напр., при большинствѣ преступныхъ дѣяній по службѣ, то всѣ прочіе соучастники, не находящіеся въ такихъ условіяхъ, не могутъ быть признаны и отвѣтственными за нихъ.

Поэтому въ Угол. Улож. въ особенной части для нагляднаго указанія тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы только нѣкоторыми лицами, въ отдѣльныхъ статьяхъ Уложенія, при характеристикѣ субъекта отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, употребляется слово **«виновный»** тамъ, гдѣ субъектомъ можетъ быть **всякое лицо**, и замѣняется это слово какимъ либо **спеціальнымъ названіемъ**: «мать», «россійскій подданный», «опекунъ» и т. д., какъ скоро преступность или наказуемость дѣянія предполагаетъ **наличность въ виновномъ какихъ либо особыхъ условій.*)**

*) По поводу случаевъ, когда измѣненіе отвѣтственности обуславливается особыми личными отношеніями виновнаго къ объекту посягательства, Н. С. Таганцевъ приводитъ слѣдующія примѣры:

«Если мать посягаетъ на жизнь своего незаконноприжитаго младенца при самомъ его рожденіи, то законъ относится снисходительнѣе къ ней на

Постановленія Угол. Уложенія явились развитіемъ въ данномъ случаѣ усвоеннаго судебной практикой принципа (ср. рѣш. Угол. Кас. Деп. 1875 г. № 526, 1882 г. № 40, 1884 г. № 15, 1885 г. № 28). Этотъ принципъ особенно ярко подчеркнуть въ Угол. Улож. въ постановкѣ вопроса объ актовой лжи и такъ называемой «интеллектуальномъ подлогѣ», за который частныя лица отвѣчаютъ по общеуголовнымъ нормамъ, а не за участіе въ служебномъ преступленіи. Для подобныхъ

томъ основаніи, что, съ одной стороны, мотивы, ею руководившіе, — стыдъ, страхъ суда общественнаго мнѣнія, боязнь за будущность младенца, а съ другой — ненормальное психическое состояніе, вызванное родильными муками, заставляють снисходительно отнестись къ виновной, была ли она главною виновницею или пособницею, подстрекательницею или исполнительницею; но можетъ ли законъ уменьшить наказуемость ея соучастникамъ, примѣняя и къ нимъ ту же презумпцію психической ненормальности?

Если кто либо совершаетъ растрату по легкомыслію и добровольно обязуется вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то онъ подлежитъ значительно уменьшенному наказанію, но можетъ ли это снисхожденіе распространяться на подстрекателя, который дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно и которому и въ голу не приходило возратить растраченное?

И наоборотъ. Если законъ усиливаетъ отвѣтственность племянника, убившаго дядю, послѣ котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ, совершившаго преступленіе именно ради полученія наслѣдства, и усиливаетъ потому, что видѣть въ этомъ особую испорченность воли, то не можетъ же онъ предполагать такой особой испорченности у соучастника, дѣйствовавшаго не ради достиженія какихъ либо корыстныхъ цѣлей, а, напр., въ отмщеніе убитому за то только что нанесенную убитымъ обиду ему или его женѣ, дочери. Не можемъ же мы признавать его участникомъ въ убійствѣ родственника, къ которому съ его стороны были нарушены особыя отношенія. Если сынъ убиваетъ отца, забывая узы крови, ихъ связывающія, то мы имѣемъ достаточныя основанія для усиленія уголовной отвѣтственности въ виду этихъ отношеній, но нельзя отыскать этихъ основаній для исполнителя, дѣйствовавшаго исключительно ради полученія обѣщанной награды. При этомъ не представляется никакихъ основаній противопоставлять въ этомъ отношеніи исполнителей — подстрекателей и пособниковъ. Если исполнитель былъ родственникомъ жертвы, а прочіе соучастники были посторонними, то они отвѣчаютъ за простое преступное дѣяніе; точно также, если сынъ подстрекнулъ посторонняго чело-вѣка убить отца подстрекателя, то подстрекатель долженъ отвѣчать за отцеубійство, а исполнитель — за убійство простое; такое же толкованіе должно быть примѣнено и къ пособникамъ.

То положеніе, что пособники являются какъ бы дополнительными, аксессуарными участниками преступныхъ дѣяній, не имѣетъ никакого значенія для рѣшенія этого вопроса, такъ какъ оно выражается лишь въ томъ, что преступность учиненнаго исполнителемъ опредѣляетъ преступность пособниковъ, но оно не можетъ быть распространяемо на влияние тѣхъ особыхъ личныхъ условій, которыя приносятся съ собою соучастники.

Рѣшеніе вопроса остается безъ измѣненія и въ томъ случаѣ, когда, въ силу этихъ личныхъ условій, дѣяніе переходитъ въ другую группу, какъ, напр., оскорбленіе переходитъ въ посягательство на порядокъ управленія, или когда этими условіями опредѣляется самая преступность учиненнаго.

Такимъ образомъ, если дѣяніе можетъ быть юридически учинено только лицами, занимающими какой либо служебный постъ въ государствѣ или исполняющими какія либо опредѣленныя обязанности, то лица, содѣйствовавшія такому дѣянію, но сами не находящіеся въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ находился исполнитель, не могутъ и отвѣчать за такое дѣяніе, если учиненное ими не составляетъ самостоятельнаго преступнаго дѣянія.

Точно такъ же лицо, помогавшее сожигательству неженатаго съ незамужнею, не подлежитъ наказанію; но если подобнымъ лицомъ оказался бы отецъ, продавшій свою дочь, то онъ отвѣчаетъ за квалифицированное сводничество.

(Русское Уголовное Право. Лекціи Н. С. Таганцева, изд. 1902 г. т. I стр. 792—793).

этому случаю въ Угол. Уложеніи имѣются особыя статьи общаго и должностного характера, какъ напр. 445 и 667 ст. Угол. Уложенія изд. 1903 г. (см. послѣднее изданіе 1922 г. комментированнаго Угол. Улож. 1903 г. стр. 204—206, 934—938, 1395—1396, 1506—1508 и рѣш. Угол. Кас. Деп. 1916 г. № 4). *) Такимъ образомъ новая редакція 49 (51) ст. создаетъ нежелательный параллелизмъ уголовныхъ нормъ въ особенной части.

Если встать на точку зрѣнія большинства Комиссіи, пришлось бы признать возможность соучастія въ дисциплинарныхъ провинностяхъ служащихъ, между тѣмъ отвѣтственность по дисциплинарнымъ проступкамъ такова, что частныя лица никакъ не могутъ быть подвергнуты этой специфической должностной карѣ.

Новая редакція этой статьи главнымъ образомъ направлена противъ «комиссіонеровъ» взятокъ и посему было бы лучше создать въ особенной части специальную статью, подобно 380 ст. Улож. о Нак., а не устанавливать общаго правила по отношенію всѣхъ преступныхъ дѣяній. Вообще случаевъ не предусмотрѣнной въ особенной части Угол. Уложенія наказуемости частнаго лица въ соучастіи съ должностнымъ лицомъ не много. Въ частности слѣдуетъ имѣть въ виду, что согласно новой редакціи 49 (51) ст., давшій взятку дѣлается соучастникомъ должностного преступленія, вслѣдствіе чего можетъ создаться такое положеніе, что никто никогда не заявитъ, что должностное лицо получило отъ него взятку, ибо побоится попасть на скамью подсудимыхъ. Не слѣдуетъ забывать, что введенное въ дѣйствіе законоположеніе 31 января 1916 г. о наказуемости мздоуедательства (272¹ и слѣд. ст. Улож. о Нак.) оказалось практически совершенно непригоднымъ.

По всѣмъ указаннымъ соображеніямъ нѣкоторые члены Комиссіи полагаютъ, что рѣшительно не представляется необходимымъ отступать отъ принятой Угол. Улож. точки зрѣнія по затронутому вопросу и что надлежитъ 49 (51) ст. Угол. Улож. оставить въ прежнемъ видѣ.

50 (52) Согласившійся принять участіе въ сообществѣ для учиненія тяжкаго преступленія или преступленія и не отказавшійся отъ дальнѣйшаго соучастія, но не бывшій соучастникомъ тяжкаго преступленія или преступленія, отвѣчаетъ только за участіе въ сообществѣ.

Участіе въ сообществѣ для учиненія тяжкаго преступленія или преступленія или въ шайкѣ, составившейся для учиненія нѣсколькихъ тяжкихъ преступленій или преступленій наказывается въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ.

См. объясненія подъ 49 (51) ст. (стр. 76.)

*) Уголовное Уложеніе 1903 г. во всѣхъ случаяхъ, гдѣ признано необходимымъ наказывать и соучастниковъ специальныхъ преступленій, ввело о семь особыя статьи (ср. 149, 173, 189, 190, 191, 463, 487, 602).

Ср. „Дисциплинарный Уставъ“ изд. 1922 г. стр. 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

О смягченіи и замѣнѣ наказаній.

51 (53). Виновному, признанному, при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, заслуживающихъ снисхожденія, наказаніе смягчается на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) не можетъ быть назначена высшая мѣра наказанія, за учиненное преступное дѣяніе въ законѣ установленная;

2) при опредѣленіи въ законѣ за преступное дѣяніе низшаго предѣла наказанія, суду предоставляется уменьшить оное до низшаго законнаго размѣра сего рода наказанія, и

3) при отсутствіи въ законѣ особаго опредѣленія о низшемъ предѣлѣ наказанія за преступное дѣяніе, судъ можетъ уменьшить это наказаніе до низшаго законнаго размѣра сего рода наказанія или перейти и къ другому наказанію въ слѣдующей постепенности: отъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ безъ срока—къ срочному заключенію въ каторжной тюрьмѣ, отъ срочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ—къ заключенію въ долгосрочной тюрьмѣ; отъ заключенія въ долгосрочной тюрьмѣ—къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ; отъ заключенія въ краткосрочной тюрьмѣ—къ аресту.

52 (54). Предварительное заключеніе можетъ быть засчитано въ наказаніе, въполнѣ или частью судомъ, постановляющимъ по дѣлу приговоръ.

Мысль объ **обязательности** для суда зачета въ наказаніе времени, проведеннаго осужденнымъ подъ предварительнымъ арестомъ, не встрѣтила сочувствія въ Комиссіи въ виду того, что при установленіи обязательности зачета предвар. заключенія, на практикѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникнутъ всевозможныя техническія затрудненія, напр. при округленіи срока назначаемаго наказанія, или при вычисленіи срока, подлежащаго зачету, въ случаѣ, если подсудимый во время слѣдствія по нѣсколько разъ арестовывался на короткіе сроки, а затѣмъ выпускался.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія сочла возможнымъ распространить зачетъ на всѣ виды лишенія свободы.

53 (55). Несовершеннолѣтніе отъ *двѣнадцати до восемнадцати* *) лѣтъ, коимъ учиненное преступное дѣяніе вѣнчено въ вину, подлежатъ:

*) Кабинетомъ Министровъ восемнадцатилѣтній возрастъ измѣненъ на семнадцатилѣтній.

1) несовершеннолѣтніе отъ *четырнадцати* до *восемнадцати* *) лѣтъ вмѣсто безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ — заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ отъ *восьми* до *двѣнадцати* лѣтъ, а вмѣсто срочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ — заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ отъ *трехъ* до *восьми* лѣтъ;

2) во всѣхъ остальныхъ случаяхъ вмѣсто всѣхъ видовъ лишенія свободы, кромѣ ареста, — помѣщенію въ воспитательно-исправительное заведеніе;

3) вмѣсто ареста и денежной пени—внушенію отъ суда; если же судъ найдетъ, что проступки обращены несовершеннолѣтнимъ въ промыселъ или свидѣтельству о привычкѣ къ преступной дѣятельности—помѣщенію въ воспитательно-исправительное заведеніе.

Несовершеннолѣтніе, подлежащіе помѣщенію въ воспитательно-исправительныя заведенія, отдаются туда судомъ на срокъ не менѣе *одного* года и не далѣе достиженія ими совершеннолѣтія. Условное досрочное ихъ освобожденіе предоставляется начальству сего заведенія, въ зависимости отъ степени исправленія, но не ранѣе истеченія *шести* мѣсяцевъ пребыванія въ заведеніи.

Несовершеннолѣтній, признанный подлежащимъ помѣщенію въ воспитательно-исправительное заведеніе, если ему во время обращенія приговора къ исполненію уже минуло *восемнадцать* лѣтъ, подлежитъ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ съ сокращеніемъ срока противъ замѣняемаго наказанія не менѣе, какъ на *половину*, но во всякомъ случаѣ на срокъ не выше *пяти* лѣтъ.

Въ случаѣ примѣненія къ осужденному несовершеннолѣтнему условнаго освобожденія отъ наказанія (ст. 21 — 25) судъ отдаетъ его подъ отвѣтственный надзоръ родителямъ, или лицамъ, на попеченіи коихъ онъ состоитъ, или другимъ благонадежнымъ лицамъ, изъясвившимъ на то согласіе, или же въ воспитательное заведеніе съ примѣненіемъ статьи 39.

54 (56). Несовершеннолѣтніе отъ *двѣнадцати* до *восемнадцати* *) лѣтъ не подлежатъ лишенію или ограниченію правъ (ст. 27, 28 и 32) за исключеніемъ тѣхъ (отъ *четырнадцати* до *восемнадцати* *)

*) Кабинетомъ Министровъ *восемнадцатилѣтній* возрастъ измѣненъ на *семнадцатилѣтній*.

лѣтъ), для которыхъ безсрочное содержаніе въ каторжной тюрьмѣ замѣнено заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

55 (57). Для несовершеннолѣтнихъ отъ *восемнадцати* *) до *двадцати одного* года безсрочная каторга замѣняется срочной на *пятнадцать* лѣтъ, а срочное заключеніе въ каторжной, долгосрочной или краткосрочной тюрьмѣ сокращается на *одну* треть.

Лишеніе и ограниченіе правъ примѣняется только въ случаяхъ присужденія къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ.

См. объясненіе подъ ст. 39.

Къ ст.
53—55.

Первоначально Комиссія предполагала въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 18 лѣтъ вмѣсто заключенія въ каторжной тюрьмѣ упомянуть просто о **тюрьмѣ**, какъ на замѣняющее наказаніе безъ указанія типа тюрьмы (долгосрочной или краткосрочной). Однако въ Комиссіи было обращено вниманіе, что на практикѣ встрѣтится затрудненіе въ разрѣшеніи вопроса, въ какую именно тюрьму надлежитъ заключить такого несовершеннолѣтняго. Прежде всего для него далеко не безразлично съ юридической стороны, какая тюрьма замѣнитъ заключеніе въ каторжной тюрьмѣ, ибо только присужденіе къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ влечетъ за собою примѣненіе условнаго осужденія, его освобожденіе отъ заключенія (21 ст. проекта). Кромѣ того и съ нравственной стороны далеко не безразлично, гдѣ такому несовершеннолѣтнему придется отбывать наказаніе. Въ долгосрочной тюрьмѣ сосредоточивается значительно болѣе испорченный элементъ, чѣмъ въ краткосрочной тюрьмѣ, ибо въ первой тюрьмѣ содержится элементъ, осужденный за болѣе тяжкіе виды корыстныхъ преступленій. Съ гуманной точки зрѣнія было бы несправедливо неустойчивый характеръ малолѣтняго подвергать опасности общенія съ такимъ сугубо преступнымъ элементомъ.

Эти соображенія и понудили Комиссію склониться къ помѣщенію такихъ несовершеннолѣтнихъ въ краткосрочную тюрьму.

По мнѣнію одного члена Комиссіи слѣдовало бы еще оговорить, что несовершеннолѣтніе содержатся въ **особыхъ помѣщеніяхъ при краткосрочной тюрьмѣ** отдѣльно отъ совершеннолѣтнихъ преступниковъ. Помимо воспитательныхъ соображеній этимъ бы сглаживалась несуразность **долговременнаго** содержанія (до 12 лѣтъ) въ **краткосрочной** тюрьмѣ. **).

*) Кабинъ томъ Министровъ **восемнадцатилѣтній** возрастъ измѣненъ на **семнадцатилѣтній**.

** См. объясненія о преимуществѣ прежняго наименованія отдѣльных типовъ мѣстъ заключенія подъ статью 2 на стр. 10 и слѣд.

56 (59). Денежная пеня, не уплаченная въ теченіе мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа — въ день наступленія срока, по удостовѣреніи, въ установленномъ порядкѣ, о неимѣніи у осужденнаго средствъ къ уплатѣ пени, замѣняется арестомъ на срокъ, опредѣляемый судомъ въ приговорѣ, въ слѣдующей соразмѣрности — пеня до *двадцати пяти* латовъ — арестомъ до *одной* недѣли; отъ *двадцати пяти* до *ста* латовъ — арестомъ отъ *одной* недѣли до *одного* мѣсяца; отъ *ста* до *пятисотъ* латовъ — арестомъ отъ *одного* до *трехъ* мѣсяцевъ; отъ *пятисотъ* до *одной тысячи* латовъ — арестомъ отъ *трехъ* до *шести* мѣсяцевъ; свыше *одной тысячи* латовъ — арестомъ отъ *шести* мѣсяцевъ до *одного* года.

При уплатѣ пени или ея части, во время отбыванія замѣняющаго ихъ ареста, сей послѣдній прекращается или срокъ его уменьшается соразмѣрно съ внесенною частью пени. При такомъ уменьшеніи арестъ засчитывается въ соразмѣрности, установленной судомъ въ его приговорѣ.

Принимая во вниманіе, что текстъ 56 (59) ст. въ изд. 1903 г. даетъ достаточный суду просторъ въ замѣнѣ денежной пени арестомъ и въ большемъ расширеніи правъ суда въ этомъ отношеніи не встрѣчается надобности, Комиссія остановилась на прежнемъ текстѣ 56 (59) ст., оклонивъ предложеніе о введеніи общаго правила о соотвѣтствіи 1 дня ареста пенѣ въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 3 латовъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы подвергнуть коренному измѣненію установленія въ особой части Угол. Уложенія наказанія, гдѣ размѣры пени установлены въ строгомъ соотвѣтствіи со срокомъ ареста. По общему правилу срокъ ареста не можетъ превышать 6 мѣсяцевъ и слѣдовательно въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ указаны альтернативно арестъ и денежная пеня, послѣдняя не должна была бы превышать 90 латовъ — равныхъ шести мѣс. ареста при возможной замѣнѣ $\frac{1}{2}$ лата 1 днемъ ареста, между тѣмъ въ цѣломъ рядѣ подобныхъ статей предѣлъ денежной пени указанъ болѣе высокій. (По постановленію 13 января 1922 г. пени, выраженные въ особенной части Угол. Улож. въ рубляхъ, опредѣляются въ золотыхъ франкахъ, т. е. въ латахъ въ той же суммѣ.) Такимъ образомъ для согласованія предполагаемой редакціи 56 (59) ст. съ особенной частью Угол. Уложенія, потребовалось бы серьезная ломка ея системы. Правда, такое согласованіе было бы легко достигнуто, вовсе не обозначивъ въ указанныхъ статьяхъ размѣра денежной пе-

ни, но съ другой стороны это представлялось бы нѣсколько опаснымъ, ибо создало бы слишкомъ большой просторъ для усмотрѣнія суда.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Объ обстоятельствахъ, усиливающихъ отвѣтственность.

57 (60). Учинившій, до провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности, *два или больше* преступныхъ дѣяній подлежитъ тягчайшему изъ наказаній, назначенныхъ судомъ за сіи дѣянія. Судъ можетъ увеличить назначенное имъ тягчайшее наказаніе до высшаго, опредѣленнаго въ законѣ за сіе дѣяніе, размѣра, не превышая, однако, суммы всѣхъ назначенныхъ виновному наказаній и соблюдая правила статьи 19, причемъ заключеніе въ каторжной тюрьмѣ можетъ быть дробимо въ предѣлахъ до *трехъ* мѣсяцевъ. Если, однако, тягчайшимъ наказаніемъ будетъ заключеніе въ каторжной или долгосрочной тюрьмѣ, а за другое дѣяніе, судимое по совокупности, судомъ назначены денежная пеня или арестъ, то судъ не можетъ увеличивать назначеннаго имъ тягчайшаго наказанія.

Лишеніе и ограниченіе правъ, а равно и указанныя въ законѣ дополнительныя наказанія, не сопровождающія тягчайшее наказаніе, но опредѣленныя судомъ за другія преступныя дѣянія, судимыя по совокупности, присоединяются къ тягчайшему наказанію.

При обсужденіи ст. 57 (60) Комиссія исключила примѣчаніе къ ней, имѣвшее значеніе лишь при условіи параллельнаго примѣненія различныхъ уголовныхъ кодексовъ въ Россіи, а въ Латвіи потерявшее это значеніе.

58 (61). Если за одно изъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ за собою по правиламъ о совокупности, въ статьѣ 57 постановленнымъ, срочное лишеніе свободы или денежную пеню, виновный отбылъ наказаніе вполнѣ или частію, то отбытое наказаніе засчитывается ему въ наказаніе, назначенное по совокупности.

59 (62). При назначеніи наказанія по совокупности, тяжесть однородныхъ наказаній опредѣляется ихъ срокомъ или размѣромъ, а разнородныхъ — ихъ постепенностью на основаніяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 2 и 60.

60 (63). При сложеніи и зачетѣ наказаній, *шесть* мѣсяцевъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ считаются равными *одному* году заключенія въ долгосрочной тюрьмѣ, *одному* году и *шести* мѣсяцамъ заключенія въ краткосрочной тюрьмѣ и *четыремъ* годамъ ареста.

Денежная пеня сравнивается съ арестомъ въ предѣлахъ, статьею 56 установленныхъ.

61 (64). Учинившій, до провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности, *два* или *болѣе* тождественныхъ или однородныхъ преступныхъ дѣяній, по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія такой дѣятельности въ промыселъ, подлежитъ, если въ законѣ не опредѣлено за такія дѣянія особаго наказанія, отвѣтственности по правиламъ о совокупности, въ статьяхъ 57 — 60 постановленныхъ.

Сверхъ того, судъ можетъ, назначая, какъ тягчайшее наказаніе:

1) безсрочное заключеніе въ каторжной тюрьмѣ — воспретить условное досрочное освобожденіе (ст. 20) ранѣ истеченія *двадцати* лѣтъ.

2) срочное лишеніе свободы — продлить: если въ законѣ назначенъ предѣльный высшій срокъ — до высшаго размѣра сего рода наказанія, а если предѣльный высшій срокъ не назначенъ, то: заключеніе въ каторжной тюрьмѣ — до *двадцати* лѣтъ, заключеніе въ долгосрочной тюрьмѣ — до *восьми* лѣтъ, заключеніе въ краткосрочной тюрьмѣ — до *двухъ* лѣтъ и арестъ — до *одного* года.

3) денежную пеню, — опредѣлить, кромѣ того, арестъ на срокъ не свыше *одного* мѣсяца.

Весьма существенное дополненіе Комиссія признала нужнымъ внести въ текстъ ст. 61 (64), предусматривающей учиненіе преступникомъ, до провозглашенія о немъ приговора, новаго преступленія, тождественнаго или однороднаго съ предыдущимъ, по привычкѣ къ преступной дѣятельности. По этой статьѣ судъ можетъ усиливать мѣру наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — въ Россійскомъ Уголовномъ Уложеніи таковымъ усиленіемъ являлось продленіе срока перевода на поселеніе для приговариваемыхъ къ безсрочной каторгѣ. Но такъ какъ ссылка на поселеніе изъ новой установленной схемы наказаній Комиссіей исключена, а безсрочное заключеніе въ каторжной тюрьмѣ фактически не допускаетъ возможности продленія срока наказанія, то передъ Комиссіей возникъ вопросъ о выборѣ такой мѣры, которая могла бы усугубить для осужденнаго тяжесть опредѣленнаго для него наказанія. Въ видѣ такой мѣры большинство Ко-

миссии избрало запретъ примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія ранѣе 20 лѣтъ.

Полагая, что въ данномъ случаѣ такой запретъ представляется недостаточно репрессивнымъ и необходима болѣе ощутительная мѣра, которая бы вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовала болѣе устрашающимъ образомъ на преступниковъ и воздерживала ихъ отъ совершенія новыхъ преступныхъ дѣяній, одинъ членъ Комиссии, считалъ, что въ качествѣ такой мѣры слѣдуетъ признать содержаніе въ кандалахъ, примѣняемое по Уст. о Сод. подъ стражею въ случаѣ побѣга арестанта (407 ст. Уст. о сод. подъ стражей, т. XIV Св. Зак.) и въ подлежащихъ случаяхъ по Уставу о ссыльныхъ (См. 94, 240 и др. ст. Уст. о ссыльн. т. XIV Св. Зак.).

Согласно этому мнѣнію, институтъ условно-досрочнаго освобожденія основанъ на совершенно другомъ принципѣ, чѣмъ ст. 61 (64). Первый предполагаетъ исправленіе или не-исправленіе преступника, отбывающаго наказаніе, какъ условіе, вліяющее на досрочное освобожденіе, ст. же 61 (64) гласитъ объ усиленіи наказанія. Мѣра предложенная большинствомъ Комиссии, поставитъ въ привилегированное положеніе безсрочныхъ каторжанъ, создавая въ сущности безнаказанность безсрочныхъ каторжанъ, учинившихъ новое тяжкое преступленіе, караемое напр. безсрочною каторгою, и это законоположеніе является несправедливымъ по отношенію къ тѣмъ, кто подпадаетъ подъ дѣйствіе послѣдующихъ 2 и 3 п. п. 61 (64) статьи.

Поэтому въ этомъ отношеніи слѣдовало бы воспользо-ваться предположеніемъ прежней Комиссии о содержаніи лицъ, подпадающихъ подъ дѣйствіе 1 п. 61 (64) ст., въ кандалахъ на срокъ не свыше 2-хъ лѣтъ.

62. На основаніяхъ, въ предшедшей (61) статьѣ установленныхъ, наказаніе должно быть усилено и въ томъ случаѣ, если преступное дѣяніе учинено по хулиганскимъ побужденіямъ изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со стороны потерпѣвшаго.

О хулиганствѣ.

Со времени опубликованія Уголовнаго Уложенія не только юридическая мысль получила свое прогрессирующее развитіе, но сама жизнь значительно усложнилась и на практикѣ вырисовались новые виды преступныхъ явленій, до-толѣ не опредѣлившіеся. Такимъ видомъ преступности явилось **хулиганство** — особый типъ «**безмотивнаго**» посягательства на чужое благо, будь то чужая личность или имущество. Съ **внѣшней** стороны хулиганство вырисовывается въ видѣ **безчинства**, а съ **внутренней** стороны оно является въ видѣ **безудержнаго озорства**. Отсутствие корысти въ такого рода дѣяніи сдѣлало невозможнымъ примѣненіе на практикѣ устрѣвшихъ уголовныхъ нормъ, хотя результатъ такого рода безмотивнаго дѣянія съ **внѣшней** стороны являлся подчасъ очень ощутительнымъ для потерпѣвшей сто-

роны. Сплошь да рядомъ настойчивыя жалобы, особенно въ деревняхъ, на проявленія разнаго рода хулиганства представляли подводитъ такого рода дѣянія подъ мелкіе грабежи и кражи, но на судѣ такого рода обвиненія заканчивались обыкновенно оправданіемъ въ виду несообразности грозящаго обвиняемому наказанія. Дѣйствительно, сорваніе и уносъ безъ послѣдующаго присвоенія шапки, угонъ изъ озорства лошади, не подходили подъ понятіе обыкновеннаго грабежа или кражи лошади, за каковыя дѣянія грозили весьма тяжкія наказанія.

Судъ «общественной совѣсти» — судъ присяжныхъ, этотъ регуляторъ правовой жизни страны, не находя состава вмѣняемаго въ вину подсудимому преступленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая оставлять вовсе безнаказаннымъ дѣйствіе «хулигана», выносили иногда совершенно несообразные вердикты, отвѣчая на вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что похитилъ лошадь» — «Да виновенъ, но не лошадь.» Въ послѣдніе года стараго режима въ Россіи, въ виду усилившагося проявленія хулиганства, по требованію Государственной Думы б. Министерствомъ Юстиціи былъ собранъ обширный матеріалъ въ видѣ представленій со всей имперіи судебныхъ, административныхъ и общественныхъ дѣятелей по вопросу о борьбѣ съ хулиганствомъ, причемъ подтвердилась настоятельная необходимость выработки особаго законопроекта. Указывалось, что, начиная съ японской войны и послѣдовавшаго затѣмъ революціоннаго движенія, чувство законности и уваженіе къ чужой собственности особенно пошатнулись.

Послѣдняя война и проповѣдь большевизма еще болѣе расшатали основы правопорядка, и одичаніе нравовъ создало благопріятную почву для развитія хулиганства. Уже первоначальная Комиссія, идя навстрѣчу властнымъ требованіямъ жизни, нынѣ восполнила пробѣлъ уголовного закона, введя особую 262¹ статью Уголовнаго Уложенія, карающую хулиганство, какъ преступленіе *сци генерис* «въ видѣ безчинства, творимаго изъ озорства.»

При этомъ несомнѣнно подобно предусмотрѣнному 262 ст. Угол. Улож. (изд. 1903 г.) постановленію о буйствѣ, хулиганство можетъ вылиться въ квалифицированныя формы безчинства, сопряженнаго не только съ поврежденіемъ и уничтоженіемъ чужой собственности, но и другимъ преступнымъ дѣяніемъ, напр. съ причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія или даже смерти, конечно безъ всякаго умысла на такое причиненіе.

Практика показала, что въ послѣднее время стали учащаться случаи безпричиннаго нанесенія ранъ, что называется «ни съ того, ни съ сего» — «здорово живешь», безъ всякой какой либо опредѣленной злобы къ потерпѣвшему... Шелъ человекъ и пырнулъ встрѣчнаго ножомъ или «загнулъ» изъ озорства «салазки» товарищу, причинивъ послѣднему поврежденіе, подрѣзалъ корни растенія и т. д.

Такого рода дѣйствія и являются, типичной формой хулиганства.

Взвѣсивая сущность хулиганства, первоначальная Комиссія находила, что въ отличіе отъ простого буйства не-премѣннымъ условіемъ хулиганства является какое либо возмущающее окружающихъ послѣдствіе въ видѣ того или иного физическаго или нравственнаго ущерба обществу, почему такого рода безчинству, какъ юридическому термину, должно быть придано особое значеніе съ выдѣленіемъ постановленія о хулиганствѣ въ особую отъ буйства статью.

Нѣкоторые же члены Комиссіи находили достаточнымъ для характеристики хулиганства введеніе одного внутренняго признака — наличія безмотивнаго **озорства**.

Анализируя далѣе хулиганскія проявленія, Комиссія признала, что хулиганство можетъ квалифицироваться какъ преступленіе *sui generis* и какъ мотивъ къ совершенію болѣе тяжкихъ преступленій, какъ ихъ отбѣнокъ. Простѣйшая его форма, выражающаяся въ видѣ **незлогобно озорства**, формулирована первоначальной Комиссіей какъ «безчинство, творимое изъ озорства» (262¹ ст. Угол. Улож.) Это озорническое дѣйствіе, направленное во вредъ имуществу или личности безъ цѣли, однако, извлечь для себя **корыстную или иную выгоду**, можетъ осложниться особой **злостью**, сливаясь съ особымъ преступнымъ умысломъ. Въ послѣднемъ случаѣ хулиганство является побудительной причиной преступнаго дѣйствія; оно выражено въ проектѣ въ видѣ условія, квалифицирующаго то или иное преступленіе.

Вопросъ возникъ, слѣдуетъ ли квалифицировать всякое преступное дѣяніе по хулиганскимъ побужденіямъ, т. е. по побужденіямъ, проистекающимъ изъ чувства особой безмотивной злобы, безъ повода со сторонъ потерпѣвшаго, или же только нѣкоторые, какъ напр., убійство (455 ст. Угол. Улож. изд. 1903 г.), причиненіе тѣлеснаго поврежденія (471 ст. тамъ-же), оставленіе въ опасности (ст. 489 тамъ-же), лишеніе свободы (ст. 499 тамъ-же), вторженіе (3 ч. 512 ст. тамъ-же), непотребство (515 ст. тамъ-же), оскорбленіе (532, 540 тамъ-же), оглашеніе тайнъ (541, 542 тамъ-же), поврежденіе имущества (прим. къ 570 ст. тамъ-же) и т. д. (см. 123—125 стр. объясн. зап. къ раб. по пересм. Угол. Улож. изд. 1921 г.).

Не отрицая возможности учиненія по хулиганскимъ побужденіямъ и другихъ преступныхъ дѣяній, по мысли первоначальной Комиссіи предполагалось излишнимъ особенно оговаривать объ этомъ въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ, когда хулиганство, караемое по 262¹ ст. Угол. Улож., само по себѣ представляется болѣе тяжкимъ преступленіемъ. Казалось достаточнымъ ограничиться лишь наиболѣе важными и чаще встрѣчающимися на практикѣ случаями. Нѣкоторые же преступныя дѣянія, какъ напр. должностныя, представлялись едва ли допускающими хулиганскій отбѣнокъ при ихъ учиненіи.

Въ конечномъ выводѣ Комиссія по выработке Латвійскаго Угол. Уложенія остановилась на усиленіи наказуемости **за всякое** преступное дѣяніе, учиненное по хулиганскимъ побужденіямъ.*)

Сливаясь часто съ другимъ самостоятельнымъ преступленіемъ, хулиганство, по мысли Комиссіи, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть опредѣлено судомъ, какъ особое преступное дѣяніе въ видѣ незлобнаго озорства, или же какъ иное преступное дѣяніе, подсказанное особымъ злымъ озорствомъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла и въ зависимости отъ того отгѣнка, которое приняло преступное дѣяніе. Отъ здраваго смысла суда зависить опредѣлить, гдѣ находится центръ тяжести даннаго проступка.

Сообразно изложенному Комиссія въ окончательномъ выводѣ рѣшила ввести въ Уголовное Уложеніе особую 62 (64¹) ст. въ редакціи проекта. **)

*) Такъ смотрѣло и Россійское Министерство Юстиціи. Въ Циркулярѣ послѣдняго отъ 12 июня 1913 г. за № 31803 (Ж. М. Ю. 1913 г. № 7 стр. 179—192) указывается, что точно указать въ законѣ, какія преступныя дѣянія должны почитаться хулиганствомъ не представляется возможнымъ, такъ какъ хулиганство есть въ сущности отгѣнокъ преступности и по хулиганскимъ побужденіямъ можетъ быть учинено всякое преступное дѣяніе.

Между прочимъ въ томъ же циркулярѣ говорилось: „Однимъ изъ основныхъ положеній проекта является признаніе, что дѣйствительнымъ мѣриломъ борьбы съ хулиганствомъ должно явиться требованіе объ обязательныхъ занятіяхъ осужденныхъ за преступныя дѣянія, учиненныя по хулиганскимъ побужденіямъ, работами въ мѣстѣ заключенія. Кромѣ того, въ видахъ огражденія интересовъ потерпѣвшихъ предполагается опредѣлить, что въ случаѣ, если съ имущества осужденнаго не можетъ быть полностью взыскано присужденное съ нихъ вознагражденіе за вредъ и убытки, на удовлетвореніе такого обращаются три четверти денегъ, заработанныхъ осужденными во время содержанія въ мѣстѣ заключенія“.

Поэтому постановленія Уст. о Сод. подъ стр. (т. XIV Св. Зак.) предполагало добавить статью 365¹ слѣдующаго содержанія:

365¹. Въ случаѣ, если съ имущества осужденныхъ на основаніи ст. 64¹ Угол. Улож. (изд. 1903 г.) не можетъ быть полностью взыскано присужденное съ нихъ вознагражденіе за вредъ или убытокъ, взысканіе такого обращается на деньги, заработанныя во время содержанія подъ стражей, но съ тѣмъ, однако, чтобы сумма, подлежащая обращенію на покрытие этого вознагражденія, не превышала трехъ четвертей суммъ, подлежащихъ выдачѣ арестантамъ при ихъ освобожденіи.

Но у большинства Комиссіи подобная мѣра не встрѣтила сочувствія.

См. объясненія подъ ст. 18, 22, 27, 28 и 30 (о ѣ обязательности безъ какого бы то ни было льготнаго ограниченія тюремныхъ работъ хулигановъ, о нераспространеніи на нихъ дѣйствія постановленія ст. 21 объ условномъ осужденіи, о пораженіи правъ хулигановъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, и объ отдачѣ ихъ, по отбытіи сего заключенія, въ рабочіе дома. Стр. 36, 43, 53, 58 и 59).

) Постановление Правительства отъ 28-го октября 1922 г. (Vald. Vestn. 1-го января 1922 № 246), признавъ формулу 62 (64¹) ст. Угол. Улож. въ редакціи Комиссіи, придала простѣйшему виду хулиганства, изображенному въ 262¹ ст. того же Уложенія, иную формулировку, понимая подъ хулиганствомъ **не всякое озорство, а лишь **бесмотивно-злой** его видъ; такимъ образомъ простѣйшія проявленія хулиганства, лишенныя какой либо сознательной злобы, уже не подойдутъ подъ хулиганское озорническое безчинство.

Для состава хулиганства, согласно постановленію Правительства, требуется: 1) внѣшнее его проявленіе въ видѣ **безчинства**, 2) **наличіе безмотивной злобы** и 3) **отсутствіе повода со стороны потерпѣвшаго**.

63 (65). На основаніяхъ, опредѣленныхъ 61 статьею, судъ можетъ увеличить наказаніе служащему, виновному въ учиненіи или въ участіи въ учиненіи общаго преступнаго дѣянія: или съ нарушеніемъ отношеній служебной подчиненности, или посредствомъ злоупотребленія своею обязанностью или полномочіемъ, или посредствомъ угрозы притѣсненіемъ или инымъ злоупотребленіемъ властью, или съ нарушеніемъ долга службы въ отношеніи частныхъ лицъ, — если за такія нарушеніе, злоупотребленіе или угрозу не опредѣлены въ законѣ особыя наказанія.

Въ случаѣ присужденія служащаго къ аресту за преступное дѣяніе по службѣ государственной или самоуправления, суду предоставляется удалить виновнаго отъ занимаемой имъ должности (ст. 31 п. 4).

Въ случаѣ присужденія служащаго за преступленіе по службѣ государственной или самоуправления къ заключенію въ тюрьмѣ, не соединенному съ лишеніемъ правъ (ст. 27), суду предоставляется удалить виновнаго отъ занимаемой имъ должности (ст. 31 п. 4).

2 ч. 63 (65) ст. большинство Комиссіи формулировало въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ присужденія служащаго къ аресту за служебный проступокъ, судъ можетъ **присоединить** къ аресту удаленіе отъ должности, исключивъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможную замѣну ареста удаленіемъ отъ данной должности по суду.

Одинъ членъ Комиссіи, однако, считалъ безусловно невозможнымъ лишить Судъ цѣннаго права замѣны по 2 ч.

Только при наличіи всѣхъ трехъ условій виновный можетъ подлежать отвѣстности за хулиганство.

Намъ кажется такое суженіе понятія хулиганства едва ли цѣлесообразнымъ. Думается, впослѣдствіи придется расширить понятіе хулиганства на всѣ безчинства, учиненныя изъ всякаго озорства, напр. въ видѣ хулиганской шутки.

Кстати, благодаря идентичности формулировки 1 ч. 262¹ между второй частью этой статьи, гласящей о хулиганствѣ, сопряженномъ съ причиненіемъ поврежденія или смерти, и 62 (64¹) ст., дающей возможность особливо карать за причиненіе поврежденія или смерти по хулиганскимъ побужденіямъ, на практикѣ произойдетъ столкновение.

Помимо сего въ 262¹ ст. едва ли умѣстнымъ является вообще ссылка на побужденія, которыя, казалось бы, излишни въ постановленіяхъ главы XII, касающейся нарушеній, ограждающихъ общественное спокойствіе. Въ данномъ случаѣ важенъ самый фактъ безчинства, которое можетъ затронуть интересы общественные, помимо причиненія вреда опредѣленному потерпѣвшему. При такомъ безчинствѣ на лицо имѣется то, что французы зовутъ *attentat des mœurs publiques*: хулиганство, какъ озорническое безчинство, можетъ причинить нравственный ущербъ всему обществу, возмущая своимъ проявленіемъ безудержнаго озорства общественную совѣсть. (Ср. Объясн. Зап. къ раб. по пересм. Угол. Улож. изд. 1921 г. стр. 82 и 91).

Сост.

63 (65) ст. ареста удаленіемъ служащаго отъ должности. Помимо того, что для лица, занимающаго государственную или общественную должность, арестъ можетъ оказаться гораздо болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ для неслужащаго гражданина, нельзя не признать важными соображенія составителей Угол. Уложенія.

Такъ, по поводу ареста особ. прис. деп. Россійск. Гос. Совѣта нашло, что «примѣненіе его во многихъ случаяхъ представить на практикѣ значительныя затрудненія. Содержаніемъ подъ арестомъ занимающаго болѣе или менѣе важную должность можетъ быть нанесенъ ущербъ самой должности, занимаемой виновнымъ, и повести къ умаленію престижа власти, а при долговременномъ арестѣ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отсутствіе арестованнаго поведетъ или къ замѣшательству во ввѣренной ему отрасли служебной дѣятельности или несправедливымъ образомъ отразится на его сослуживцахъ, которые будутъ исполнять его обязанности. Поэтому особое присутствіе установило, какъ общее правило, предоставленіе суду, сообразно особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая: либо замѣнить арестъ — удаленіемъ служащаго отъ должности, безъ всякихъ послѣдствій, либо присоединить къ аресту удаленіе отъ должности также безъ всякихъ послѣдствій.» (особ. прис. 321).

Что касается до 3 ч. 63 (65) ст. большинство Комиссіи опредѣлило исключить изъ текста закона слова: «на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ», ограничившись ссылкой на 31 (33) ст. п. 4.

По этому поводу одинъ членъ Комиссіи находилъ, что нѣтъ основаній расширять право суда предоставленіемъ ему права удаленія отъ должности навсегда, считая болѣе правильной редакцію 63 (65) ст. въ прежнемъ видѣ.*)

64 (66). Учинившій преступное дѣяніе послѣ провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности или во время отбыванія наказанія подлежитъ отвѣтственности на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій:

1) при соединеніи безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ съ симъ же наказаніемъ, судъ присуждаетъ виновнаго къ содержанію въ кандалахъ на срокъ не свыше *десяти лѣтъ*;

2) при соединеніи безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ со срочнымъ судъ присуждаетъ ви-

*) Ср. объясн. подъ 31 ст. на стр. 61.

новнаго къ содержанію въ кандалахъ на срокъ не свыше *шести* лѣтъ.

3) при соединеніи безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ съ заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ, судъ присуждаетъ виновнаго къ содержанію въ кандалахъ на срокъ не свыше *двухъ* лѣтъ;

4) при соединеніи безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ съ прочими наказаніями, лишеніемъ свободы, судъ присуждаетъ виновнаго къ содержанію въ кандалахъ на срокъ не свыше *шести* мѣсяцевъ,

5) при соединеніи наказаній, состоящихъ въ срочномъ лишеніи свободы, сроки ихъ складываются, а если виновный подлежитъ наказаніямъ, разнороднымъ, то менѣе тяжкое по роду наказаніе присоединяется къ болѣе тяжкому съ сокращеніемъ срока по расчету, означенному въ статьѣ 60, при чемъ общая продолжительность наказанія не должна превышать сроковъ, въ пунктѣ 2 *второй* части 61 ст. указанныхъ.

Мысль о продленіи срока, долгосрочнаго освобожденія и въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 п. 64 (66) ст. не встрѣтила сочувствія въ Комиссіи, которая остановилась на содержаніи въ кандалахъ, каковое помимо значенія пресѣченія преступнику возможности совершать новыя дѣянія въ силу порочныхъ его наклонностей, имѣетъ еще карательное значеніе. Это вновь устанавливаемое дополнительное наказаніе Комиссія сочла необходимымъ внести въ постановленіи статьи 64 (66), предусматривающей учиненіе новаго преступленія послѣ правозглашенія приговора и во время отбытія преступникомъ наказанія въ видѣ безсрочнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ, дабы не оставлять вовсе безнаказаннымъ учиненіе осужденнымъ къ безсрочному содержанію въ каторжной тюрьмѣ новаго тяжкаго преступленія. Сроки содержанія въ кандалахъ Комиссія опредѣлила сообразно тяжести вновь совершеннаго преступленія въ зависимости отъ подлежащаго за послѣднее наказанія.

65 (67). Учинившій преступное дѣяніе по отбытіи наказанія подлежитъ отвѣтственности на общемъ основаніи. Въ случаѣ же учиненія осужденнымъ дѣянія, тождественнаго съ прежнимъ или съ нимъ однороднаго, вновь назначаемое наказаніе, за исключеніемъ случаевъ, въ коихъ закономъ опредѣлены особыя за повтореніе преступныхъ дѣяній наказанія, усиливается на основаніяхъ, въ статьѣ 61 установленныхъ, если до учиненія новаго, тождественнаго или однороднаго,

преступнаго дѣянія прошло со времени отбытія наказанія за прежніе: тяжкое преступленіе—не болѣе *пяти* лѣтъ, преступленіе—не болѣе *трехъ* лѣтъ и проступокъ—не болѣе *одного* года.

Въ Комиссіи возникъ вопросъ о необходимости оговорить въ 65 (67) статьѣ случаи повторнаго совершенія преступленія тождественнаго или однороднаго съ тѣмъ, за которое осужденный былъ условно освобожденъ отъ наказанія, въ виду этого первоначально предполагалось добавить статью указаніемъ на то, что «окончательное сложеніе наказанія условно осужденному приравнивается къ отбытію наказанія.»

Но въ дальнѣйшемъ эта добавка была признана излишней, ибо при условномъ освобожденіи отъ наказанія осужденный одобрительнымъ поведеніемъ достигаетъ окончательнаго сложенія наказанія — что равносильно **отбытію** наказанія, почему само собою очевидно, что совершеніе уже послѣ этого тождественнаго или однороднаго преступленія должно рассматриваться какъ рецидивъ.

ОТДѢЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость.

66 (68). Наказаніе за давностью не примѣняется:

1) если со дня учиненія преступныхъ дѣяній до дня возбужденія противъ обвиняемаго уголовнаго преслѣдованія въ установленномъ порядкѣ истекли нижеуказанные сроки: въ отношеніи тяжкихъ преступленій, за которыя въ законѣ, какъ высшее наказаніе, опредѣлено безсрочное заключеніе въ каторжной тюрьмѣ—*пятнадцать* лѣтъ; въ отношеніи прочихъ тяжкихъ преступленій—*десять* лѣтъ; въ отношеніи преступленій,—за которыя въ законѣ, какъ высшее наказаніе, опредѣлено заключеніе въ долгосрочной тюрьмѣ—*восемь* лѣтъ; въ отношеніи прочихъ преступленій—*три* года, и въ отношеніи проступковъ—*одинъ* годъ;

2) если со дня учиненія тяжкихъ преступленій и преступленій до дня постановленія приговора о виновномъ истекли *двойные*, а со дня учиненія проступковъ до дня постановленія приговора—*тройные*, противъ указанныхъ въ пунктѣ 1 сей статьи, сроки;

3) если со дня постановленія приговора до дня обращенія его къ исполненію истекли установленные въ пунктѣ 2 сей статьи сроки, которые въ сихъ случаяхъ исчисляются сообразно наказанію, назначенному судебнымъ приговоромъ.

Въ отношеніи давности Комиссія, имѣя въ виду, что безсрочная каторга замѣнила собою въ подлежащихъ случаяхъ смертную казнь, опредѣлила для преступныхъ дѣяній, облагаемыхъ безсрочной каторгой, — давность въ 15 лѣтъ.

67 (69). Лишеніе или ограниченіе правъ, коему подлежитъ осужденный по приговору, вступившему въ законную силу, но не приводимому въ исполненіе за давностью, не почитается давностью. Сроки лишенія или ограниченія правъ исчисляются со дня погашенія давностью назначеннаго по приговору наказанія.

68 (70). Для преступнаго дѣянія, состоящаго изъ нѣсколькихъ дѣйствій, давностные сроки исчисляются со дня совершенія послѣдняго дѣйствія, а для преступнаго дѣянія, непрерывно продолжающагося, — со дня его прекращенія.

69 (71). Если по закону уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено до разсмотрѣнія дѣла въ судѣ гражданскомъ, или если производство по возбужденному дѣлу или приведеніе приговора въ исполненіе были приостановлены по указаннымъ въ законѣ основаніямъ, то время производства въ семъ судѣ или время законной приостановки не засчитывается въ срокъ давности.

Съ отдѣленіемъ Церкви отъ государства Комиссія не сочла возможнымъ ставить уголовное правосудіе въ зависимость отъ духовнаго суда, почему соотвѣтствующее указаніе въ прежней редакціи 69 (71) ст. и исключила изъ означенной статьи.

О прекращеніи дѣла при добровольной уилатѣ денежной пени.

Однимъ членомъ Комиссіи было внесено предложеніе дополнить общую часть Угол. Улож. новой статьею слѣдующаго содержанія: «Виновный освобождается отъ суда и наказанія, если за проступокъ, за который въ законѣ назначена одна денежная пеня, онъ добровольно, до постановленія приговора, внесетъ въ депозитъ Суда, коему дѣло подсудно, сію пеню въ высшемъ размѣрѣ, удовлетворитъ предъявленный гражданскій искъ и уплатитъ судебныя издержки, буде таковыя имѣются.»

Авторъ предложенія указалъ на то, что въ таможенномъ и акцизномъ Уставахъ имѣются аналогичныя поста-

новленія, и находилъ весьма умѣстнымъ преподавать въ общей части Уголовнаго Уложенія общее правило для руководства всѣхъ судебныхъ установленій, какъ это установлено также Голландскимъ кодексомъ.

Съ введеніемъ въ матеріальную часть постановленій объ условномъ осужденіи, внесеніе проектируемой статьи было бы только послѣдовательнымъ.

Большинство Комиссіи находило, что означенное постановленіе представляетъ собою норму процессуальную и его болѣе умѣстно помѣстить въ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства (ст. 16 У. У. С.), при этомъ указывалось на то, это постановленіе имѣетъ практическій смыслъ лишь для Мировыхъ Судовъ, пользующихся уже этимъ правомъ, изображеннымъ въ 52¹ ст. У. У. С., для Окружныхъ же Судовъ оно едва ли будетъ имѣть большое значеніе, ибо дѣла подобнаго рода тамъ рѣдко могутъ встрѣтиться.

70 (72). Помилованіе и прощеніе не зависитъ отъ суда. Оно непосредственно исходитъ отъ Президента государства, отъ котораго зависитъ смягченіе участи осужденнаго свѣше предѣловъ, указанныхъ въ законахъ уголовныхъ, или совершенное его прощеніе.

Общая амнистія зависитъ отъ Сейма.

Ст. 70 (72) Комиссія признала цѣлесообразнымъ редактировать въ томъ смыслѣ, что отъ Президента республики зависитъ смягченіе свѣше предѣловъ, указанныхъ статьею закона, и совершенное сложеніе наказанія, при этомъ Комиссія признала возможнымъ предоставить Президенту это право *ad hoc* по каждому отдѣльному дѣлу опредѣленнаго осужденнаго. Право же **всеобщей амнистіи**, какъ пришее законодательной власти, было отнесено къ компетенціи Сейма, сообразно чему и была измѣнена редакція 70 (72) ст.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О преступныхъ дѣяніяхъ противъ свободы совѣсти и религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ и нарушенія покоя усопшихъ.

При обсужденіи главы II, касающейся религіозныхъ преступленій, Комиссія прежде всего сочла нужнымъ установить объемъ вѣротерпимости, а именно выяснить, всѣ ли вѣроученія въ Латвіи должны въ равной мѣрѣ пользоваться защитой уголовного закона.

Большинство прежней Комиссіи рѣшило защищать всѣ религіи и постановило, въ связи съ требованіями современности, выдвинувшей принципы отдѣленія церкви отъ государства и свободу вѣроисповѣданія, что **центромъ уголовной защиты должно явиться религіозное чувство вѣрующихъ.**

Раздѣляя послѣднее положеніе, Комиссія согласилась съ выводами предшедшей Комиссіи въ томъ смыслѣ, что свобода личности, защищаемая государствомъ, неминуемо требуетъ свободы совѣсти, — свободы исповѣданія и что всякое посягательство на религіозное убѣжденіе и чувства гражданъ не можетъ почитаться уголовно безразличнымъ дѣяніемъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и главѣ второй Уголовнаго Уложенія проектомъ дано въ этой части наименованіе: **«о преступныхъ дѣяніяхъ противъ свободы совѣсти и религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ».** Дѣяніе по этому роду посягательствъ становится преступнымъ лишь при наличіи спеціальнаго умысла — **оскорбить религіозное чувство вѣрующихъ независимо отъ вѣроученія.**

Сущностью такого рода преступленія является 1) **надругательство надъ религіею въ видѣ богохуленія и оскорбленія святыни** и 2) **кошунство въ видѣ оказанія неуваженія къ вѣрѣ.**

Одинъ членъ Комиссіи, признавая принципъ вѣротерпимости и свободу пропаганды, полагалъ, однако, что въ государствѣ могутъ возникнуть такіа вѣроученія, которыя рѣшительно противорѣчатъ основамъ общепринятой морали (напр. секты: скопческая, мормонская и др.), поэтому, по мнѣнію упомянутаго члена Комиссіи, въ главѣ II Уголовнаго Уложенія въ подлежащихъ мѣстахъ, гдѣ упоми-

нается о вѣроисповѣданіи, надлежитъ особо указать о **допустимости** означеннаго вѣроученія въ государствѣ. Лишь такія религіозныя общества, которыя «не запрещены», но «дозволены» государствомъ, могутъ пользоваться защитой уголовного закона.

Обсудивъ всесторонне затронутый вопросъ, Комиссія пришла къ выводу о необходимости защиты не всѣхъ, а лишь **«законно существующихъ въ Латвіи религіозныхъ обществъ»**.

71 (73) *). Виновный въ публичномъ оскорбленіи религіознаго чувства членовъ законно существующаго въ Латвіи религіознаго общества богохуленіемъ, поношеніемъ или издѣвательствомъ въ отношеніи сего религіознаго общества или основъ его вѣроученій, религіозныхъ установленій, обрядовъ или предметовъ религіознаго почитанія (культа) наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ или заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Тому же наказанію подлежитъ виновный въ воспрепятствованіи отправленію богослуженія либо религіознаго обряда законно существующаго въ Латвіи религіознаго общества.

Покушеніе наказуемо.

Переходя къ отдѣльнымъ видамъ религіозныхъ преступленій Комиссія остановилась на вопросѣ о необходимости выдѣленія надругательства надъ религіей въ видѣ богохульства и оскорбленія святыни, какъ особаго вида религіознаго преступления, отличающагося отъ кощунства.

По мнѣнію меньшинства, если признать, что защитой Уголовнаго закона можетъ пользоваться религіозное чувство вѣрующихъ, ибо, какъ сказано въ Св. Писаніи «Богъ поругаемъ не бываетъ» (Посл. Апостола Павла къ Галатамъ Гл. VI, ст. 7), то казалось бы необходимо указать на богохульство, какъ на особый, самый тяжкій видъ религіознаго преступления уже потому, что приходится считаться съ народной психологіей, съ точки зрѣнія коей богохульство представляетъ весьма тяжкое преступленіе.

Въ сравненіи съ этимъ видомъ религіознаго преступления, кощунство, т. е. оказаніе простого неуваженія къ ре-

*) Статьи особенной части въ русскомъ текстѣ редактированы въ духѣ Уголовнаго Уложенія 1903 г., дабы при примѣненіи введенныхъ въ дѣйствіе статей Латвійскаго Уголовнаго Уложенія и остальныхъ неотмѣненныхъ частей Уголовнаго Уложенія 1903 г. на практикѣ не встрѣтилось сомнѣній при толкованіи статей. Въ Латвійскомъ же подлинномъ текстѣ, въ виду требованія, языка, статьи особенной части начинаются не со слова „Виновный“, а по формулѣ: „Кто учинилъ“.

лигіознымъ чувствамъ вѣрующихъ, граничащее съ простой насмѣшкой надъ вѣрованіемъ, — является сравнительно мало важнымъ преступленіемъ.

Большинство же Комиссіи не сочло нужнымъ подраздѣлять въ этомъ отношеніи религіозныя преступленія на два отдѣльных вида, рѣшивъ соотвѣтственно проекту Германскаго Уложенія ограничиться одною статьею, въ коей бы указывалось общимъ образомъ кара за богохуленіе, поношеніе или издѣвательство въ отношеніи законно существующаго въ Государствѣ религіознаго общества, основъ его вѣроученія, религіозныхъ установленій, обрядовъ и предметовъ религіознаго чествованія. При этомъ непремѣннымъ условіемъ наказуемости описаннаго преступнаго дѣянія является **публичность** его.

По этому поводу одинъ членъ Комиссіи, поддерживая выводы отдѣльнаго мнѣнія предшедшей Комиссіи (см. стр. 17—20, 23—27 объясн. зап. къ работамъ по пересмотру Угол. Улож. 1903 г., г. Рига 1921 г.), возражалъ противъ установленія (въ I части этой статьи) наказуемости исключительно «публичнаго» оскорбленія религіознаго чувства, находя, что оскорбленіе этого чувства и **въ тѣсномъ кругу** подлежитъ наказанію; въ послѣднемъ случаѣ можно установить лишь болѣе легкое наказаніе, напр. арестъ. Въ частности тотъ же членъ Комиссіи полагалъ, что слишкомъ неопредѣленнымъ представляется слово «богохульство» безъ законнаго разъясненія этого термина.

Что же касается термина «издѣвательство», то тотъ же Членъ Комиссіи, находя, что «издѣвательство» предполагаетъ длящееся умышленное дѣйствіе виновнаго, близкое къ поношенію, полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ упомянуть въ статьѣ о **насмѣнкѣ**, которая носить легкомысленный характеръ. Такимъ образомъ **поношеніе и насмѣшка** обнимутъ большую гамму религіозныхъ преступленій, чѣмъ поношеніе и близкое къ нему издѣвательство.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если оскорбленіе святъ-го святихъ отдѣльнаго лица представляется преступнымъ, то тѣмъ болѣе является незаконнымъ оскорбленіе цѣлаго коллектива лицъ—собранія вѣрующихъ путемъ воспрепятствованія отправленія богослуженія. Демократическіе принципы, берущіе подъ защиту широкіе круги населенія, заставляютъ особенно строго относиться къ оскорбленію общественныхъ группъ. Поэтому богохульство въ такихъ мѣстахъ, какъ церковь, молитвенный домъ и т. д., гдѣ граждане собираются съ особо опредѣленной религіозной цѣлью, должно найти особое мѣсто и въ уголовномъ законѣ.

Преслѣдуя строго такое неуваженіе чувства другихъ лицъ, Комиссія нашла, что этимъ самымъ въ общественности будутъ поддержаны принципы нѣкоторой духовной дисциплины, безъ которой немыслима надлежащая устой-

чивость гражданственности, нетерпящая проявления безудержной разнузданности нравовъ.

По поводу редакціи 2 ч. 71 (73) ст. одинъ членъ Комиссіи нашель, что терминъ «богослуженіе» не охватываетъ религіозныхъ служеній всѣхъ религій, являясь общепринятымъ терминомъ лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ религій, поэтому въ статьѣ слѣдовало бы установить, вмѣсто принятаго большинствомъ, болѣе общій терминъ **«религіозное служеніе»**. Однако большинство Комиссіи нашло, что добавленіемъ словъ «религіозный обрядъ» дается возможность подвести подъ эту статью религіозныя служенія всѣхъ религій.

Далѣе въ Комиссіи возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли по примѣру проекта Германскаго Уголовнаго Уложенія оговорить въ законѣ особо о воспрепятствованіи совершенія похороннаго обряда въ томъ числѣ и гражданскихъ похоронъ. Въ этомъ отношеніи Комиссія нашла, что такая особая статья создала бы лишь излишнюю казуистичность; эта статья съ одной стороны повторяла бы положеніе 71 (73) статьи, а съ другой стороны — статьи 262, ограждающей общественное спокойствіе, между прочимъ во время погребальнаго шествія. Если въ этой послѣдней статьѣ упомянуть еще о **«погребальномъ обрядѣ»**, то подъ нее можно было бы подвести случаи воспрепятствованія совершенію **гражданскихъ похоронъ** въ то время, какъ подобное же воспрепятствованіе совершенію **религіозныхъ похоронныхъ обрядовъ** подойдетъ подъ 71 (73) статью.

72. Преподаватель, виновный въ непубличномъ издѣвательствѣ, во время преподаванія надъ законно существующимъ въ Латвіи религіознымъ обществомъ, основами его вѣроученія, религіозными установленіями, обрядами или предметами религіознаго почитанія наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Означенная статья явилась послѣдствіемъ выдвинутаго вопроса о наказуемости богохульства и кощунства «въ тѣсномъ кругу». Отвергнувъ въ видѣ общаго правила наказуемость богохульства и кощунства въ тѣсномъ кругу, Комиссія сочла возможнымъ выдѣлить частный случай издѣательства въ школѣ. Въ данномъ случаѣ въ заботахъ объ охранѣ учащейся юности Комиссія, имѣя въ виду несложившійся характеръ учащихся, высшую степень ихъ воспримчивости и впечатлительности, признала нужнымъ отмѣтить въ специальной статьѣ кару за издѣательство надъ законно существующимъ въ Латвіи религіознымъ обществомъ, основами его вѣроученія, религіозными установленіями, обрядами или предметами религіознаго почитанія. Первоначальное предположеніе, о распространеніи статьи

только на законоучителей, при дальнѣйшемъ обсужденіи получило видоизмѣненіе въ смыслѣ распространенія дѣйствія статьи на всякихъ учителей вообще и безъ указанія на характеръ учебныхъ заведеній. Противъ ограниченія общаго термина Комиссія высказалась на томъ основаніи, что если установить, что означенное постановленіе имѣетъ въ виду лишь учителей начальной и средней школы, то можно придти къ весьма нежелательному выводу, — что подобное дѣяніе не запрещается преподавателямъ высшей школы.

Въ Комиссіи высказывалась мысль, что, если статью 72 проекта наказывается издѣвательство надъ религіей въ школѣ, то тѣмъ паче необходимо упомянуть о наказуемости указанныхъ въ 71 ст. богохульства и поношенія религіи, какъ болѣе тяжкихъ видовъ религіозныхъ преступленій, ибо получается то положеніе, что меньшее преступленіе облагается наказаніемъ, тогда какъ болѣе тяжкое не преслѣдуется закономъ. Однако, большинство Комиссіи полагало, что отъ преподавателя, какъ культурнаго члена Общества, невозможно ожидать грубыхъ эксцессовъ богохульства и поношенія, и лишь въ крайности допустимо предположеніе о возможности неумѣстнаго иронизированія надъ религіей въ видѣ издѣвательства, какъ то было отмѣчено на практикѣ.

73 (75). Виновный въ шумѣ или иномъ безпорядкѣ, мѣшающемъ отправленію богослуженія или религіознаго обряда законно существующаго въ Латвіи религіознаго общества, а равно въ совершеніи безчинства въ мѣстѣ, для богослуженія либо совершенія религіознаго обряда предназначенномъ, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ или арестомъ.

Если 4 ч. 75 ст. Угол. Улож. 1903 г. преслѣдовала умысленный перерывъ религіознаго служенія, то 73 (75) ст. проекта предусматриваетъ вообще всякій крикъ и шумъ или иной безпорядокъ, мѣшающій отправленію богослуженія или религіознаго обряда, хотя бы виновный и не имѣлъ въ виду специальной цѣли оскорбленія религіозныхъ чувствъ и относился безразлично къ послѣдствіямъ чинимаго безпорядка. И въ отношеніи этой статьи одинъ членъ полагалъ цѣлесообразнѣе употребленіе обобщающаго термина **религіозное служеніе** вмѣсто богослуженія и религіознаго обряда. Комиссія сочла нужнымъ исключить какъ излишнее упоминаніе на **непристойность***) крика, шума или иного безпорядка, не согласившись съ мнѣніемъ одного

*) Согласно предположенію составителей Уголовнаго Уложенія 1903 г. упомянутое въ 75 ст. безчинство должно было непременно заключать въ себѣ тотъ элементъ непочтенія къ религіи, о которомъ говорить и ст. 3 уст.

члена, указавшаго на то, что въ церкви могутъ поднять непроизвольный шумъ, напр. такъ наз. кликуши, при продажѣ церковныхъ свѣчей и пр., и что законодатель ввелъ терминъ „непрстойный“ для оттѣненія характера воспрещеннаго шума.

Вопросъ о наказуемости совращенія изъ одного вѣроученія въ другое вызвалъ горячій обмѣнъ мнѣній.

О совращеніи.

Прежняя Комиссія признала, что въ соотношеніи съ правомъ избирать то вѣроученіе, которое признается истиннымъ и, слѣдовательно, съ правомъ свободного перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, стоитъ и право обращенія другихъ въ исповѣдуемое вѣроученіе, т. е. **право пропаганды**. Однако при всей свободѣ послѣдней въ цивилизованномъ государствѣ не можетъ быть допускаемо распространеніе такихъ ученій, которыя несогласны съ основами общепринятой морали, напр. совращеніе въ изувѣрное ученіе, въ скопчество и т. п.

Во всемъ прочемъ, по мнѣнію прежней Комиссіи, пропаганда должна быть въ полной мѣрѣ допустима.

Признавая, что по общему правилу, отсутствіе активной дѣятельности исключаетъ наказуемость совращенія, одинъ членъ Комиссіи считалъ, что есть еще одно основаніе къ ограниченію пропаганды, лежащее въ **ея способахъ**, а именно, недопустимымъ является **принудительное, насильственное или обманное совращеніе**, относящееся ко всѣмъ вѣроученіямъ. Это ограниченіе вытекаетъ изъ принципа защиты **свободы и неприкосновенности личности**, недопускающаго никакихъ насильственныхъ и обманныхъ дѣйствій надъ таковой.

Не слѣдуетъ забывать, что не всѣ религіозные обряды могутъ пройти безслѣдно для обращаемаго въ ту или иную вѣру лица и совершеніе надъ совращаемымъ такого напр. обряда по еврейскому закону, какъ обрѣзаніе, оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ жизни совращаемаго.

Поэтому была высказана мысль объединить статьи 82, 83, 86 и 87 (Угол. Улож. изд. 1903 г.), гласящія о совращеніи въ одну общую статью для всѣхъ вѣроученій въ слѣдующей редакціи:

«Виновный въ томъ, что посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или обмана совратилъ лицо одного вѣроисповѣданія въ другое, наказывается:

Если же такое совращеніе учинено посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, то виновный въ совращеніе наказывается:

предупр. (изд. 1890 г.)“ т. е. выразиться въ совершеніи вообще чего либо, хотя и не подходящаго подъ понятіе оскорбленія святыни, богохуленія или даже кощунства, но не соответствующаго должному почтенію къ святости того мѣста, гдѣ находился виновный, къ религіозному значенію совершаемыхъ передъ ними богослужебныхъ дѣйствій. (Объясн. зап. къ проекту Угол. Улож. т. IV стр. 88).

Что же касается до изувѣрныхъ ученій, то предлагались еще слѣдующія двѣ статьи:

а) «Виновный въ томъ, что посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или обмана, совратилъ лицо въ изувѣрное ученіе, принадлежность къ коему соединена съ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или съ оскотпленіемъ себя или другихъ, или съ явно безнравственными дѣйствіями, наказывается:

Если же такое совращеніе учинено посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, то виновный въ совращеніи наказывается:

б) «Виновный въ оскотпленіи съ согласія на то оскотпляемаго, принадлежащаго къ скопческому ученію или хотя къ нему и не принадлежащаго, но съ цѣлью совращенія въ оное, наказывается:

Если оскотпленіе учинено посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, то виновный въ оскотпленіи наказывается:

Однако, большинство Комиссіи нашло, что хотя указаніе на недопустимость принудительнаго или насильственнаго совращенія въ другое вѣроисповѣданіе, какъ вытекающее изъ принципа защиты свободы совѣсти, заслуживаетъ вниманія, но защита личности обезпечивается достаточно общими законоположеніями объ угрозахъ и насиліи; въ частности ст. 507*) Угол. Уложенія можно было бы расширить настолько, чтобы подъ нее подводить случаи посягательства на свободу совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Противъ этого было высказано возраженіе, что насиліе и принужденіе въ вопросахъ посягательства на свободу религіозной совѣсти, являясь преступленіемъ *suí generis*, должно быть отмѣчено именно въ главѣ «о преступныхъ дѣяніяхъ противъ совѣсти и религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ.»

Природа такого совращенія особая и она проявляется не только въ принужденіи въ тѣсномъ смыслѣ, но и во всякомъ злоупотребленіи властью, обольщеніи и обманѣ.

Если въ 507 статьѣ объединить всякое посягательство на свободу личности въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, получится слишкомъ тяжеловѣсная статья, ибо въ особенной части имѣется еще цѣлый рядъ статей по этому вопросу, которыя пришлось бы имѣть въ виду, такъ напр. от-

*) Здѣсь какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, начиная съ 138 ст., приведена нумеранія Угол. Уложенія 1903 г.

дѣльные виды наказуемой угрозы, насилія и принужденія предусмотрѣны Уголовнымъ Уложеніемъ въ слѣдующихъ главахъ: VI (ст. ст. 145, 146, 148), XIX (ст. ст. 408, 420, 422), XXVII (ст. ст. 515, 516, 522, 526) и XXXII (ст. ст. 589, 590).

На практикѣ могутъ возникнуть такіе случаи насильственного посягательства на свободу религіозной совѣсти, кои затруднительно будетъ подводить подъ статью общаго характера, предусматривающую насильственное посягательство на свободу личности вообще. Казалось бы, что не слѣдуетъ безъ особой надобности сокращать число статей, ибо возможно, что потомъ придется снова вводить исключенныя, когда окажется, что на практикѣ дѣяніе не подходить ни подъ одинъ изъ составовъ оставшихся статей.

Однако большинство Комиссіи нашло, что при отдѣленіи церкви отъ государства должна быть признана свобода пропаганды и насильственное совращеніе изъ одной вѣры въ другую должно быть наказано лишь постольку, поскольку оно представляетъ изъ себя посягательство на свободу личности вообще, и оскотпленіе должно быть наказуемо лишь какъ причиненіе увѣчья.

Поэтому большинство Комиссіи и постановило исключить изъ второй главы ст. ст. 80—96 Угол. Улож. 1903 г. (включительно), вопросъ же объ измѣненіи 507 статьи разрѣшить при обсужденіи главы XXVI-ой «о преступныхъ дѣяніяхъ противъ личной свободы.»

Считая затѣмъ, что согласно мысли гражданскихъ законовъ по основамъ союза семейственного, всякій младенецъ долженъ быть воспитываемъ въ вѣрѣ родителей, одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что, буде одинъ родитель, поручилъ (напримѣръ въ случаѣ долговременнаго отъѣзда) другому, либо опекуну воспитывать своего ребенка по правиламъ своей вѣры, то онъ вправѣ разсчитывать на выполненіе его воли, а потому, нарушившій принятое обязательство родитель или опекунъ подлежитъ отвѣтственности.

Въ данномъ случаѣ государство является защитникомъ семейнаго союза, — этой основы государства, памятуя, что духовное разобщеніе вліяетъ на прочность семейной связи. Сообразно сему упомянутый членъ Комиссіи полагалъ объединить 88 и 89 ст. ст. Угол. Улож. 1903 г. въ одну въ отношеніи всѣхъ вѣроисповѣданій въ слѣдующей редакціи:

«Родитель или опекунъ, обязавшійся воспитывать своего или находящагося подъ его опекою недостижнаго четырнадцати лѣтъ, малолѣтняго, въ правилахъ одного дозволеннаго въ государствѣ вѣроисповѣданія, виновный въ учиненіи надъ малолѣтнимъ религіозныхъ обрядовъ либо таинствъ другого вѣроисповѣданія, наказывается:

— — — — —».

74 (97). Виновный въ самовольномъ учиненіи священнодѣйствія законно существующаго въ Латвіи религіознаго общества, которыя могутъ быть совершаемы только духовнымъ лицомъ сего вѣроисповѣданія, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Большинство Комиссіи нашло необходимымъ исключить прежнее начало этой статьи — «самовольно присвоившій себѣ санъ или званіе духовнаго лица», полагая, что за присвоеніе означенныхъ сана и званія виновный долженъ отвѣчать по 272 статьѣ Угол. Улож. Первоначально Комиссія, имѣя въ виду, что понятія «священнодѣйствія» и «таинства» канонически обособляются, послѣ слова «священнодѣйствія» вставила слова «или таинства», но въ конечномъ выводѣ Комиссія признала эти слова лишними.

75. Проповѣдникъ, виновный въ оскорбленіи религіозныхъ чувствъ членовъ законно существующаго въ Латвіи религіознаго общества, въ церкви или иномъ, предназначенномъ для религіознаго служенія или совершенія религіознаго обряда, мѣстѣ злоупотребленіемъ проповѣдью, ничего общаго съ религіознымъ ученіемъ не имѣющею, наказывается:

заклученіемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Живой обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о наказуемости политической пропаганды въ церкви. Въ Комиссіи высказывалась мысль, что опасно предоставлять духовенству неограниченное право свободы пропаганды, ибо съ увѣренностью можно утверждать, что кандидатура тѣхъ лицъ, за которыя возмется агитировать духовенство, пройдетъ, между тѣмъ въ послѣднемъ случаѣ будетъ имѣть мѣсто уже не свободное проявленіе воли избирателя, а навязываніе духовенствомъ своей воли. Съ этимъ законъ долженъ бороться, дабы духовенство не могло использовать для своихъ цѣлей невѣжество массъ. Большинство Комиссіи не нашло достаточно основаній устанавливать для духовенства такое ограниченіе, ибо, если всякому другому, законно существующему обществу, предоставляется свобода политической пропаганды, то нѣтъ причинъ воспрещать это и церкви, являющейся такимъ же законно существующимъ обществомъ вѣрующихъ.

Въ государствѣ съ провозглашенной свободой пропаганды не должно имѣть мѣста подобному законоположенію.

Духовенство, казалось бы, въ этомъ отношеніи стоитъ на должной высотѣ и нѣтъ основанія опасаться, чтобы оно

обратило церковь въ арену для политическихъ рѣчей тѣмъ болѣе, что существуютъ каноническія правила, ограничивающія просторъ духовенства и ставящія опредѣленные границы для церковной проповѣди, которая, хотя бы и отдаленно, но всегда касается той или другой стороны свѣтской жизни.

Подобная статья можетъ быть лишь поводомъ къ ложнымъ и несправедливымъ доносамъ и неправильнымъ истолкованіямъ рѣчей, напр. пасторовъ.

Только съ точки зрѣнія оскорбленія чувствъ вѣрующихъ такіа проповѣди, заключающія политическую агитацію въ грубой формѣ, а слѣдовательно ничего общаго съ религіознымъ ученіемъ не имѣющія, могли бы быть наказуемыми.

При этомъ Комиссія сочла соотвѣтственнымъ включить такое постановленіе не среди статей, запрещающихъ свободу выборовъ (т. е. среди 84—94, имѣющихъ замѣнить выборный законъ), а въ отдѣлѣ религіозныхъ преступленій въ видѣ защиты религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ.

76 (79). Виновный въ похищеніи или поруганіи дѣйствіемъ умершаго преданнаго или не преданнаго землѣ или совершеніи въ отношеніи умершаго поругающаго его безчинства въ мѣстѣ погребенія наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ или заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Покушеніе наказуемо.

По поводу 78 и 79 ст. Угол. Улож. 1903 г. въ Комиссіи было высказано мнѣніе, что по основамъ общепринятой нравственности, исполненіе чтимой обычно во всякомъ культурномъ государствѣ воли умирающаго, должно находиться подъ охраной уголовного закона, что посему виновныя въ погребеніи лица не по обрядамъ исповѣдуемой имъ вѣры, или иной, по которымъ покойный точно выразилъ при жизни свою волю быть похороненнымъ, если при томъ на виновномъ лежала обязанность такого погребенія и для исполненія такой извѣстной ему воли покойнаго не представлялось особаго затрудненія, — долженъ подлежать соотвѣтствующему наказанію, почему 78 ст. Угол. Уложенія 1903 г. должна быть сообразно сказанному измѣнена.

Поэтому поводу былъ приведенъ случай изъ практики Витебскаго Окружнаго Суда, когда въ началѣ девяностыхъ годовъ опустившійся въ нравственномъ отношеніи сынъ, заколотилъ скончавшагося отца въ ящикъ и зарылъ на свалочномъ мѣстѣ безъ всякаго обряда, вопреки завѣту отца. Такое дѣяніе, въ свое время возмутившее общественные круги, согласно высказанному мнѣнію, не можетъ по-

читаться уголовно ненаказуемымъ и такая кара находится въ согласіи съ постановленіемъ послѣдующей 79 ст. Уголовнаго Уложенія.

Большинство Комиссіи изложенное предложеніе отклонило, а 78 ст. Угол. Улож. 1903 г. вовсе исключило.

При редактированіи 76 (79) ст. Комиссія сочла целесообразнымъ особо подчеркнуть наказуемость **совершенія поругающаго трупъ безчинства на мѣстѣ погребенія.**

Одинъ членъ Комиссіи считалъ умѣстнымъ особо отѣнить учиненіе надъ умершимъ оскорбляющаго нравственность дѣйствія въ видѣ напр. некрофиліи, но большинство считало принятую редакцію обезпечивающею достаточно охрану умершаго.

Считая 76 (79) ст. въ новой ея редакціи особымъ типомъ преступнаго дѣянія, отличнаго отъ прочихъ религіозныхъ преступленій, большинство Комиссіи рѣшило помѣстить эту статью въ концѣ главы второй, прибавивъ къ ея заголовку упоминаніе о «нарушеніи покоя усопшихъ».*)

*) Первоначальный проектъ видоизмѣненнаго согласно съ требованіемъ времени Уголовнаго Уложенія былъ разосланъ заинтересованнымъ вѣдомствамъ для дачи заключенія. Латвійскій Синодъ по этому поводу, раздѣливъ соображенія отдѣльнаго мнѣнія въ предшедшей Комиссіи (см. стр. 23—27 Объясн. Зап. къ раб. по пересмотру Угол. Уложенія 1903 г. изд. Мин. Юст. 1921 г.), нашелъ нижеслѣдующее:

„Въ настоящее время образована при Министерствѣ Юстиціи Особая Комиссія по пересмотру дѣйствующихъ нынѣ „Уголовнаго Уложенія“ въ связи съ требованіями, выдвинутыми современными условіями государственной и общественной жизни. Проектируется также и коренная ломка нормъ уголовного закона, защищающаго дѣянія, направленные противъ религіи и религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ гражданъ въ связи съ проводимымъ въ жизнь принципомъ отдѣленія Церкви отъ Государства.

Уголовный законъ нынѣ согласно дѣйствующему Угол. Уложенію караетъ богохуленіе, кощунство и защищаетъ нарушеніе ограждающихъ вѣру постановленій. Принципъ свободы личности, защищаемый Государствомъ, требуетъ и защиты свободы совѣсти, почему всякое посягательство на религіозное убѣжденіе гражданъ не должно почитаться уголовно безразличнымъ дѣяніемъ, хотя бы Церковь и была отдѣлена отъ государства. Религія — проводникъ нравственныхъ началъ въ жизни государства; отъ уровня нравственности въ жизни народа зависитъ и его благосостояніе, а потому и религіозныя чувства гражданъ во всякомъ случаѣ должны быть защищены закономъ: отмѣна закона, карающаго преступныя дѣянія противъ вѣры, безъ сомнѣнія поведетъ къ колебанію нравственныхъ устоевъ въ общественной жизни. Поэтому должно караться надругательство надъ религіей, т. е. **богохуленіе**, а также обязательно и оказаніе неуваженія къ вѣрѣ, т. е. **кощунство**, ибо въ противномъ случаѣ въ широкихъ слояхъ народа разовьется по отношенію къ Церкви, къ храму самая безудержная разнузданность и хулиганство, чѣмъ постоянно будутъ оскорбляться религіозныя чувства вѣрующихъ и такимъ образомъ нарушится свобода религіозныхъ чувствъ гражданъ.

Конечно подлежатъ защитѣ закона только вѣроученія, отвѣчающія моральнымъ началамъ, и потому признанныя въ государствѣ, въ противоположность ученіямъ, которыя не подлежатъ защитѣ со стороны государства, какъ признанныя не дозволенными, ибо не можетъ быть допущено распространеніе и защита такихъ ученій, какъ напр. хлыстовъ, скопцовъ, хассидовъ.

Каждый гражданинъ, кромѣ того, исходя изъ принципа свободы совѣсти, воленъ избрать себѣ то вѣроученіе, которое онъ признаетъ истиннымъ, въ виду чего должна быть допущена свобода пропаганды дозволенныхъ въ государствѣ вѣроученій. Но и эта пропаганда допустима въ извѣстныхъ пре-

дѣлахъ. Безусловно должно караться всякое принудительное, насильственное совращеніе изъ одной вѣры въ другую, совращеніе путемъ злоупотребленія властью, обольщенія, обмана, принужденія къ совершенію богослуженія или обряда, которые воспрещены или недозволены правилами вѣры, къ которой принадлежит принуждаемый, воспрепятствованіе къ совершенію богослуженій и обрядовъ по правиламъ вѣры, къ коей принадлежит принуждаемый, а также воспрепятствованіе, хотя бы и безъ насилія или наказуемой угрозы, находящемуся въ той или другой зависимости лицу исполнять ту или другую обязанность по установленію дозволеннаго вѣроученія, къ которому означенное лицо принадлежит *). При наличіи ненаказуемости означенныхъ дѣяній попирается въ корнѣ не только принципъ свободы совѣсти, но и принципъ неприкосновенности личности, который не допускаетъ никакого насилія надъ таковой. Должны быть защищены также основы союза семейственного, покоящіяся на томъ, что ребенокъ до извѣстнаго возраста воспитывается въ вѣрѣ его родителей, почему подлежитъ карѣ уголовного закона лицо, которому поручено воспитаніе ребенка. въ случаѣ учиненія надъ малолѣтнимъ обрядовъ или таинствъ другого даже и дозволеннаго вѣроисповѣданія, но и наказуется виновный въ воспрепятствованіи путемъ насилія уже достигшему извѣстнаго извѣстнаго возраста принять желаемое имъ дозволенное въ государствѣ вѣроисповѣданіе.

Наконецъ должна быть охранена уголовнымъ закономъ воля умирающаго лица, въ виду чего должны подлежать наказанію лица, обязанныя предать землѣ усопшаго и неисполнившія сей обязанности согласно требованіямъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежалъ умершій. Судебная практика и жизнь знаетъ такіа нарушенія, которыя глубоко возмущали общественные круги и народныя массы.

Признавая, что на основаніи изложеннаго, указанныя выше дѣянія составляютъ минимумъ дѣяній, которыя должны быть признаны преступными противъ свободы совѣсти и религіи и подлежатъ карѣ со стороны уголовного закона, Синодъ православной церкви въ Латвіи считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить пожеланіе, чтобы для блага народнаго и во имя проведенія въ жизнь принципа свободы совѣсти и религіозныхъ чувствъ гражданъ, были введены въ кодексъ уголовныхъ законовъ страны означенныя въ сей запискѣ положенія, ограждающія религіозныя и такимъ образомъ и нравственныя начала; вмѣстѣ съ тѣмъ Синодъ не можетъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что со всякой отмѣной уголовной нормы необходимо обращаться особливо осмотрительно, такъ какъ въ народныхъ массахъ такіа отмѣны могутъ быть истолкованы, какъ дозволенность ранѣ запрещенныхъ дѣйствій, что можетъ побудить массы къ большей разнузданности въ той сферѣ, которая раньше находилась въ рамкахъ охраны уголовного закона*.

*) Въ предшедшей Комиссіи предлагалась еще одна статья слѣдующаго содержанія: „Лицо одного вѣроисповѣданія, воспрепятствовавшее, хотя и безъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, находящемуся у него въ услуженіи, въ обученіи ремеслу или на работѣ лицу другого дозволеннаго въ государствѣ вѣроисповѣданія исполнить религіозную обязанность своего вѣроисповѣданія или участвовать въ установленномъ симъ вѣроисповѣданіемъ чествованіи воскреснаго или иного праздничнаго дня, наказывается:

денежною пеней не свыше _____ латовъ“.

(См. объясн. зап. къ раб. по пересм. Угол. Улож. 1903 г. изд. 1921 г. стр. 25).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О бунтъ.

Если эволюціонное и революціонное движеніе послѣднихъ 16 лѣтъ въ связи съ послѣдствіями міровой войны кореннымъ образомъ измѣнили социальное и политическое положеніе гражданъ въ государствѣ и отношеніе его къ проявленіямъ государственной власти въ сферѣ уголовной, то это особенно относится къ преступленіямъ государственнымъ. Законоположенія Уголовнаго Уложенія 1903 г., приспособленнаго къ строго монархическому государственному устройству, по даннаго рода дѣяніямъ находятся въ рѣшительномъ несоотвѣтствіи съ укладомъ государства, основаннаго на принципѣ народоправства.

Исходя изъ того соображенія, что государственнымъ строемъ Латвіи является демократическая республика, Комиссія высказалась за исключеніе изъ главы III — 99, 2 ч. 101, 1 п. 4 ч. 102, 103—107 ст. ст. Угол. Улож. 1903 г. въ редакціи сего послѣдняго.

77 (100). Виновный въ насильственномъ измѣненіи существующаго въ Латвіи государственнаго строя, или въ отторженіи отъ Латвіи какой либо ея части, или въ смѣщеніи органовъ Верховной Государственной Власти, или въ лишеніи ихъ возможности осуществлять таковую, наказывается:

заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ безъ срока или на срокъ не ниже *двѣнадцати* лѣтъ.

При обсужденіи 77 (100) ст. Комиссія признала большинствомъ голосовъ упоминаемый въ редакціи Уголовнаго Уложенія 1903 г. терминъ «посягательство» слишкомъ неопредѣленнымъ. По II части этой статьи выходитъ, что одинаково наказуемо, какъ совершеніе указанныхъ преступныхъ дѣяній, такъ и покушеніе на нихъ. Такое приравненіе покушенія къ оконченному дѣянію едва ли правильно. Поэтому Комиссія сочла цѣлесообразнымъ, исключивъ изъ этой статьи терминъ «посягательство», указать открыто въ

болѣ ясной формулировкѣ составъ преступленія, а именно придавъ статьѣ 77 (100) формулу: «Виновный въ **насильственный измѣненіи государственнаго строя** и т. д.».

По этому поводу одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что введенный въ 100 ст. въ редакціи Угол. Улож. 1903 г. терминъ «посягательство» на преступное дѣяніе обнимаетъ собою, какъ и въ прочихъ случаяхъ, **какъ законченное дѣяніе, такъ и покушеніе на него**. Въ данномъ случаѣ особенно удачно было выбрано выраженіе «посягательство», такъ какъ не подчеркивается наказуемость именно оконченнаго дѣянія; такіа преступныя дѣянія, какъ измѣненіе государственнаго строя, отличаются особеннымъ характеромъ. Надо считаться съ юридическою презумпціею о «непрерывности» и «постоянствѣ» бытія государственнаго строя для возможности осуществленія кары за посягательство на ниспроверженіе таковаго. Разъ государственный строй ниспровергнуть, то по принципу «побѣдителей не судятъ», лица, совершившія окончательный государственный переворотъ, захвативъ бразды правленія, будутъ расцѣниваемы какъ герои, а не какъ преступники, и только въ случаѣ неудачи и возвращенія къ власти прежняго правительственнаго строя можетъ быть рѣчь объ уголовной карѣ. Такимъ образомъ въ сущности можно было бы говорить въ отношеніи посягательствъ на ниспроверженіе строя о наказуемости лишь покушенія на такое ниспроверженіе, но конечно особенно подчеркивать въ законѣ ненаказуемость оконченнаго ниспроверженія не умѣстно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отторженіе части территоріи можетъ быть дѣяніемъ законченнымъ. Поэтому обобщающій оба вида виновности глуховыраженный терминъ «посягательство» представляется крайне удачно избраннымъ составителями Угол. Улож. 1903 г. и подлежитъ оставленію въ кодексѣ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если уже исключить изъ 77 (100) ст. терминъ «посягательство», то въ отношеніи ниспроверженія государственнаго строя юридически правильнѣе было бы говорить въ этой статьѣ лишь **о покушеніи на ниспроверженіе** государственнаго строя, ибо указанныя дѣянія по существу, какъ сказано, не могутъ быть наказуемыми при законченности дѣянія. «Предполагаемая Комиссіей редакція 77 (100) статьи представляется неудачной, такъ какъ такая формулировка ея противорѣчитъ общимъ принципамъ государственнаго права, дающаго только дѣйственному государственному организму осуществленіе своей карательной власти и не допускающаго возможности признанія государствомъ отрицанія своего бытія».

Такое построеніе не оказалось бы одинокимъ въ Уголовномъ Уложеніи, ибо 135 ст. изд. 1903 г. упоминаетъ о наказуемости только **покушенія на ниспроверженіе государственнаго строя дружественной иностранной державы**.

Не соглашаясь съ высказанными соображеніями, большинство Комиссіи, придавъ статью 77 (100) формулу: «Виновный въ измѣненіи существующаго въ Латвіи государственнаго строя или въ отторженіи отъ Латвіи какой либо ея части или въ смѣщеніи органовъ Верховной Государственной Власти или въ лишеніи ихъ возможности осуществлять таковую наказывается. . . .», рѣшило вовсе не упоминать особливо о наказуемости покушенія на одно изъ перечисленныхъ въ статьѣ оконченныхъ дѣяній, полагая, что наказуемость въ данномъ случаѣ покушенія достаточно обезпечивается постановленіемъ 47 (49) ст. общей части Угол. Улож., въ силу коей всякое покушеніе на тяжкое преступленіе наказуемо.

78 (101). Виновный въ приготовленіи къ тяжкому преступленію, статьею 77 предусмотрѣнному, наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

79 (102). Виновный въ участіи въ сообществѣ, составившемся для учиненія тяжкаго преступленія, статьею 77 предусмотрѣннаго, наказывается:

заклученіемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не свыше *двѣнадцати* лѣтъ.

Первоначально проектированныя вторыя части 78 (101) и 79 (102) ст., усиливавшія наказанія при условіи **имѣнія виновнымъ въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія**, были въ дальнѣйшемъ исключены какъ излишнія. Проектъ счелъ правильнымъ предоставить полную свободу выбора мѣры наказанія суду по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая сообразно степени опасности посягательства на государственный строй.

80 (103). Виновный въ убійствѣ, въ поврежденіи здоровья или въ лишеніи свободы Президента государства наказывается:

безсрочнымъ или срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

81 (104). Виновный въ оскорбленіи Президента государства или въ насильственномъ дѣйствіи, нарушившемъ тѣлесную неприкосновенность Президента, съ цѣлью оказать неуваженіе Государственной Власти, наказывается:

заклученіемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Вопросъ объ отвѣтственности за посягательства на личность Носителя Верховной Власти остановилъ вниманіе

Комиссіи въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ въ томъ отношеніи, слѣдуетъ ли особо оговорить о такого рода посягательствахъ въ главѣ III или же для охраны личности представителя верховной власти въ республикѣ можетъ быть признано достаточнымъ лишь усиленіе наказанія за такого рода преступленіе въ сравненіи съ такимъ же преступленіемъ противъ каждаго другого лица, причемъ достаточною являлась бы статья общаго, а не спеціальнаго характера; во вторыхъ, при отнесеніи такого рода посягательствъ къ разряду преступленій государственныхъ — въ отношеніи мѣста, которое должны занимать подлежащія статьи въ Главѣ III.

Съ одной стороны Комиссія имѣла въ виду, что, хотя 99 и 103 статьи Угол. Уложенія 1903 г. и помѣщены въ главѣ III, описывающей и карающей преступленія противъ Верховной Власти, но смыслъ и текстъ обѣихъ статей совершенно выдѣляютъ ихъ изъ ряда другихъ, такъ какъ дѣйствія, ими предусмотрѣнныя, являются преступными не только въ объективномъ, но и въ субъективномъ смыслѣ. Ст. 99 устанавливаетъ тягчайшее изъ наказаній — смертную казнь за посягательство на жизнь и неприкосновенность не только Главы Россійскаго государства, т. е. императора, но и жены и матери его, а также старшаго сына, являющагося наслѣдникомъ престола. Всѣ эти лица отнюдь не являются носителями Верховной Власти, связаны съ главою государства признакомъ, пріемлемымъ и допустимымъ лишь въ абсолютныхъ монархіяхъ, именно божественнымъ происхожденіемъ Верховной Власти, сообщающимъ и личностямъ какъ монарха, такъ и нѣкоторымъ членамъ его семьи характеръ священной неприкосновенности. Тотъ же отпечатокъ религіозно мистическаго построенія носить и ст. 103. Въ государствахъ демократическихъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и Латвія, подобное истолкованіе существа происхожденія Верховной Власти немыслимо и обладателемъ таковой является весь народъ, осуществляющій функціи ея черезъ избранныхъ имъ лицъ. Въ странахъ, въ которыхъ, согласно дѣйствующей конституціи, физическимъ главою государства является Президентъ, послѣдній на время своего пребыванія въ званіи также совершенно лишенъ ореола религіознаго характера, какъ и всякій другой гражданинъ, выдѣляясь среди прочихъ лишь своимъ правовымъ положеніемъ. Но, какъ бы это положеніе ни было высоко, прерогативы его не переходятъ одновременно на членовъ его семьи и могутъ лишь служить основаніемъ для усиленной охраны его личной неприкосновенности, какъ представителя Верховной Власти всего народа.

Съ другой стороны Комиссія приняла во вниманіе, что, кто бы ни былъ Носитель Державной Власти въ народоправномъ государствѣ, онъ, какъ избранникъ народа и представитель народной воли, какъ внутри, такъ и внѣ родины,

долженъ находиться подъ особой защитой уголовного закона.

Силою обстоятельствъ такой Носитель Верховной Власти легко можетъ стать объектомъ политическихъ страстей, направленныхъ именно противъ Верховной Государственной Власти въ сферѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Такое посягательство, могущее повлечь за собою измѣненіе государственнаго строя, потрясти основы самого государства и причинить неисчислимыя бѣдствія странѣ, не можетъ разсматриваться, какъ простое посягательство на должностное лицо тѣмъ болѣе, что такого рода посягательство является вызовомъ, брошеннымъ всему народу въ лицѣ его избранника. Поэтому достоинство народа и соображенія высшаго государственнаго порядка требуютъ особаго огражденія личности Носителя Верховной Власти страны, путемъ созданія особой уголовной нормы, ограждающей его жизнь, здоровье, свободу и честь. При этомъ, такъ какъ въ народоправномъ государствѣ въ отличіе отъ монархическаго, въ лицѣ главы государства не воплощается само государство и государственная власть принадлежитъ самому народу, то казалось бы правильнымъ статью, карающую за посягательство на Носителя Верховной Государственной Власти помѣстить послѣ статей, предусматривающихъ преступныя дѣянія, направленные противъ самой Верховной Власти.

Соотвѣтственно сказанному, Комиссія ввела въ Угол. Улож. 80 и 81 ст. ст. съ карой по первой — «посягательства на жизнь, здоровье, свободу Носителя Верховной Государственной Власти въ Латвіи Президента республики», и по второй — «оскорбленіе и насильственное дѣйствіе, нарушившее тѣлесную неприкосновенность въ отношеніи Носителя той же власти, именно, съ цѣлью оказать неуваженіе государственной власти.»

Правильность введенія въ Угол. Улож. проектированныхъ статей подсказывается тѣмъ соображеніемъ, что въ 77 ст. проекта упоминается объ органахъ Верховной Власти, равно какъ въ 111 и въ 117 ст. ст. проекта равномѣрно о Носителѣ Верховной Власти. Кромѣ сего въ отдѣлѣ государственныхъ преступленій проектируется уголовная норма объ оскорбленіи представителей дружественныхъ державъ, а именно въ Главѣ VIII «о преступныхъ дѣяніяхъ противъ иностранныхъ государствъ».

По мнѣнію одного члена Комиссіи о посягательствѣ вообще на тѣлесную неприкосновенность личности Представителя Верховной Государственной Власти слѣдовало бы упомянуть въ 80 ст., какъ нѣкогда была конструирована 99 ст. Угол. Улож. 1903 г.; статью же 81, въ силу послѣдовательности необходимо было бы, по мнѣнію двухъ членовъ, добавить еще указаніемъ на наказуемость произнесенія угрозъ въ отношеніи Носителя той же власти. При этомъ, по мнѣнію одного члена Комиссіи, слѣдовало бы особенно

оговорить о наказуемости произнесения такихъ угрозъ и причиненія оскорбленія **«хотя бы заочно.»**

Въ частности умѣстность проектируемой въ этомъ смыслѣ 81 ст. состоитъ въ томъ, что позволяетъ карать не только произнесеніе оскорбительныхъ словъ, но также печатное оскорбленіе, напр. помѣщеніе въ заграничной газетѣ подданнымъ оскорбительной статьи, быть можетъ лично неизвѣстной Носителю Верховной Власти, но направленной къ дискредитированію этой власти. Преступленія подобнаго рода представляютъ собою дѣянія «*suī generis*» и должны быть выдѣлены особо. Тѣмъ болѣе, что конструкція наказуемости такого оскорбленія рѣшительно не сходится съ общими принципами оскорбленія, упоминаемаго въ главѣ XXVIII. Въ данномъ случаѣ должно быть наказуемо именно и **заочное** оскорбленіе, а возбужденіе преслѣдованія, какъ противъ государственнаго преступленія, должно исходить отъ государственной власти, а не зависѣть отъ воли оскорбленнаго лица.*)

Комиссія однако нашла, что особо должны быть выдѣлены лишь могущія внести большое потрясеніе въ государствѣ посягательства на жизнь, здоровье, свободу, тѣлесную неприкосновенности главы государства, а также личное оскорбленіе Президента Республики; угрозы же въ отношеніи его слѣдовало бы лучше всего оговорить въ отдѣлѣ объ угрозахъ какъ преступныя дѣянія общаго характера, квалифицируемыя особо по объекту.

Защита личности главы государства, по мысли Комиссіи достаточно обезпечивается проектируемыми ею статьями тѣмъ болѣе, что 117 (128) ст. Угол. Улож. предполагаетъ наказуемость всякаго **хотя бы заочнаго** поношенія личности Президента Республики публично, либо въ печати.

*) 81 ст. по проекту отдѣльнаго мнѣнія:

«Виновный въ оскорбленіи Носителя Верховной Государственной Власти въ Латвіи или угрозъ ему или надругательствъ надъ его изображеніемъ, учиненныхъ хотя бы заочно, или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, для достоинства Носителя Верховной Власти оскорбительныхъ, наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Если же заочная угроза или надругательство или оскорбленіе учинены по неразумію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія, то виновный наказывается:

арестомъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О воспрепятствованіи дѣятельности законодательнаго установленія.

Основаніемъ къ постановленіямъ главы IV и послѣдующей V гл. послужилъ принятый 4 апр. 1922 г. Учредительнымъ Собраніемъ Латвіи законъ «о наказаніи за нарушеніе свободы и правильности народнаго голосованія, выборовъ въ учрежденія самоуправленія и законодательное установленіе, а также за воспрепятствованіе дѣятельности послѣдняго» (Vald. Vēstnesis 16 мая 1922 г. № 108).

Въ свою очередь законъ 4 апрѣля 1922 г. имѣлъ своимъ первоисточникомъ законъ 8 марта 1906 г., включенный въ 328¹—328⁹ ст. Улож. о Нак. по прод. 1912 г.

Законъ этотъ Комиссія сочла правильнымъ разбить на двѣ главы — четвертую: «о воспрепятствованіи дѣятельности законодательнаго установленія» и пятую — «о нарушеніи свободы и правильности выборовъ въ законодательное установленіе и въ учрежденія самоуправленія, а также народнаго голосованія.»

82 (328⁹). Виновный въ воспрепятствованіи занятіямъ законодательнаго установленія наказуемой угрозою или насиліемъ надъ личностью, поврежденіемъ помѣщенія сего установленія, или инымъ способомъ, если не подлежитъ за совершенное дѣяніе болѣе строгому наказанію, наказывается;

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Если сіе дѣяніе учинено нѣсколькими вооруженными лицами, то виновный наказывается:

заклученіемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не свѣще *десяти* лѣтъ.

Подъ „инымъ способомъ“ Комиссія разумѣла такого рода дѣйствія, какъ напр. искусственное зараженіе въ помѣщеніи законодательнаго установленія воздуха, порчу устройства освѣщенія и т. п.

83 (328⁸). Виновный въ недопущеніи наказуемыми угрозами или насиліемъ надъ личностью или злоупотребленіемъ властью, члена законодательнаго установленія къ исполненію обязанностей сего званія, наказывается;

заклученіемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

*) Нумерация 328¹ — 328⁹ ст. Улож. о нак. по прод. 1912 г. (См. гл. IV и V).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О нарушении свободы и правильности выборовъ въ законодательное установленіе и въ учрежденія самоуправленія, а также народнаго голосованія.

84 (328¹). Виновный въ воспрепятствованіи избирателю или голосующему наказуемой угрозою, насиліемъ надъ личностью, обманомъ или злоупотребленіемъ властью свободно осуществлять право выборовъ или народнаго голосованія, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *шести* мѣсяцевъ.

Если сіе дѣяніе учинено нѣсколькими лицами или же служащимъ въ правительственномъ установленіи или органѣ самоуправленія при исполненіи служебныхъ обязанностей по наблюденію за правильностью выборовъ или народнаго голосованія или по руководству таковыхъ, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Сверхъ сего, если виновный принадлежитъ къ числу лицъ, пользующихся правами государственной службы, и преступное дѣяніе учинено имъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, суду предоставляется присоединить къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ удаленіе отъ должности.

Въ I части 84 ст., по образцу Германскаго Угол. Улож., Комиссія вставила слово «обманомъ», засимъ, въ цѣляхъ согласованія редакціи этой части статьи со II частью ея и съ заглавіемъ означеннаго закона, въ силу котораго отвѣтственность устанавливается за нарушеніе свободы и правильности «народнаго голосованія», — въ этой статьѣ передъ словомъ голосованія вставлено «народнаго.»

По мнѣнію одного члена Комиссіи едва ли правильно было редактировать законъ для всякихъ выборовъ безъ указанія куда именно.

Въ главѣ V указаніе на выборы въ органы самоуправленія неумѣстно. Въ этой главѣ слѣдовало бы говорить лишь о выборахъ въ законодательное установленіе.

Законъ 8 марта 1906 г., легшій въ основаніе настоящаго проекта, былъ направленъ противъ посягательства противъ осуществленія избирательныхъ правъ, требующихъ безъ всякаго сомнѣнія особой уголовной охраны, а именно въ защиту **выборовъ въ законодательное установленіе**. Вычеркнувъ указаніе на это обстоятельство и приравнявъ выборы въ высшее государственное установленіе къ другимъ выборамъ, составители проекта не приняли во вниманіе, что въ Уголовномъ Уложеніи имѣются спеціальныя законоположенія по защитѣ общественныхъ правъ по участію въ мѣстномъ самоуправленіи, напр. 150 ст. Угол. Улож.

Насколько закону 8 марта 1906 г. придавалось исключительное значеніе, видно изъ меморіи Госуд. Совѣта къ этому закону. Уже Н. С. Таганцевъ полагалъ необходимымъ отнести означенный законъ къ преступленіямъ **противъ правленія**, а не **противъ управленія**, какъ сдѣлано это въ Улож. о Нак., гдѣ этотъ законъ включенъ въ раздѣлъ IV Улож. о Нак. «о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія» (ст. 328¹—328⁹).

При указанныхъ данныхъ въ связи съ выработаннымъ проектомъ конституціи можно было бы говорить лишь объ исключеніи упоминанія о «**выборщикѣ**».

Далѣе, по мнѣнію того же члена, едва ли правильно было выключать изъ текста статьи ссылку на **отлученіе отъ общенія**, какъ на условіе, могущее повліять на свободное волеизъявленіе своихъ выборныхъ правъ.

Практика показываетъ, насколько тягостную обстановку создаетъ такое отлученіе отъ товарищеской среды, напр. на многочленной фабричѣ, вѣнше выражающееся въ неподаніи руки, въ бойкотированіи и т. д. Поэтому казалось бы предпочтительной является редакція этой статьи и послѣдующихъ статей по проекту предшедшей Комиссіи (ст. 155¹ и слѣд. стр. 51 объясн. зап. изд. 1921 г.).

Во 2 части 84 ст. проекта — въ редакціонномъ отношеніи Комиссія сочла правильнымъ замѣнить слова «служащими правительственныхъ учреждений» словами «служащимъ въ правительственномъ учрежденіи».

Въ 3 части 84 ст. — вмѣсто выраженія «увольненіе со службы» Комиссія сочла нужнымъ вставить формулу: «удаленіе отъ должности», полагая, что нѣтъ основанія виновныхъ по 84 ст. Угол. Улож. вовсе увольнять со службы.

85. Виновный въ воспрепятствованіи избирателю или голосующему осуществлять право выборовъ или народнаго голосованія перерывомъ средствъ сношенія

или смутю, если за содѣянное не угрожаетъ болѣе тяжкое наказаніе, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Покушеніе наказуемо.

При обсужденіи 2 ст. закона 16 мая 1922 г. одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что эта статья внесетъ излишнюю казуистичность въ Угол. Улож. Порча путей сообщенія и смута составляютъ преступныя дѣянія «*sui generis*»; они имѣютъ свою классификацію; для перваго рода преступныхъ дѣяній, въ Угол. Улож. имѣются отдѣльныя статьи напр. 549, 557, 558, о втораго рода преступленіяхъ трактуетъ особая глава VI «о преступныхъ дѣяніяхъ противъ государственнаго спокойствія», составлявшая часть бывшей V главы «о смутѣ». Поэтому едва ли слѣдуетъ особо вводить ст. 85 въ редакціи законопроекта.

Если представляется необходимымъ повысить репрессию, то для этого нѣтъ надобности увеличивать казуистичность Угол. Улож. путемъ введенія новой статьи въ видѣ частнаго случая.

Если же Комиссія всетаки находитъ необходимымъ оставленіе этой статьи, то въ ней слѣдовало бы точнѣе указать, какія именно средства сообщенія здѣсь имѣются въ виду и казалось бы слѣдовало упомянуть о **средствахъ сношенія**, напр. о телефонѣ, телеграфѣ и т. п. сооруженияхъ.

Комиссія, признавъ необходимымъ ст. 85, согласилась; что формулой «перерывомъ средства сношенія» обезпечивается необходимая полнота и ясность закона. Это выраженіе можетъ быть толкуемо въ самомъ широкомъ смыслѣ; сюда подойдутъ порча всякихъ средствъ сообщенія, какъ то, путей сообщенія, средствъ телефоннаго и телеграфнаго пользованія и т. п.

Подъ «смутю» Комиссія понимала «преступныя дѣянія противъ государственнаго спокойствія».

При этомъ имѣя въ виду другія постановленія Угол. Улож. относительно порчи путей сообщенія и смуты — Комиссія рѣшила присоединить къ санкціи этой статьи оговорку — «если за содѣянное не угрожаетъ болѣе тяжкое наказаніе.»

Засимъ въ Комиссіи возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли по примѣру закона 8 марта 1906 г. (328² ст. Улож. о Нак. по прод. 1912 г.) и проекта предшедшей Комиссіи (ст. 155^{2*}) ввести въ Угол. Улож. особую статью о **бойкотированіи выборовъ**. Какъ то видно изъ меморіи Россійскаго Государственнаго Совѣта къ закону 8 марта 1906 г. Гос.

*) 155². Виновный въ возбужденіи къ противодѣйствию выборамъ въ законодательное установленіе, или къ массовому воздержанію отъ участія въ сихъ выборахъ, наказывается:

Совѣтъ принялъ во вниманіе, что «суды могутъ встрѣтить существенныя затрудненія при примѣненіи ст. 129 и 130 Угол. Улож. къ случаямъ, предусмотрѣннымъ упомянутой выше статьею, и потому нашелъ болѣе осторожнымъ статью эту (2 ст. закона 8 марта 1906 г.) въ проектѣ сохранить», тѣмъ болѣе, что предусматриваемое сею статьею преступное дѣяніе можетъ быть совершено не только посредствомъ распространенія свѣдѣній и сужденій, но и другими способами.» Большинство Комиссіи сочло при современныхъ условіяхъ жизни означенную статью въ редакціи предшешей Комиссіи излишней.

86 (328³). Виновный въ склоненіи, посредствомъ угощенія, подарка или обѣщанія личной выгоды, избирателя или голосующаго къ избранію себя или другого лица или къ подачѣ при выборахъ голоса въ пользу свою или другого лица или къ воздержанію отъ выборовъ или народнаго голосованія наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *шести* мѣсяцевъ.

Сему же наказанію подвергается и избиратель или голосующій, согласившійся за угощеніе, подарокъ или личную выгоду подать голосъ въ пользу другого лица или воздержаться отъ выборовъ или народнаго голосованія.

Въ статьѣ 86 проекта Комиссія передъ словомъ «голосованія» вставила слово «народнаго», а засимъ текстъ 3-ей статьи закона 16 мая 1922 г. былъ добавленъ 2-ой частью 155³ статьи проекта предшешей Комиссіи, каковая статья въ редакціонномъ отношеніи была согласована съ 1-ой частью 3-ей статьи.

Далѣе Комиссія признала необходимымъ добавить 86 статью указаніемъ на виновность въ склоненіи воздержаться отъ участія въ выборахъ и голосованіи.

87. Виновный въ угощеніи избирателя или голосующаго или въ передачѣ подарка, въ обѣщаніи ему личныхъ выгодъ, съ цѣлью склонить его избрать себя или другое лицо или подавать голосъ въ пользу свою или другого лица или къ воздержанію отъ участія въ выборахъ или народнаго голосованія, наказывается:

арестомъ.

Въ ст. 87 Комиссія сочла нужнымъ упомянуть и о «передачѣ подарка.»

Постановленіе 5 ст. закона 16 мая 1922 г. Комиссія въ измѣненномъ видѣ включила въ отдѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ въ защиту религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ въ видѣ 75 ст. главы II.

88. Виновный въ распространеніи до или въ теченіи выборовъ въ законодательное установленіе или въ органъ самоуправленія ложныхъ свѣдѣній о личности избираемаго или о поведеніи послѣдняго въ частной, общественной, служебной, или профессиональной дѣятельности, съ цѣлью повредить его избранію, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Виновный въ семъ преступномъ дѣяніи кандидатъ или выборный агентъ противной партіи, сверхъ опредѣленнаго въ сей статьѣ наказанія устраняется отъ выборовъ, а буде его избраніе состоялось, исключается изъ установленія, куда былъ избранъ.

По вопросу о необходимости введенія новой статьи, предусматривающей случаи распространенія въ предвыборную компанію позорящихъ доброе имя ложныхъ свѣдѣній о выставленныхъ кандидатахъ съ цѣлью повредить послѣднимъ при выборахъ, Комиссія пришла къ выводу о цѣлесообразности заимствовать аналогичное постановленіе изъ англійскаго законодательства, а именно изъ постановленія англійскаго закона 6 іюля 1895 г., редактировавъ его въ духъ прочихъ постановленій Угол. Улож. Въ виду ссылки на «профессиональную» дѣятельность, Комиссія считала не нужнымъ уже упоминать отдѣльно о **промышленной и торговой дѣятельности**.

89 (328⁴). Виновный въ воспрепятствованіи занятіямъ созваннаго въ цѣляхъ выборовъ или народнаго голосованія собранія или комиссіи по таковымъ, наказуемыми угрозами, насиліемъ надъ личностью, злоупотребленіемъ властью, поврежденіемъ помѣщенія, предназначеннаго для собранія, или инымъ способомъ, если не подлежитъ за совершенное имъ дѣяніе болѣе строгому наказанію, наказывается:

заклученіемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ.

Если же сіе дѣяніе совершено нѣсколькими вооруженными лицами, то виновный наказывается:

заклученіемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Подъ „инымъ способомъ“ Комиссія понимала такія дѣйствія какъ, на примѣръ, искусственное зараженіе въ помѣщеніи, предназначенномъ для собранія, воздуха, порчу освѣщенія и т. п.

90. Виновный въ умышенномъ снятіи, сорваніи, покрытіи, измѣненіи или иномъ поврежденіи открыто выставленныхъ воззваній, извѣщеній, списковъ о выборахъ и о народномъ голосованіи наказывается: арестомъ.

Тому же наказанію подлежитъ виновный въ подстрекательствѣ къ сему проступку.

91 (328⁵). Не имѣющій, использовавшій или утратившій завѣдомо право подачи голоса, виновный въ участіи въ сихъ выборахъ или въ народномъ голосованіи, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* мѣсяцевъ.

Редакція 91 ст. была расширена въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе этой статьи было распространено не только на неимѣющаго или утратившаго право голоса, но и на **использовавшаго** таковое. При такой редакціи оказалась лишней послѣдняя часть статьи первоначальной редакціи, гласившая:

«Сему же наказанію подлежитъ виновный въ участіи въ выборахъ или въ подачѣ при выборахъ голоса въ одномъ и томъ же избирательномъ участкѣ, собраніи или сѣздѣ болѣе одного раза, или въ подачѣ голоса отъ имени другого лица или же въ подачѣ голоса по допускаемому закономъ участію въ выборахъ за другое лицо, при завѣдомомъ отсутствіи на то полномочія.»

Всѣ эти случаи, по мнѣнію Комиссіи, объемлются первой частью 91 ст. въ новой редакціи.

92 (328⁶). Виновный въ злоупотребленіяхъ при отбираніи или счетѣ голосовъ при выборахъ или народномъ голосованіи, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ.

93 (328⁷). Виновный въ похищеніи или въ поврежденіи списковъ избирателей и голосующихъ или избирательныхъ записокъ, записокъ голосованія, протоколовъ, извѣщеній, дѣлъ или производствъ, а также въ подложномъ составленіи таковыхъ или въ распространеніи

подложныхъ избирательныхъ записокъ или списковъ кандидатовъ, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ.

Если означенные списки избирателей или голосующихъ, избирательныя записки или записки голосованія, протоколы, извѣщенія, дѣла или производства похищены или повреждены совмѣстно нѣсколькими вооруженными лицами, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

При обсужденіи 93 статьи, Комиссія признала правильнымъ отнесеніе возможности учиненія преступленія **нѣсколькими вооруженными** лицами лишь къ похищенію и поврежденію выборныхъ документовъ.

Въ этой же статьѣ Комиссія исключила первоначально упоминавшееся указаніе на **умышленность** поврежденія списковъ въ виду постановленія 46 (48) ст. Угол. Улож., дѣлающаго такую оговорку при принятой санкціи статьи излишней, ибо такія преступленія только и наказываются при наличности вины умышленной, а для наказуемости вины неосторожной въ подобныхъ случаяхъ требуется особое въ законѣ указаніе.

94. Въ случаяхъ присужденія по приведеннымъ въ главахъ *четвертой* и *пятой* статьямъ къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, судъ, кромѣ присужденія виновнаго къ сему наказанію, можетъ лишить его избирательныхъ правъ и правъ голосованія на срокъ не свыше *пяти* лѣтъ.

Такъ какъ изложенное въ законѣ 4 апр. 1922 г. пораженіе въ правахъ противорѣчитъ принципу освобожденія отъ пораженія въ правахъ за дѣянія, караемыя арестомъ, т. е. за проступки, то статья 94 была принята Комиссіей въ слѣдующемъ видѣ:

«Въ случаѣ присужденія по приведеннымъ въ главахъ четвертой и пятой статьямъ къ заключенію въ краткосрочной тюрьмѣ, судъ, кромѣ присужденія виновнаго къ наказанію, можетъ лишить его избирательныхъ правъ и правъ голосованія на срокъ не свыше пяти лѣтъ.»

При обсужденіи 94 ст. одинъ членъ Комиссіи находилъ, что проектируемыя постановленія IV и V главъ заключаютъ въ себѣ: 1) посягательства, направленные противъ свободнаго и законномѣрнаго осуществленія избирательныхъ правъ, 2) посягательства, направленные противъ свободы избирательныхъ собраній, 3) посягательства, направленные противъ выборовъ и 4) посягательства, направ-

ленные противъ безпрепятственной дѣятельности законодательнаго установленія.

Проектируемая статьи облагаютъ всѣ эти виды посягательствъ различными наказаніями отъ заключенія въ долгосрочной тюрьмѣ до ареста и едва ли было бы правильнымъ лишать виновныхъ избирательныхъ правъ въ отношеніи всѣхъ исчисленныхъ преступныхъ дѣяній, да еще срокомъ до 5 лѣтъ. Поэтому одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что законъ 8 марта 1906 г. всталъ на болѣе правильный путь, присоединяя въ извѣстныхъ случаяхъ къ наказанію лишеніе избирательнаго права на предстоящихъ **первыхъ послѣ осужденія выборахъ**, когда по наказанію не грозитъ само по себѣ лишеніе въ правахъ, напр. въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ ст. 3 сего закона. (328³ Улож. о Нак. по прод. 1912 г., 155³ ст. первоначальнаго проекта; ср. 86 ст. настоящаго проекта).

Указаніе на пораженіе въ правахъ уже потому излишне, что за преступленія, краемыя долгосрочной тюрьмой, и безъ того грозитъ пораженіе избирательныхъ правъ.

Тотъ же членъ Комиссіи находилъ, что проектируемая глава должна упоминать о давности въ томъ смыслѣ, какъ то изображено въ проектированномъ примѣчаніи къ 68 ст. Угол. Улож. (см. стр. 17 объясн. зап. къ работ. по пересмотру Угол. Улож. 1903 г. изд. 1921 г.), т. е. „должна быть установлена трехмѣсячная давность для преступныхъ дѣяній, указанныхъ въ статьяхъ 84, 86, 87, 91 и 92 настоящаго проекта.

Комиссія нашла однако такое постановленіе излишнимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О государственной измѣнѣ.

Глава о государственной измѣнѣ подверглась значительному измѣненію. Въ основаніе ея приняты не только постановленія Угол. Улож. 1903 г., но и проекта Германскаго Уголовнаго Уложения 1919 г., какъ болѣе обобщившаго отдѣльные виды преступныхъ дѣяній этого рода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Комиссіи было принято во вниманіе, что въ нынѣшнее переходное время не слѣдуетъ производить радикальныхъ измѣненій постановленій Угол. Улож., встрѣчающаяся подчасъ казуистичность коего была подсказана самою жизнью и опытомъ двухъ войнъ, когда многіе частные случаи, касавшіеся угрожающихъ бытію государства приготовленій къ измѣнѣ, пришлось включить въ видѣ особыхъ статей, такъ какъ, согласно общей части Угол. Улож. приготовленія по общему правилу ненаказуемы (48 (50) ст. Угол. Улож.). Казалось крайне опасно брать за основаніе цѣликомъ отдѣльныя постановленія Германскаго проекта, основаннаго на иныхъ началахъ, сообразованныхъ съ установленными обширной германской судебной практикой принципами. Обобщая преступныя дѣянія, можно многое оставить неуловимымъ, создавъ тѣмъ самымъ затрудненія въ нужную минуту практикѣ, для которой казуистическія статьи, подробно разработанныя, даже легче примѣнять. Общія формулы нерѣдко вызываютъ сомнѣнія, устанавливають неединообразную практику; широкій просторъ судьи создаетъ неравномѣрность опредѣленія наказанія въ отношеніи лицъ, учинившихъ то же дѣяніе и составляетъ опредѣлять русло правосудія практикѣ Сената.

95 (108). Латвійскій подданный, виновный въ способствованіи во время войны или непосредственно передъ возникшей войной непріятелю въ его военныхъ или иныхъ враждебныхъ противъ Латвіи дѣйствіяхъ, наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Въ особо важныхъ случаяхъ виновный наказывается:

безсрочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Статья 95 соответствует постановленію 3 ч. 146 ст. проекта Герм. Улож. 1919 г., касающейся **благопріятствованія** непріятелю. Первоначально Комиссія, въ цѣляхъ большаго сокращенія количества отдѣльных статей главы VI, включила въ 95 ст., подобно Герм. проекту, указаніе на **«причиненіе какого либо вреда военному могуществу государства»**, допуская наказуемость такого посягательства не только во время фактической войны, но и въ виду грядущаго непріятеля, но затѣмъ нашла болѣе правильнымъ исключить эту всеобъемлющую формулу въ видахъ болшей систематичности постановленій объ измѣнѣ. При подробномъ обсужденіи ст. 95 Комиссія признала правильнымъ карать этой статьею способствованіе непріятелю **во время войны или непосредственно передъ возникшей войной**, отнеся такое способствованіе въ мирное время къ спеціальнымъ статьямъ.

Вторая часть 108 ст. Угол. Улож., изд. 1903 г., заключающая перечень важнѣйшихъ случаевъ способствованія непріятелю замѣнена была, согласно мнѣнію большинства Комиссіи, общей формулой «въ особо важныхъ случаяхъ.»

Таковыми случаями являются:

1) преданіе непріятелю или покушеніе на преданіе ему арміи или флота, отряда войска, отдѣльной части или команды, укрѣпленнаго мѣста, военнаго порта, или военнаго судна или лишеніе ихъ возможности защиты отъ непріятеля;

2) склоненіе или подговоръ отряда войска, отдѣльной части или команды или начальствующаго надъ оными лица къ переходу на сторону непріятеля;

3) насильственное сопротивленіе латвійскимъ военнымъ силамъ или нападеніе на оныя;

4) преданіе въ руки непріятеля начальствующаго арміею, штабомъ, отрядомъ войска, отдѣльною частью или командою, укрѣпленнымъ мѣстомъ, военнымъ портомъ, эскадрою или военнымъ судномъ, или лица, завѣдомо исполняющаго важныя военныя порученія или обязанность;

5) истребленіе складовъ, средствъ нападенія или защиты отъ непріятеля или предметовъ войскового довольствія или приведеніе въ негодность сухопутныхъ или водяныхъ путей сообщенія, или телеграфовъ или телефоновъ, или иныхъ средствъ сношеній различныхъ частей арміи;

6) шпіонство;

7) убійство съ измѣнническою цѣлью.

Одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что упомянутый примѣрный перечень былъ очень полезенъ для руководства Суда. Съ исключеніемъ его центръ тяжести статьи перемѣщается въ объяснительную записку, откуда Судъ можетъ почерпнуть необходимое руководство къ поясненію, что законодатель понималъ подъ важными случаями. Усмотрѣ-

нію Суда не мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о возможности опредѣленія безсрочной каторги.

При обсужденіи ст. 95 проекта, сомнѣніе вызвала необходимость оставленія въ статьѣ термина «благопріятствованія непріятелю». Комиссія, находя этотъ терминъ недостаточно опредѣленнымъ изъ опасенія возможности отождествленія означеннаго «благопріятствованія» съ простымъ изъявленіемъ чувствъ симпатіи къ врагу, что само по себѣ не соотвѣтствовало бы установленной въ 95 ст. тяжкой карѣ, исключила указанный терминъ изъ 95 ст. и возраженію, что благопріятствованіе для его наказуемости должно выразиться въ активныхъ дѣйствіяхъ «споспѣшествованія» врагу, не было придано рѣшающаго значенія для оставленія этого термина.

Что касается до введенной въ дѣйствіе положеніемъ Россійскаго Совѣта Мин. 3 окт. 1916 г. (С. У. 1916 г., ст. 2285), 3 части 108 ст. Угол. Улож. 1903 г., заключающей въ себѣ постановленіе «объ отобраніи въ казну всего имущества осужденнаго», то Комиссія сочла нужнымъ исключить эту часть въ виду признанія въ данномъ случаѣ конфискаціи **несовмѣстимымъ съ достоинствомъ современной государственности средствомъ обогащенія казны.**

Въ Уголовномъ Уложеніи 1903 г. была статья 109, гласившая: «Россійскій подданный, виновный во вступленіи въ войско завѣдомо непріятельское или въ невыбытіи изъ онаго, наказывается: **О помощи оружіемъ.**

безсрочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.»

По поводу этой статьи, соотвѣтствующей особому постановленію 2 ч. 146 ст. проекта Герм. Уложенія, гласящему **о помощи оружіемъ**, въ объяснит. запискѣ къ проекту Угол. Улож., между прочимъ, говорится: «Случаи этого рода выдѣлены въ особую статью въ томъ соображеніи, что, хотя они и связаны съ измѣною общимъ понятіемъ нарушенія вѣрноподданства, измѣны отечеству, но въ то же время между ними существуетъ и различіе, такъ какъ вступленіе въ непріятельскую военную службу можетъ и не заключать въ себѣ непосредственнаго конкретнаго содѣйствія непріятелю», за которое виновный въ семъ отвѣтствуетъ по 108 ст. Угол. Улож., изд. 1903 г.

Большинство Комиссіи нашло, что въ особомъ постановленіи о помощи оружіемъ вовсе нѣтъ надобности, такъ какъ означенный случай всецѣло подходитъ подъ дѣйствіе 95 (108) ст. Угол. Улож.

96 (110). Латвійскій подданный, виновный:

1) въ сношеніяхъ съ иностраннымъ правительствомъ, съ цѣлью вызвать войну или иныя враждебныя дѣйствія противъ Латвіи, или прекращеніе военнаго съ Латвіей союза или уклоненіе отъ заключенія такового;

2) въ обѣщаніи, прежде объявленія войны, иностранному правительству, за себя или за другихъ, содѣйствовать его военнымъ противъ Латвіи дѣйствіямъ, наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Въ особо важныхъ случаяхъ виновный наказывается:

безсрочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Статья 96, соотвѣтствующая постановленію I ч. 146 ст. Германскаго проекта, гласящему о **привлеченіи военной опасности**, въ отношеніи 1 п. редактирована общимъ образомъ въ смыслѣ вступленія въ **сношеніе** съ другимъ государствомъ съ цѣлью вызвать военныя или иныя враждебныя дѣйствія противъ Латвіи. Подъ такого рода сношенія подойдетъ упоминаемое 110 ст. Угол. Улож., изд. 1903 г., **побужденіе** иностраннаго правительства къ военнымъ или инымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Латвіи, и къ прекращенію военнаго союза или къ уклоненію отъ заключенія такого союза.

Къ важному случаю можетъ быть отнесенъ упоминавшійся ранѣе въ послѣдней части 110 ст. частный случай, когда виновный могъ, по своему служебному положенію, знать состояніе военныхъ силъ государства или оказать существенное содѣйствіе иностранному правительству въ случаѣ войны.

97 (III¹). Виновный въ оглашеніи или доставленіи другому лицу безъ надлежащаго уполномочія свѣдѣній, чертежей, плановъ, документовъ или предметовъ завѣдомо для него, виновнаго, долженствующихъ, въ видахъ внѣшней безопасности, сохраняться въ тайнѣ, наказывается:

заклученіемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не свыше *восьми* лѣтъ.

Въ особо важныхъ случаяхъ виновный наказывается срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Ст. 97, соотвѣтствующая 111¹ ст. Угол. Улож. и 145 ст. проекта Герм. Уложенія, гласящей о **предательскомъ оглашеніи тайнъ**, упоминаетъ объ опубликованіи или доставленіи безъ надлежащаго уполномочія другому лицу въ интересахъ иностраннаго государства, исчисленныхъ въ статьѣ тайныхъ свѣдѣній или касающихся обороны страны предметовъ, причемъ подъ «**доставленіемъ**» должно понимать всякое **сообщеніе** или **передачу** означенныхъ свѣдѣній и предметовъ.

Предметы, касающіеся внѣшней безопасности Латвіи, относятся, разумѣется, и до вооруженныхъ ея силъ или оружіей, предназначенныхъ для военной обороны страны.

Къ исчисленнымъ освѣдомительнымъ даннымъ, помимо упомянутыхъ примѣрно въ статьѣ, относятся также: «рисунки либо инья изображенія или описанія латвійскаго укрѣпленнаго мѣста, установленныхъ района либо эспланады онаго, военнаго судна, либо иного сооруженія, предназначеннаго для военной обороны страны, или документовъ, касающихся мобилизаціи и вообще распоряженій на случай войны.»

Равнымъ образомъ подѣйствіе 97 ст. подойдутъ 1) продажа или заявка къ привилегированію въ иностранномъ государствѣ должествующихъ сохраняться въ тайнѣ изобрѣтенія или усовершенствованія, касающихся военной обороны государства или вооруженныхъ его силъ или оружіей, предназначенныхъ для военной обороны страны, и 2) опубликованіе или сообщеніе другому лицу, безъ надлежащаго уполномочія, свѣдѣній, касающихся существа указанныхъ въ первомъ пунктѣ изобрѣтенія или усовершенствованія, а равно и передача самаго предмета изобрѣтенія или усовершенствованія либо его части (т. е. дѣянія, предусмотрѣннаго 111⁴ ст. Угол. Улож. по прод. 1912 г.).

98. Виновный въ оглашеніи или доставленіи указанныхъ въ предыдущей (97) статьѣ свѣдѣній, чертежей, плановъ, документовъ или предметовъ, по неосторожности, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

98 ст. воспроизводитъ отчасти постановленіе I ч. 275^{2*}) ст. Улож. о Нак. въ редакціи закона 20 іюля 1914 г., а равно постановленіе 14 іюля 1917 г. (с. у. 1129) о воспрещеніи оглашенія въ печати безъ предварительнаго просмотра военною цензурою, свѣдѣній, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ,**) упоминая о менѣ важномъ случаѣ **неумышленнаго разглашенія военной тайны**; такое же умышленное разглашеніе предусмотрено 97 ст. настоящаго проекта.

*) I ч. 75² ст. Улож. о Нак. гласила о публичномъ оглашеніи въ рѣчи или докладѣ, а равно и въ распространеніи посредствомъ печати по объявленіи мобилизаціи или во время войны, свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности государства или вооруженныхъ его силъ или сооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны, вопреки состоявшемуся въ установленномъ порядкѣ воспрещенію ихъ оглашенія.

**) Постановленіе Россійскаго Временнаго Правительства 14 Іюля 1917 г. упоминало о наказаніи за разглашеніе свѣдѣній, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ отечественныхъ арміи и флота, а равно о состояніи таковыхъ и о всѣхъ мѣропріятіяхъ военнаго характера, разглашеніе коихъ могло нанести ущербъ интересамъ отечественныхъ и союзныхъ армій и флотовъ, поскольку въ учиненномъ не заключалось признаковъ преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго 108 ст. Угол. Уложенія, изд. 1903 г.

Въ Комиссіи возникло сомнѣніе, слѣдуетъ ли въ главу объ измѣнѣ вводить особую статью, карающую **неосторожное** оглашеніе военныхъ тайнъ. Указывалось на то, что согласно 46 (48) ст. Угол. Улож., тяжкія преступленія, къ каковымъ относится и предусмотрѣнное 97 ст. проекта оглашеніе, подлежатъ наказанію лишь при наличности вины умышленной. Поэтому особо говорить о неосторожности только въ отношеніи одного оглашенія государственныхъ тайнъ, безъ упоминанія о томъ же при прочихъ случаяхъ измѣнническихъ дѣяній, казалось, не слѣдовало бы тѣмъ болѣе, что измѣна, по самому характеру этого преступленія, предполагаетъ обязательно умышленность дѣянія. Высказывалось мнѣніе, о большей умѣстности такого рода постановленія въ специальныхъ отдѣлахъ Уголовнаго Уложенія, какъ напр. въ главѣ о нарушеніи постановленій о надзорѣ за печатью (ср. 3 п. 305 и 307 ст. Угол. Улож., изд. 1903 г.). Однако большинство Комиссіи въ конечномъ выводѣ признала необходимымъ такого рода неосторожность, какъ наиболѣе распространенный видъ таковой, существенно наносящій вредъ военному могуществу государства, — особо упомянуть въ главѣ объ измѣнѣ. При этомъ предлагавшійся, въ цѣляхъ распространенія уголовной кары за неосмотрительное оглашеніе военныхъ тайнъ лишь на печать, болѣе тѣсный терминъ «по недосмотру» былъ замѣненъ болѣе общей формулой, «по неосторожности.»

99 (111). Виновный въ способствованіи правительству или агенту иностраннаго государства въ собираніи означенныхъ въ статьѣ 97 свѣдѣній, плановъ, чертежей, документовъ или предметовъ, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

(111²). Тому же наказанію подлежитъ виновный во вступленіе въ соглашеніе съ правительствомъ или агентомъ иностраннаго государства на совершеніе преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго *первой* частью сей статьи.

Покушеніе наказуемо.

1 ч. 99 ст. соответствуетъ 111 ст. Угол. Улож., изд. 1903 г., а 2 ч. — 111² ст. того же Уложенія.

Вступленіе въ соглашеніе съ иностраннымъ правительствомъ по части оглашенія тайнъ, предусмотрѣннаго 97 ст. настоящаго проекта, Комиссія не сочла нужнымъ особо оговорить въ 2 ч. 99 ст., ибо такое вступленіе въ соглашеніе само по себѣ будетъ, по мнѣнію Комиссіи, наказуемо, какъ покушеніе къ такому оглашенію, всегда караемое въ силу 47 (49) ст. Угол. Улож.

111³ ст. Угол. Улож. изд. 1903 г., по прод. 1912 г. Комиссія сочла цѣлесообразнымъ исключить, какъ касающуюся повышенія лишь наказанія за учиненіе изложенныхъ въ 97 и 99 (111—111²) ст. преступныхъ дѣяній служащаго, а

именно, когда упомянутыя въ сихъ статьяхъ свѣдѣнія или предметы ввѣрены были ему по службѣ, либо онъ имѣлъ возможность получить ихъ или ознакомиться съ ними, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ.

Въ данномъ случаѣ Судъ всегда можетъ принять во вниманіе это отягчающее вину обстоятельство при достаточно широко предоставленномъ ему выборѣ мѣры наказанія.

100. Виновный въ томъ, что, безъ надлежащаго разрѣшенія:

1) (112) собиралъ или изготовлялъ указанныя въ статьѣ 97 свѣдѣнія, чертежи, планы, документы, или предметы;

2) (113) проникъ въ Латвійское укрѣпленное мѣсто, военное судно или иное военное сооруженіе, предназначенное для обороны страны, скрывъ свое имя, родъ занятій или подданство, или посредствомъ иныхъ уловокъ;

3) (113¹) пролеталъ на летательномъ аппаратѣ надъ райономъ, пролетъ надъ коимъ запрещенъ;

4) (112¹) устроилъ приспособленіе беспроводнаго телеграфа,

наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

І п. 100 статьи, соотвѣтствующій 112 ст. Угол. Улож. (по прод. 1912 г.) и 144 ст. проекта Герм. Улож., гласящей о шпионскомъ **вывѣдываніи государственныхъ тайнъ**, предусматриваетъ случаи возможнаго приготовленія подданнаго къ измѣнѣ и относится и до иностраннаго подданнаго. Подъ дѣйствіе І п. 100 ст. подходитъ, между прочимъ, снятіе или составленіе плана, чертежа, рисунка либо иного изображенія или описанія Латвійскаго укрѣпленнаго мѣста, установленныхъ района либо эспланады онаго, военного судна либо иного сооруженія, предназначеннаго для военной обороны страны.

Въ Комиссіи высказывалась мысль о дополненіи перваго пункта 100 ст. проекта упоминаніемъ о **полученіи** свѣдѣній и другихъ указанныхъ въ этой статьѣ предметовъ, но большинство Комиссіи признало достаточнымъ карать **не случайное полученіе, а умышленное собираніе** указанныхъ свѣдѣній и предметовъ.

2 п. 100 ст. воспроизводитъ постановленіе 113 ст. Угол. Улож. 1903 г., карающей проникновеніе безъ надлежащаго разрѣшенія, путемъ сокрытія своего званія, имени или подданства или посредствомъ иныхъ уловокъ въ Латвійское укрѣпленное мѣсто, военное судно или военное сооруженіе, предназначенное для защиты страны.

3 п. 100 ст. соотвѣтствуетъ 113¹ ст. Угол. Улож. по прод. 1912 г., карающей пролетъ, безъ надлежащаго разрѣ-

П. Н. Якоби. Проектъ Латвійскаго Уголовнаго Уложенія. 9

шенія, на летательномъ аппаратѣ надъ латвійскимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ предѣлахъ крѣпостного района, а также надъ районами, пролетѣ надъ коими воспрещенъ подлежащею властью.

При редактированіи 4 пункта 100 ст., Комиссія, взявъ за основаніе 112^а ст. Угол. Улож. по прод. 1912 г., исключила лишь упоминаніе о рѣдкомъ случаѣ содержанія почтовыхъ голубей, ибо если такое содержаніе голубей было учинено съ цѣлью совершенія преступныхъ дѣяній, указанныхъ въ статьяхъ 97 (111^а) и 99 (111), то оно всегда можетъ быть расцѣнено, какъ покушеніе къ симъ дѣяніямъ, въ прочихъ же случаяхъ оно можетъ быть рассматриваемо лишь какъ полицейское нарушеніе.

101 (114). Исполняющій договоръ или порученіе правительства о заготовленіи средствъ нападенія или защиты отъ непріятеля или завѣдывающій ихъ изготовленіемъ, виновный:

1) въ заготовленіи ихъ завѣдомо негодными для употребленія, если сіи средства были предъявлены къ приему или окончены заготовленіемъ;

2) въ промедленіи безъ уважительныхъ къ тому причинъ въ военное время въ исполненіи означеннаго договора или порученія,

наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Если заготовленные средства нападенія или защиты отъ непріятеля были сданы по стачкѣ съ пріемщикомъ или посредствомъ особыхъ для сокрытія негодности сихъ средствъ приспособленій, то виновный наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Симъ же наказаніямъ и на семъ же основаніи подлежитъ служащій, виновный въ допущеніи заготовленія означенныхъ средствъ или въ пріемѣ оныхъ завѣдомо негодными для употребленія.

102 (115). Исполняющій договоръ или порученіе правительства о поставкѣ предметовъ довольствія для войска или его госпиталей, или приказчикъ такого поставщика, виновный:

1) въ сдачѣ завѣдомо вредныхъ для здоровья предметовъ довольствія;

2) въ сдачѣ въ военное время завѣдомо негодныхъ для употребленія означенныхъ въ пунктѣ 1 сей статьи предметовъ;

3) въ промедленіи, безъ уважительныхъ причинъ, въ военное время въ поставкѣ сихъ предметовъ, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Покушеніе наказуемо.

Сему же наказанію подлежитъ служащій, виновный въ допущеніи поставки означенныхъ предметовъ довольствія или въ приѣмѣ оныхъ завѣдомо вредными для здоровья или завѣдомо негодными для употребленія.

Статьи 101 и 102, соотвѣтствующія 147 ст. проекта Германскаго Уголовнаго Уложенія, гласящей о **неисполненіи договоровъ и порученій правительства относительно военныхъ потребностей**, воспроизводятъ постановленія 114 и 115 ст. Угол. Уложенія въ редакціи положенія Россійскаго Совѣта Министровъ 31 января 1916 г. съ тѣмъ лишь отличіемъ, что промедленіе въ исполненіи означенныхъ договоровъ и порученій во всѣхъ случаяхъ карается заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ, почему во второй части 101 ст. о такомъ промедленіи уже не упоминается; кромѣ того наказуемость такого промедленія поставлена въ зависимость отъ другихъ условій, а именно промедленіе должно произойти **въ военное время и безъ уважительныхъ причинъ**.

Что касается указаннаго выше промедленія, то подъ таковымъ Комиссія понимала дѣяніе чисто спекулятивнаго характера: сюда, напр., подойдутъ случаи, когда поставщики, имѣя въ запасѣ извѣстный продуктъ, не сдаютъ его умышленно правительству, выжидая поднятія цѣнъ, относясь съ преступнымъ безразличіемъ къ судьбѣ государства. Отъ такого промедленія можетъ послѣдовать непоправимый вредъ для отечества. Засимъ большинство Комиссіи высказалось за наказуемость сдачи завѣдомо вредныхъ для здоровья предметовъ довольствія для войска и **въ мирное время**. Подъ войскомъ Комиссія понимала дѣйствующую сухопутную армію и флотъ.

При редактированіи 101 и 102 ст. Комиссія имѣла въ виду, что умышленная недоставка войскового довольствія, которое можетъ парализовать средства нападенія и защиты отъ непріятеля во время фактическихъ военныхъ дѣйствій подойдетъ подъ дѣйствіе 95 ст. проекта, если это будетъ сдѣлано съ цѣлью способствованія непріятелю.

103 (116). Уполномоченный Латвіи, виновный въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ заключенію договора съ иностраннымъ правительствомъ завѣдомо во вредъ Латвіи, или дипломатическихъ съ иностраннымъ правительствомъ переговорахъ, клонящихся завѣдомо ко вреду Латвіи, наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Сему же наказанію подлежить состоящій при уполномоченномъ служащій виновный въ сообщеніи ему завѣдомо ложнаго свѣдѣнія или въ иномъ нарушеніи служебныхъ обязанностей, съ цѣлью побудить уполномоченнаго къ дѣйствіямъ, направленнымъ къ заключенію договора съ иностраннымъ правительствомъ завѣдомо во вредъ Латвіи, или къ дипломатическимъ съ иностраннымъ правительствомъ переговорамъ, клонящимся завѣдомо ко вреду Латвіи, если такіе дѣйствія или переговоры послѣдовали.

Ст. 103, соотвѣтствующая 142 ст. проекта Германскаго Уложенія, гласящей о предательской измѣнѣ, сохранена Комиссіей въ редакціи 116 ст. Уголовнаго Уложенія 1903 г.

104 (117). Виновный:

1) въ поврежденіи, сокрытіи, захватѣ или подлогѣ документа, служащаго завѣдомо доказательствомъ права Латвіи по отношенію къ иностранному государству;

2) въ поврежденіи или перемѣщеніи пограничнаго знака или иномъ искаженіи линіи государственной границы въ интересахъ иностраннаго государства, наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Ст. 104, соотвѣтствующая 143 ст. проекта Герм. Угол. Улож., гласящей **о предательскомъ уничтоженіи доказательствъ правъ государства**, осталась въ редакціи 117 ст. Угол. Улож. 1903 г., съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что упоминаніе о цѣли преданія иностранному государству части отечественной территоріи замѣнено болѣе широкимъ выраженіемъ «въ интересахъ иностраннаго государства.» Предложеніе о включеніи въ I п. 104 ст. упоминанія **объ уничтоженіи документа** было большинствомъ Комиссіи, за признаніемъ этой поправки излишней, отвергнуто.

105 (118). Виновный въ участіи въ сообществѣ, составившемся для учиненія государственной измѣны, наказывается:

1) въ случаѣ, если сообщество поставило цѣлью своей дѣятельности учиненіе измѣнническаго дѣянія, за которое въ законѣ опредѣлено наказаніе не ниже заключенія въ каторжной тюрьмѣ — заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ;

2) въ прочихъ случаяхъ — заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

106 (118¹). Участнику противозаконнаго сообщества, предыдущую (105) статью предусмотрѣннаго, донесшему о такомъ сообществѣ прежде обнаруженія существованія онаго, наказаніе смягчается на основаніяхъ, статью 51 установленныхъ, или же онъ можетъ быть вовсе освобожденъ отъ наказанія.

Ст. 105 и 106, гласящія о сообществѣ съ измѣнническою цѣлью и о доносительствѣ о такомъ сообществѣ, остались въ редакціи 118 и 118¹ ст. Угол. Улож. 1903 г. по прод. 1912 г.

107. Дѣйствіе статей 95 — 105 распространяется и на преступныя дѣянія противъ военнаго могущества, воюющаго въ союзѣ съ Латвіей государства.

Ст. 118² Угол. Улож., по прод. 1912 г., Комиссіей, какъ излишняя, исключена, въ виду того, что она гласила лишь о повышеніи наказаній за учиненіе во время войны дѣяній, предусмотрѣнныхъ 111—113¹ и 118 ст. (по прод. 1912 г.). Вмѣсто означенной статьи Комиссія ввела новое обобщенное постановленіе о посягательствѣ на интересы союзныхъ государствъ, причемъ Комиссія полагала цѣлесообразнымъ карать такія посягательства противъ военнаго могущества союзныхъ державъ лишь во время общей, совмѣстно ведомой, войны.

108. Военное выступленіе Латвіи противъ враждебныхъ вооруженныхъ силъ, которыя не могутъ разсматриваться какъ воюющая держава, почитается наравнѣ съ войною.

Ст. 108 соотвѣтствуетъ 148 ст. проекта Герм. Уложения, касающейся военнаго выступленія противъ иррегулярныхъ вооруженныхъ силъ. Условія международной жизни выдвинули на практикѣ возможность вторженія въ предѣлы государства вооруженныхъ бандъ или дѣйствія различныхъ повстанческихъ отрядовъ, всякое способствованіе такимъ вооруженнымъ силамъ, несомнѣнно угрожая цѣлости и благополучію государства, требуетъ такой же самозащиты государства, какъ и во время официально объявленной войны.

109 (119). Иностранецъ за учиненіе, во время пребыванія въ Латвіи, преступнаго дѣянія, статью 95 предусмотрѣннаго, или виновный въ семъ дѣяніи военноплѣнный, если они не подлежатъ отвѣтственности по военнымъ законамъ, наказываются, по силѣ означенной статьи, какъ латвійскіе подданные.

Ст. 109 соотвѣтствуетъ 1 ч. 119 ст. Угол. Улож. 1903 г., по прод. 1912 г. 2 часть означенной статьи, какъ признанная излишней, была большинствомъ Комиссіи исключена.*)

*) 2 ч. 119 ст. Угол. Уложения гласила: „Лицо, оставившее Россійское подданство, но не вступившее въ подданство другой державы или вступившее въ подданство непріятельской державы послѣ объявленія войны или непосредственно передъ тѣмъ, въ виду готовившагося прекращенія мирныхъ отношеній, за учиненіе преступнаго дѣянія, статьями 108—110 предусмотрѣннаго, наказывается по силѣ сихъ статей, какъ Россійскій подданный“.

По этому поводу, между прочимъ, въ объяснительной запискѣ къ проекту редакціонной Комиссіи по составленію Россійскаго Уголовнаго Уложения мы читаемъ: „... Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся тѣ виновныя въ учиненіи измѣнническихъ дѣйствій лица, которыя болѣе или менѣе незадолго предъ тѣмъ оставили Россійское подданство.“

При изданіи уложенія 1845 г. означенный вопросъ не могъ имѣть никакого значенія, такъ какъ наше государственное право не признавало возможности оставленія русскаго подданства и даже считало такое оставленіе подданства уголовно наказуемымъ (ст. 325 ул.). Нынѣ выходъ изъ русскаго подданства сдѣлался не только фактически, но и юридически вполне допустимымъ, а потому и случаи участія бывшихъ Россійскихъ подданныхъ въ непріязненныхъ или измѣнническихъ противу Россіи дѣйствійхъ представляются весьма возможными. Если же притомъ имѣть въ виду, что въ нашихъ западныхъ окраинахъ оказался значительный приливъ иностраннаго населенія; что вслѣдствіе принимаемыхъ въ настоящее время необходимыхъ оградительныхъ мѣръ противъ такого наплыва, многіе переселившіеся и переселяющіеся принимаютъ Россійское подданство; что число такихъ переходовъ въ наше подданство въ будущемъ, какъ можно съ большою вѣроятностью предполагать, будетъ значительно возрастать; что притомъ многія изъ такихъ лицъ прежде отбывали въ государствѣ - родинѣ воинскую повинность и даже во время перечисленія въ наши подданные могли числиться въ воинскомъ запасѣ того государства, то возвращеніе ихъ въ прежнее подданство, и въ особенности пополненіе ими кадровъ непріятельской арміи, можетъ представить серьезную опасность для внѣшней безопасности Россіи. Такая опасность будетъ заключаться не только въ ихъ топографическихъ свѣдѣніяхъ о приграничныхъ мѣстностяхъ, въ знаніи мѣстнаго языка, но, въ особенности, въ ихъ связяхъ съ лицами имъ близкими, не нашедшими, по разнымъ основаніямъ, нужнымъ покинуть Россію одновременно съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое оставленіе подданства въ тяжелую минуту опасности для страны, коей подданство эти лица не затруднялись принять, когда это было для нихъ выгодно, и ихъ переходъ въ ряды непріятелей будетъ служить вполне справедливымъ основаніемъ для примѣненія къ нимъ тяжкихъ наказаній, за измѣну опредѣленныхъ.

Такое сравненіе, при отвѣтственности за измѣну, сихъ лицъ къ Россійскимъ подданнымъ будетъ справедливо только при тѣхъ условіяхъ, когда связь ихъ съ Россією еще не вполне порвалась или когда самое оставленіе ими нашего подданства свидѣтельствовало или давало полное основаніе предполагать наличность ихъ враждебныхъ отношеній къ Россіи уже во время самаго оставленія подданства, а можетъ быть и осуществленіе при семъ ранѣе составленнаго плана. Такими условіями могутъ быть: во 1-хъ оставленіе подданства безъ принятія чужаго подданства; во 2-хъ вступленіе въ подданство иностранной державы, послѣ начала войны съ нею, или хотя и до начала военныхъ съ нею дѣйствій, но въ виду готовящагося разрыва, когда затѣмъ предположенія оставившаго наше подданство оправдались и военныя дѣйствія послѣдовали“. (Объясн. зап., т. II, стр. 104—108)*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О преступныхъ дѣяніяхъ противъ государственнаго спокойствія.

110 (120). Виновный въ томъ, что не оставилъ публичнаго скопища, отъ коего завѣдомо для него потребовано было полицейскою властью, чтобы оно разошлось, наказывается:

арестомъ.

Если для разсѣянія такого скопища была призвана вооруженная сила, то не оставившій онаго послѣ предъявленнаго, въ присутствіи вооруженной силы, требованія разойтись, наказывается:

• заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Участникъ такого скопища, подстрекнувшій къ ослушанію предъявленному требованію разойтись, наказывается:

въ случаѣ, *первою* частью сей статьи указанномъ, — заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ;

въ случаѣ, *второю* частью сей статьи указанномъ, — заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не ниже *шести* мѣсяцевъ.

Редакція 110 ст. является лишь упрощенной старой редакціей 120 ст. Угол. Улож. 1903 г. и не заключаетъ въ себѣ отклоненій по существу отъ таковой. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ соотвѣтствіи съ 49 (51) ст. терминъ «подстрекавшій» замѣненъ словомъ: «подстрекнувшій» (ср. тез. 10 на стр. 199 Комментированнаго Угол. Уложенія 1903 изд. 1922 г.).

111 (121). Виновный въ участіи въ публичномъ скопищѣ, завѣдомо для него собравшемся съ цѣлью поношенія существующаго въ Латвіи государственнаго строя, или личности Президента государства или заявленія сочувствія бунту или измѣнѣ, или лицу, учинившее бунтовщическое, или измѣнническое дѣяніе, или

ученію, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ строя, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Устроившій или подстрекнувшій устроить такое скопище, а также участникъ онаго, имъ руководившій, наказывается:

заклученіемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не ниже *шести* мѣсяцевъ.

Если же для разсѣянія такого скопища была призвана вооруженная сила, то не оставившій онаго, послѣ предъявленнаго, въ присутствіи вооруженной силы, требованія разойтись, наказывается:

заклученіемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Упоминаемое въ 121 ст. въ редакціи Угол. Улож. 1903 г. запрещеніе подъ страхомъ наказанія выраженія **неуваженія Верховной Власти** было признано Комиссіей неприемлемымъ. Такая формулировка, по мнѣнію Комиссіи, допустима лишь для государства съ монархическимъ строемъ, гдѣ понятіе Верховной Власти неразрывно связано съ личностью Монарха, который является одновременно Верховнымъ Главою государственнаго управленія и физическимъ лицомъ, воплощающимъ Верховную Державную Власть. По этой причинѣ всякое посягательство на личность Главы Государства заключаетъ въ себѣ одновременно посягательство на Верховную Власть и, наоборотъ, — всякое посягательство на Верховную Власть немислимо безъ посягательства на какое либо благо физической личности Монарха какъ Носителя Верховной Власти и средоточіе таковой. Совершенно инымъ является понятіе Верховной Власти въ демократической республикѣ, гдѣ Верховная Власть принадлежитъ самому народу, но представителемъ таковой являются облеченныя довѣріемъ народа установленіе или лицо, осуществляющія функціи Верховной Власти.

Посему для уточненія мысли законодателя, Комиссія нашла правильнымъ замѣнить указанную въ 121 ст. Угол. Улож. 1903 г. формулу указаніемъ конкретно на Президента государства. Соответственное измѣненіе должно было быть сдѣлано и въ 128 ст. Угол. Улож. 1903 г.

Далѣе Комиссія сочла необходимымъ замѣнить такіа выраженія какъ неуваженіе и порицаніе болѣе узкимъ терминомъ «поношеніе», отвѣчающимъ болѣе существующему строю. За одно выраженіе неуваженія Президенту карать не представляется возможнымъ. Равнымъ образомъ и порицаніе образа правленія само по себѣ для наказуемости еще не достаточно, но если вообще въ демократическомъ государствѣ, по силѣ признаннаго принципа свободы слова, допускается научная и серьезная критика образа правленія, то, конечно, поношеніе существующаго государственнаго

стройка не можетъ почитаться уголовно безразличнымъ дѣяніемъ, сообразно сему и были измѣнены тексты 121 и 128 ст. Угол. Улож. 1903 г.

Касаясь вопроса о границахъ дозволенной пропаганды, Комиссія пришла къ тому заключенію, что, хотя свобода совѣсти и слова и присущи основнымъ правамъ личности въ демократической странѣ, однако осуществленіе такихъ правъ допустимо лишь по стольку, поскольку оно не угрожаетъ ненарушимости бытія самого государства, его цѣлости и независимости, т. е. его строю. Эта грозящая основамъ государственнаго строя опасность вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы оправдать ограниченіе принципа свободы совѣсти и слова, должна быть дѣйствительною, объективнымъ признакомъ чего является наличность **насильственнаго измѣненія** государственнаго строя. «Въ демократической странѣ, гдѣ принципъ свободы слова и печатнаго и устнаго введенъ, какъ одно изъ главныхъ условій правопорядка, не представляется возможнымъ считать за преступное дѣяніе и подвергать карѣ какое бы то ни было сужденіе, мнѣніе или даже дѣйствіе, имѣющее задачу измѣненіе строя, если только эти дѣйствія или сужденія не сопровождаются однимъ изъ видовъ физическаго или нравственнаго насилія (напр. наказуемою угрозою) по отношенію къ другимъ лицамъ, какъ физическимъ, такъ и юридическимъ. Иначе пришлось бы признать, что всякая критика, неодобреніе или даже обсужденіе несовершенства взаимоотношеній общественныхъ классовъ, хотя бы и имѣющія характеръ научнаго труда, должны являться наказуемыми.

Но если не могутъ быть воспрещены ученія, мирными средствами стремящіяся къ государственному и общественному обновленію, а равнымъ образомъ распространеніе такихъ ученій и ихъ пропаганда, то ученіе, стремящееся къ измѣненію государственнаго строя **насильственными мѣрами**, конечно, не можетъ быть терпимо, почему указаніе на ученіе, стремящееся къ насильственному низверженію въ государствѣ его строя, должно быть сохранено въ текстѣ 121 ст. Угол. Улож. 1903 г.»

При этомъ большинствомъ Комиссіи было принято то положеніе, что упоминаемое въ проектированномъ Комиссіей текстѣ 111 (121) ст. слово «**ниспроверженіе**» уже заключаетъ въ себѣ признакъ **насильственности**, почему и было сочтено излишнимъ прибавленіе къ ниспроверженію слова «насильственнаго», вопреки мнѣнію предшедшей Комиссіи, допускавшей ниспроверженіе строя мирнымъ путемъ.

По поводу упоминанія въ ст. 111 (121) особливо объ **О государственномъ** строѣ возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли вообще противопоставлять **государственному строю общественный строй** и **общественному строю**.

Нѣкоторые члены Комиссіи, принявъ въ соображеніе рѣшенія Общаго Собранія I и Кас. Деп. Россійскаго Сената 1908 года за №№ 5 и 6, въ каковыхъ рѣшеніяхъ подробно разбираются всѣ основанія, приведшія законодателя къ обо-

и общественномъ строѣ.

собленію 102 и 126 ст. ст. Угол. Улож. 1903 г., гласящихъ первая о государственномъ строѣ и вторая объ общественномъ строѣ, не считали правильнымъ объединеніе означенныхъ терминовъ въ одно понятіе по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ связи съ упраздненіемъ обособленнаго понятія общественнаго строя стоитъ и вопросъ объ изыятіи приводимаго въ 126 ст. Угол. Улож. 1903 г., упоминанія о ниспроверженіи существующую въ государствѣ общественнаго строя, благодаря чему въ законодательствѣ можетъ получиться пробѣлъ. Посягательство на **общественный** строй выражается въ ниспровеженіи основъ общественной жизни: а) **религіи**, б) **семейнаго союза**, и в) **собственности**. Несомнѣнно ниспроверженіе исчисленныхъ устоевъ общественнаго строя, на которыхъ зиждется общественное спокойствіе и благосостояніе населенія, колеблеть и подкапываетъ самое бытіе государства, но въ качествѣ смуты является лишь соціальнымъ переворотомъ, подготовкой государственнаго переворота въ будущемъ, нарушая тѣмъ самымъ государственную безопасность (объясн. зап. къ Угол. Улож. т. II стр. 174 и 175). Будучи только «**посредственнымъ** посягательствомъ на бытіе государства и имѣя въ виду подрывъ государственной безопасности, ниспроверженіе установленныхъ закономъ взаимныхъ отношений общественныхъ классовъ и т. д., подготовленіе государственнаго переворота» (тамъ же стр. 174), посягательства на общественный строй не могутъ быть отождествлены съ посягательствомъ на государственный строй, какъ дѣянія **менѣ преступныя**, и по своей отдаленности къ непосредственному въ ближайшемъ будущемъ насильственному перевороту государственнаго строя, не всегда восполняющія полный составъ преступления, предусмотрѣннаго 100 и 102 ст. Угол. Улож. 1903 г. Съ отдѣленіемъ церкви отъ государства обособленіе общественнаго строя отъ государственнаго пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Общественный строй получаетъ все болѣе самодавлѣющее значеніе. Разъ **ниспроверженіе государственнаго строя** отнесено къ главѣ о **бунтѣ**, а **ниспроверженіе общественнаго строя** къ главѣ о **смутѣ** и разъ въ ст. 121 Угол. Улож. 1903 г. говорится о заявленіи «**сочувствія бунту**», то послѣ этого необходимо, упоминая отдѣльно о сочувствіи ученію, стремящемуся ниспровергнуть строй, упомянуть 1) **объ общественномъ строѣ**, какъ это и сдѣлано въ ст. 121-ой въ старой редакціи, и 2) о **послѣдователѣ ученія**, призывающаго къ насильственному измѣненію **общественнаго** строя.

Большинство же Комиссіи, не соглашаясь съ этими соображеніями, полагало, что общественный строй является одной изъ основъ государственнаго строя и посягать непосредственно на него, не тронувъ „оболочки“ государственнаго строя не представляется возможнымъ, почему достаточно одного указанія на государственный строй. Излишнимъ является и упоминаніе о наказуемости заявленія сочувствія «**послѣдователю**» ученія о ниспроверженіи **общественнаго** строя. *)

*) См. объясненія на стр. 144.

112 (122). Виновный въ участіи въ публичномъ скопище, которое, дѣйствуя соединенными силами участниковъ, учинило:

1) насиліе надъ личностью, либо принужденіе посредствомъ наказуемой угрозы къ выполненію или допущенію чего либо нарушающаго право или обязанность принуждаемаго или къ отказу отъ осуществленія права или отъ исполненія обязанности;

2) похищеніе или истребленіе либо поврежденіе чужого имущества или самовольное завладѣніе таковымъ;

3) вторженіе въ чужое обитаемое зданіе либо иное помѣщеніе, огороженное мѣсто или усадьбу;

4) сопротивленіе или принужденіе, статьями 142 ила 145 предусмотрѣнныя, или покушенія на дѣянія, указанныя въ *первыхъ трехъ* пунктахъ сей статьи, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Устроившій или подстрекнувшій устроить такое скопище, а также участникъ онаго, имъ руководившій при учиненіи предусмотрѣнныхъ сею статьею дѣяній, или подстрекнувшій къ ихъ учиненію или продолженію, или употребившій при учиненіи оныхъ оружіе, наказывается: заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не ниже *трехъ* лѣтъ.

Соглашаясь съ выводами большинства предшедшей Комиссіи, настоящая Комиссія сочла необходимымъ изъ текста ст. 122 Угол. Улож. 1903 г. исключить слова, которыми опредѣляются мотивы совершенія описанныхъ въ этой статьѣ преступныхъ дѣяній по слѣдующимъ соображеніямъ.

«Эти мотивы введены были по специфическимъ соображеніямъ, всецѣло вытекавшимъ изъ политическаго положенія Россіи и принциповъ ея управленія.

Нынѣ политическая обстановка совершенно измѣнилась и, сообразно съ этимъ и принципы административно-судебной практики Латвійскаго Правительства отнюдь не могутъ базироваться на соображеніяхъ правительства монархической страны, съ тѣснѣйшею связью между государствомъ и церковью и строго-сословнымъ общественнымъ строемъ.

Помимо того, при общемъ значительно высокомъ культурномъ уровнѣ Латвійскаго населенія и по существу оставленіе въ силѣ особой карательной статьи, предусматривающей возможность преступныхъ дѣяній изъ-за вражды религіозной, племенной или классовой, представлялось бы недопустимымъ и даже оскорбительнымъ для правосозна-

нія населенія; сохраняя изложенные въ ст. 122 Угол. Улож. мотивы, законодатель какъ бы подчеркнул возможность совершенія незаконныхъ дѣяній, не проистекающихъ изъ преступныхъ побужденій личного характера, и основывающихся, по причинѣ совершеннаго неразвитія или малокультурности народныхъ массъ, на челоѡконенавистническихъ чувствахъ племенной или религіозной вражды, или же проистекающихъ изъ неразсуждающаго здраво подчиненія всякимъ необоснованнымъ слухамъ». (Объясн. зап. къ раб. по пересмотру. Угол. Улож., изд. 1921 г. стр. 37 и 38).

Одинъ членъ Комиссіи, однако, руководствуясь мотивами къ Уголовному Уложенію, нашелъ, что «наличность исчисленныхъ въ ст. 122 побужденій только и придаетъ этимъ дѣяніямъ тотъ особый оттѣнокъ, благодаря которому учиненіе такихъ дѣйствій и относится къ посягательствамъ противъ порядка управленія, причемъ наличность исчисленныхъ въ 122 ст. Угол. Улож. 1903 г. побужденій должна быть установлена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.» Само же по себѣ, напр., вторженіе въ чужое помѣщеніе, хотя бы учиненное нѣсколькими лицами, карается по 51 и 512 ст. Угол. Улож. 1903 г., поэтому означенный членъ полагалъ сохранить прежнюю редакцію статьи. Погромъ можетъ возникнуть въ любой странѣ внѣ зависимости отъ степени присущей странѣ культуры, въ этомъ отношеніи приходится считатьсѣ съ особенностями психологіи толпы.

Далѣе возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ввести въ Уголовное Уложеніе особую статью согласно тексту опубликованной, въ силу постановленія 13 мая 1917 г., 269² ст. Улож. о Нак. касательно разгрома винныхъ складовъ. По этому поводу большинство Комиссіи пришло къ заключенію, что 269² ст. Улож. о Нак. была вызвана исключительными обстоятельствами революціоннаго времени и въ Угол. Уложеніи, рассчитанномъ на нормальный укладъ жизни подобная статья рѣшительно неумѣстна.

Тѣмъ не менѣе въ Комиссіи было высказано мнѣніе, что Угол. Улож. должно предусматривать и исключительное время. Европа далеко не представляетъ картину вошедшаго въ свои берега моря и возможно еще ожидать сильныхъ потрясеній, для этого надо имѣть въ резервѣ и предусматривающія разныя эксцессы толпы исключительныя постановленія. (ср. 122¹ ст. Перв. Проекта. Объясн. Зап. 1921 г. стр. 44).

113 (123). Виновный въ участіи въ скопищѣ, которое, дѣйствуя соединенными силами участниковъ:

1) оказало насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для расѣянія скопища, или произвело насильственное нападеніе на военный караулъ или часового онаго;

2) захватило въ свою власть, разграбило или разрушило государственныя, общественныя или кредитныя

установленія, склады, сооруженія, средства сношенія или какія либо средства военной обороны страны;

3) насильственно освободило арестантовъ;

4) употребило для учиненія насильственныхъ дѣйствій взрывчатое вещество или снарядъ или иные общепасные способы,

наказывается:

заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не свыше *восьми лѣтъ*.

Устроившій или подстрекнувшій устроить такое скопище, а также участникъ онаго, имъ руководившій при учиненіи предусмотрѣнныхъ сею статьею дѣяній, или подстрекнувшій къ ихъ учиненію или продолженію, или употребившій при учиненіи оныхъ взрывчатые вещество, или снарядъ, или оружіе, или иные общепасные способы, наказывається;

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Въ цѣляхъ болѣе широкаго обобщенія, Комиссія 2 п. 113 (123) ст. общимъ образомъ указала на случай, когда скопище «захватило въ свою власть, разграбило или разрушило государственныя, общественныя или кредитныя установленія, склады, сооруженія, средства сношенія или какія либо средства военной обороны страны.»

Такимъ образомъ подъ указанный перечень подойдутъ: склады оружія или военныхъ припасовъ, оружейный или орудійный заводъ, укрѣпленное мѣсто, военное судно, желѣзная дорога, служащіе для общаго или правительственнаго пользованія телеграфъ или телефонъ, монетный дворъ, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, государственное казначейство или государственное или основанное, съ разрѣшенія правительства, общественное или акціонерное кредитное установленіе.

3 пунктъ Комиссія сочла возможнымъ формулировать указаніемъ на случай, когда скопище насильственно освободило изъ подъ стражи арестантовъ, разумѣя подъ насильственнымъ освобожденіемъ освобожденіе посредствомъ насилія надъ личностью, учиненнаго въ отношеніи стражи, или посредствомъ поврежденія мѣста заключенія.

4 п. 1 ч. и 2 ч. статьи Комиссія добавила ссылкой на «иные общепасные способы.»

Въ Уголовномъ Уложеніи 1903 г. имѣлась статья **Преступное образованіе обществъ.** (124),*) карающая образованіе обществъ безъ соблюденія

*) Первоначально Комиссія предполагала изложить эту статью въ слѣдующемъ видѣ:

«Виновный въ образованіи союза обществъ или общества, или же въ участіи въ ономъ, безъ соблюденія или съ нарушеніемъ установленныхъ закономъ правилъ, наказывається:

арестомъ на срокъ не свыше *трехъ мѣсяцевъ* или денежною пеней не свыше *трехсотъ* латовъ.

установленныхъ закономъ правилъ. Но въ виду того, что новый законъ объ обществахъ и союзахъ еще не выработанъ Латвійскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то пока большинство Комиссіи рѣшило не включать этой статьи въ новый проектъ Угол. Уложенія вовсе, ибо въ данный моментъ невозможно согласовать редакцію ея съ проектируемыхъ закономъ объ обществахъ и союзахъ. Мнѣнію же о томъ, что въ уголовномъ законѣ въ такомъ случаѣ получится нѣкоторымъ образомъ существенный пробѣлъ, не было придано значенія.

114 (125). Виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности:

1) возбужденіе къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти;

2) возбужденіе вражды между отдѣльными частями населенія, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Остановливаясь на вопросѣ о возбужденіи вражды между отдѣльными частями населенія и между хозяевами и рабочими (2 п. 125 ст. Уголовн. Улож. 1903 г.), Комиссія нашла, что умышленное возбужденіе одной части населенія противъ другой, внося въ государственную жизнь страны смуту, не можетъ оставаться безусловно уголовно безразличнымъ дѣяніемъ и въ демократическомъ государствѣ, особенно когда такое возбужденіе сопровождается призывомъ къ насилію надъ отдѣльными членами общества. «На государствѣ, — говорится въ мотивахъ къ 125 ст. Угол. Улож. 1903 г., — лежитъ обязанность обезпечить спокойствіе,

Если же виновный образовалъ союзъ обществъ или общество, или участвовалъ въ ономъ:

1) завѣдомо, что союзъ обществъ или общество преслѣдуетъ цѣли, воспрещенныя закономъ уголовнымъ или противныя общественной нравственности, или же угрожающія общественному спокойствію или безопасности;

2) завѣдомо, что союзъ обществъ или общество, преслѣдующія политическія цѣли, управляется учрежденіями или лицами, имѣющими постоянное пребываніе за границею;

3) завѣдомо, что союзъ обществъ или общество, не разрѣшены, воспрещены или закрыты подлежащею властью, или что дѣйствіе ихъ въ установленномъ порядкѣ приостановлено;

4) завѣдомо, что союзъ обществъ или общество принимаетъ особыя мѣры для сокрытія своего существованія или преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, или порядка его управленія, или лицъ, принимающихъ участіе въ управленіи, то онъ наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ*.

Въ сравненіи со ст. 124 Угол. Улож. 1903 г. Комиссія исключила упоминаніе на „управленіе“ союзомъ, ибо указаніе на участіе въ ономъ дѣлаетъ это излишнимъ.

какъ за каждыиъ отдѣльнымъ гражданиномъ, такъ и за частями населенія, составляющими государство, такъ какъ вражда между ними можетъ повести къ безпорядкамъ, крайне опаснымъ для государственнаго спокойствія.»

Вопросъ сводится не къ той свободѣ слова, которая должна обезпечить академическое обсужденіе социальныхъ вопросовъ, а касается того натравливанія однихъ гражданъ на другихъ, каковое натравливаніе приводило на практикѣ къ печальнымъ погромамъ. Не слѣдуетъ забывать, что «право есть лишь мѣра свободы.» И право свободнаго слова имѣетъ свои границы.

Далѣе Комиссія считала лишь излишнимъ особое указаніе въ статьѣ на рабочихъ и сословія, каковое упоминаніе и было исключено, дабы избѣжать упрековъ въ томъ, что статья направлена противъ рабочихъ.

Первоначально признавая, что стачка, какъ таковая, въ 0 стачкахъ. общемъ правилѣ должна быть признана законнымъ средствомъ экономической и классовой борьбы, Комиссія полагала, однако, что стачка можетъ явиться уголовно наказуемымъ дѣяніемъ, какъ только она выходитъ изъ области экономической борьбы и становится средствомъ борьбы политической, ведя къ насильственному разрушенію существующаго строя. Такого рода квалифицированная, наказуемая стачка можетъ имѣть мѣсто: 1) когда она происходитъ на предпріятіяхъ, пріостановленіе дѣятельности коихъ угрожаетъ государственному строю и грозитъ общественнымъ бѣдствіемъ, какъ, напр., стачка на водопроводѣ и 2) когда стачка имѣетъ мѣсто въ такое исключительное время, какъ, напр. во время военныхъ дѣйствій, во время народныхъ бѣдствій и т. п. Соотвѣтственно сказанному Комиссія первоначально сохранила 3 п. 125 ст. Угол. Улож. 1903 г.,*) исключивъ лишь упоминаніе отдѣльно о рабочихъ по сказаннымъ выше соображеніямъ, при этомъ одинъ членъ Комиссіи кромѣ того считалъ нужнымъ помимо 367 сдѣлать въ 125 ст. ссылку на 509 ст., карающую принужденіе рабочихъ къ учиненію стачки **насильственнымъ** путемъ.

При дальнѣйшемъ обсужденіи большинство Комиссіи нашло, что предположенное постановленіе, изложенное въ 3 пунктѣ этой статьи, касающееся стачекъ, слѣдуетъ перенести въ 367 статью, подвергнувъ его обсужденію одновременно съ послѣдней.

Одинъ членъ Комиссіи, въ цѣляхъ избѣжанія чрезвычайно важнаго пробѣла въ уголовномъ законѣ, полагалъ нынѣ же установить новую редакцію 367 ст. и сохранить необходимое въ смыслѣ полноты системы Угол. Улож. 3 п. 125 ст. со ссылкой на 367 ст. въ новой редакціи и 509 ст. Угол. Улож. (ср. Объясн. зап. предш. Комисс. изд. 1921 г. стр. 37 и 45).

*) 3 п. 114 (125) ст. гласилъ объ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности возбужденіе къ устройству и продолженію стачки, статьею 367 предусмотрѣнной.

115 (126). Виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности учиненіе тяжкихъ преступленій посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ, наказывается:

заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не свыше *восьми* лѣтъ или заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ.

Если такое сообщество завѣдомо имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва, то виновный въ участіи въ такомъ сообществѣ наказывается:

срочнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

**О ниспро-
верженіи
обществен-
наго строя.**

Согласно приведеннымъ уже подъ ст. 111 (121) сообщеніямъ, *) нѣкоторые члены Комиссіи, имѣя въ виду, что 77 (100) и 79 (102) ст. Уголовнаго Уложенія указываютъ на особую цѣль насильственного посягательства на существующій государственный строй или отторженіе части государственной территоріи и что предусматриваемыя 126 ст. (изд. 1903), сообщества не стремятся къ непосредственному насильственному государственному перевороту, но преслѣдуютъ нѣкоторыя конкретныя цѣли, опасныя для государственнаго спокойствія (объясн. зап. т. II стр. 182), нашли необходимымъ оставить эту статью въ Угол. Улож., въ противномъ случаѣ получился бы не восполняемый пробѣлъ. На практикѣ могутъ возникнуть случаи, когда эта 115 (126) статья окажется весьма полезной особенно въ борьбѣ съ коммунизмомъ, отрицающимъ совершенно собственность — эту основу культурнаго общества. При этомъ, конечно, соотвѣтственно принятому ранѣе положенію, означенные члены Комиссіи указываемое въ 115 (126) ст. ниспроверженіе понимали какъ **насильственное измѣненіе и разрушеніе общественнаго строя**. Въ демократическомъ государствѣ не могутъ быть воспрещаемы и преслѣдуемы сообщества, имѣющія въ виду подготовку къ измѣненію политическаго и соціальнаго строя мирными средствами, путемъ пропаганды среди народа своихъ ученій. Противоположная точка зрѣнія, лишая гражданина возможности обсужденія и оцѣнки существующаго строя и его недостатковъ, обсужденія предположеній о другихъ основахъ общественной жизни и государственнаго строительства, а равно по подготовкѣ мирныхъ средствъ къ замѣнѣ существующаго порядка другимъ, по мнѣнію сообщества, болѣе цѣлесообразнымъ, противорѣчила бы принципу свободы пропаганды.

Большинство же Комиссіи въ согласіи съ высказанными уже соображеніями при обсужденіи 121 ст. Угол. Улож., изд. 1903 г., рѣшило исключить изъ 115 (126) статьи выраженіе: «ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя» — полагая, что непосредствен-

*) См. Объясненія на стр. 137 и 138.

наго посягательства на общественный строй быть не может, ибо таковой, являясь одной изъ основъ государственнаго строя, защищается «оболочкой» послѣдняго и казалось бы достаточной охраной является защита одного государственнаго строя, что уже сдѣлано 77 (100) и 79 (102) статьями.

Изъ второй части 115 (126) ст. большинство Комиссiи признало правильнымъ исключить ссылку на «складъ оружія.»

116 (127). Виновный въ допущеніи собранія завѣдомо противозаконнаго сообщества, статьями 114 и 115 предусмотрѣннаго въ помѣщеніи или мѣстѣ, ему принадлежащихъ или состоящихъ въ его управленіи или завѣдываніи, наказывается, какъ участникъ сообщества.

Участнику противозаконнаго сообщества, статьями 114 и 115 предусмотрѣннаго, донесшему о такомъ сообществѣ прежде обнаруженія существованія онаго, наказаніе смягчается на основаніяхъ, статьею 51 установленныхъ, или же онъ можетъ быть вовсе освобожденъ отъ наказанія.

117 (128). Виновный въ поношеніи существующаго въ Латвіи государственнаго строя или личности Президента государства произнесеніемъ или чтеніемъ, публично, рѣчи или сочиненія, или распространеніемъ или публичнымъ выставленіемъ сочиненія или изображенія, наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свѣше *трехъ* лѣтъ.

Подобно 111 (121) ст. вмѣсто упоминавшихся въ 128 ст. Угол. Улож. 1903 г. «дерзостнаго неуваженія» и «поризанія», Комиссiя сочла соотвѣтственнымъ ввести терминъ «поношенія» съ указаніемъ конкретно, между прочимъ, на Главу государства — Президента республики. Въ отличіе отъ предусмотрѣннаго 81 ст. проекта оскорбленія такое поношеніе можетъ быть наказуемо и при произнесеніи поносительныхъ словъ заочно.

118 (129). Виновный въ публичномъ призывѣ, произнесеніи или чтеніи, публично, рѣчи или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ:

1) къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія;

2) къ нарушенію воинскими чинами обязанностей военной службы;

3) къ неповиновенію или противодѣйствию закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти;

4) вражду между отдѣльными частями населенія;

5) къ учиненію тяжкаго, кромѣ указанныхъ выше, преступленія, наказывается:

за возбужденіе, пунктами 1 или 2 сей статьи предусмотрѣнное, —

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ;

за возбужденіе, пунктами 3, 4 или 5 сей статьи предусмотрѣнное, —

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Если:

1) виновный возбуждалъ дѣйствовать способомъ опаснымъ для жизни многихъ лицъ;

2) послѣдствіемъ возбужденія было учиненіе тяжкаго преступленія, то виновный, если не подлежитъ болѣе строгому наказанію, какъ соучастникъ учиненнаго преступнаго дѣянія, наказывается:

за возбужденіе, пунктами 1 или 2 *первой* части сей статьи предусмотрѣнное, —

заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не выше *восьми* лѣтъ;

за возбужденіе, пунктами 3, 4, или 5 *первой* части сей статьи предусмотрѣнное, —

заключеніе въ долгосрочной тюрьмѣ.

Покушеніе наказуемо.

119 (130). Виновный въ распространеніи, непублично, среди войска или въ школѣ ученій или сужденій, возбуждающихъ:

1) къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія;

2) къ нарушенію воинскими чинами обязанностей военной службы;

3) къ неповиновенію или противодѣйствию закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти;

4) вражду между отдѣльными частями населенія;

5) къ учиненію тяжкаго, кромѣ указанныхъ выше, преступленія, наказывается:

за распространеніе ученій или сужденій, пунктами 1 или 2 сей статьи предусмотрѣнное, — заключеніемъ

въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ;

за распространіе ученій или сужденій, пунктами 3, 4 или 5 предусмотрѣнное, —

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Если при распространіи ученій или сужденій, въ сей статьѣ указанныхъ:

1) виновный возбуждалъ дѣйствовать способомъ, опаснымъ для жизни многихъ лицъ;

2) послѣдствіемъ возбужденія было учиненіе тяжкаго преступленія,

то виновный, если не подлежитъ болѣе строгому наказанію, какъ соучастникъ учиненнаго преступнаго дѣянія, наказывается:

за возбужденіе, пунктами 1 или 2 *первой* части сей статьи предусмотрѣнное, —

заклученіемъ въ каторжной тюрьмѣ на срокъ не свыше *восьми* лѣтъ;

за возбужденіе пунктами 3, 4 или 5 *первой* части сей статьи предусмотрѣнное, —

заклученіемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ.

Пренія возбудилъ вопросъ объ оставленіи въ статьяхъ 118 (129) и 119 (130) особаго пункта относительно пропаганды, сѣющей вражду между отдѣльными частями населенія: изъ этого пункта Комиссія рѣшила только, въ цѣляхъ согласованія его съ принятой редакціей 111 (121) ст., исключить слова: «между сословіями или между хозяевами и рабочими.» Практика показала, что при существованіи означеннаго постановленія обвинительная власть отнюдь не злоупотребляетъ правомъ привлеченія за пропаганду идей, распространяющихъ вражду между отдѣльными частями населенія. Но закрывать возможность борьбы съ злоупотребленіями разнузданной прессы, изошряющей въ этомъ направленіи, не слѣдуетъ.

Далѣе въ ст. 118 (129) Комиссія вставила указаніе на **публичный призывъ**, о которомъ упоминали постановленія Россійскаго Временнаго Правительства 6 іюня 1917 г. (собр. узак., ст. 1508), и 19 іюля 1917 г. (собр. узак., ст. 1243), ибо это указаніе существенно дополняетъ 129 ст. Угол. Улож. 1903 г. Такъ, напр., 1 п. перваго постановленія предусматриваетъ случаи конкретнаго подстрекательства къ совершенію преступленій, безъ произнесенія рѣчи, напр. призывъ къ собравшейся толпѣ: «Бей полицію!». 2 п. постановленія 6 іюля 1917 г. и постановленіе 19 іюля 1917 г., гласящія о наказаніи лицъ, виновныхъ въ призывѣ во время войны къ

неисполненію касающихся законовъ службы или законныхъ распоряженій власти, заключаются въ 118 (129) ст. въ новой редакціи, а 3 п. постановленія 6 іюня 1917 г. вполнѣ подходитъ подъ дѣйствіе 95 (108) ст. Угол. Улож., почему эти постановленія и не требуютъ особаго выдѣленія въ законѣ.

При обсужденіи 119 (130) ст. въ Комиссіи возникъ вопросъ о предѣлахъ наказуемости **непубличной** пропаганды. Указывалось, что нельзя ограничиваться наказуемостью такой пропаганды только среди войскъ, какъ то признавали нѣкоторые члены Комиссіи.

«Кромѣ войска, — какъ значитсѣ въ мотивахъ Угол. Улож. 1903 г. — могутъ быть и другія части населенія, въ коихъ пропаганда не можетъ встрѣтить надлежащаго противодѣйствія и возбужденіе коихъ въ то же время грозитъ наибольшою опасностью государству.» Уравновѣшенность и стойкость убѣжденій далеко не являются качествомъ, присущимъ въ равной мѣрѣ всѣмъ частямъ населенія и распространение вреда такихъ ученій, хотя бы среди пылкой и неустойчивой учащейся молодежи, является дѣяніемъ, несомнѣнно болѣе опаснымъ для государства.

Обсудивъ этотъ вопросъ большинство Комиссіи склонилось къ тому, что недопустимость непубличной пропаганды надлежитъ ограничить запретомъ такой пропаганды не вообще среди отдѣльныхъ частей населенія, въ коихъ пропагандируемыя ученія и сужденія не могли бы встрѣтить надлежащаго противодѣйствія и возбужденіе коихъ въ то же время угрожало бы опасностью государственному спокойствію, а только среди войскъ и въ школахъ.

Одинъ членъ Комиссіи, поддерживая соображенія отдѣльнаго мнѣнія предшедшей Комиссіи, полагалъ оставить въ прежней редакціи постановленія 130 и 131 статей Угол. Уложенія 1903 г., исходя изъ того соображенія, что 2 п. 1 ч. 119 ст. настоящаго проекта можетъ имѣть значеніе, именно, только для войска.

Далѣе въ Комиссіи высказывалась, не встрѣтившая сочувствія, мысль о необходимости установленія кары и за **непубличный призывъ** къ учиненію исчисленныхъ въ 119 ст. проекта преступныхъ дѣяній среди войска.

По мысли Комиссіи „публичность“ и „непубличность“ должны опредѣляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ **количествомъ присутствующихъ лицъ.**

О пацифистической
пропагандѣ.

Первоначально Комиссія проектировала включить въ Уголовное Уложеніе слѣдующую статью:

«Виновный въ возбужденіи въ военное время къ прекращенію войны въ публичной рѣчи или докладѣ или произведеніяхъ печати, произнесенныхъ, или выпущенныхъ въ свѣтъ, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.»

Постановленіе это было заимствовано изъ текста 2 ч. 275² ст. Улож. о Нак. (зак. 20 іюля 1914 г.), первая часть которой послужила основаніемъ къ начертанію 98 ст. настоящаго проекта; при этомъ слова «по объявленіи мобили-

заци или во время войны» замѣнены были словами «въ военное время.»

Вопросъ о наказуемости пацифистической пропаганды во время войны подвергся основательному обсужденію Комиссіи.

Въ соображеніяхъ о недопустимости антимилитаристической пропаганды во время войны высказывалась мысль, что подобной пропагандой, хотя и маловажнаго значенія, можетъ быть поколеблено довѣріе къ дѣйствіямъ правительства, что особенно опасно во время войны: этимъ можетъ быть вызвана смута, а также парализованъ военный энтузіазмъ. При этомъ, исходя изъ того положенія, что, когда государство въ опасности, крайне нежелательно ослаблять такимъ призывомъ воинскій порывъ войскъ, одинъ членъ Комиссіи полагалъ, что проектируемой статьей должна преслѣдоваться не пацифистическая агитація вообще, а лишь агитація за прекращеніе «данной войны.» Поэтому одинъ членъ Комиссіи находилъ болѣе соотвѣтственнымъ духу статьи сохраненіе выраженія «во время войны», такъ какъ опасность призыва къ прекращенію войны дѣйствительна именно во время фактической войны. На это возражалось, что въ случаѣ установленія наказуемости лишь за агитацію противъ «данной войны» — будутъ агитировать противъ войны вообще, а конечный результатъ послѣдней агитаціи будетъ тотъ же, что и первый. Поэтому Комиссія сначала остановилась на первоначально проектируемой редакціи статьи.

Затѣмъ, однако, большинство Комиссіи склонилось къ тому мнѣнію, что врядъ ли цѣлесообразно наказывать, если кто-нибудь, будучи убѣжденнымъ пацифистомъ, прочтетъ лекцію, имѣющую маловажное значеніе. Иногда даже полезно, если во время войны какой либо выдающійся патріотъ выскажется о цѣлесообразности и своевременности прекращенія войны. Такое положеніе было въ Русско-Германскую войну, — и, если бы подобные совѣты своевременно были приняты во вниманіе, — ни Россія, ни Германія не очутились бы въ такомъ катастрофическомъ положеніи.

120 (132). Виновный въ размноженіи, храненіи или провозѣ изъ-за границы сочиненія или изображенія, статьями 117 или 118 указанныхъ, съ цѣлью распространенія или публичнаго ихъ выставленія, завѣдомо о ихъ содержаніи, если распространеніе или публичное выставленіе такихъ сочиненія или изображенія не послѣдовало, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Касательно 120 (132) ст. Угол. Улож. Комиссія нашла, что «въ означенной статьѣ достаточно лишь упомянуть о преступности размноженія и храненія вредоносныхъ съ

точки зрѣнія закона сочиненій и изображеній, запрещеніе же подѣ страхомъ уголовной отвѣтственности одного лишь составленія сочиненія или изображенія, ст. 117 и 118 (128) (129) предусмотрѣнныхъ, хотя бы и съ цѣлью ихъ распространенія и публичнаго выставленія, противорѣчило бы современному правосознанію, основанному на принципѣ свободы совѣсти и слова. Кромѣ того и съ точки зрѣнія угрожаемости государственной безопасности, каковой признакъ является существеннымъ для признанія направленного противъ государства поступка уголовно наказуемымъ — дѣяніе это не имѣетъ характера преступленія государственнаго, такъ какъ одно составленіе инкриминируемыхъ сочиненія и изображенія, «если распространеніе и публичное выставленіе оныхъ не послѣдовало» — фактически вовсе не угрожаетъ государственной опасности.»

121 (133). Виновный въ восхваленіи тяжкаго преступленія или преступленія въ рѣчи или въ сочиненіи, публично произнесенныхъ или прочтенныхъ или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, завѣдомо содержащихъ такое восхваленіе, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ или арестомъ.¹

122. Виновный въ умышленномъ надругательствѣ надъ публично выставленнымъ государственнымъ гербомъ или инымъ державнымъ знакомъ наказывается: заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *одного* года.

Если сіе дѣяніе учинено толпою, то виновный наказывается:

заклученіемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Такъ какъ 125 (136) статьею предусматривается надругательство надъ государственнымъ гербомъ иностраннаго государства, то въ силу послѣдовательности, въ Угол. Улож. Комиссія ввела въ главу VII соотвѣтствующее постановленіе и относительно государственнаго герба Латвіи въ видѣ 122 ст. взамѣнъ соотвѣтствующаго постановленія 155 ст. Угол. Улож. 1903 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О преступныхъ дѣяніяхъ противъ иностранныхъ государствъ.

Остановившись на разсмотрѣніи вопроса о преступныхъ дѣяніяхъ противъ иностранныхъ государствъ, Комиссія нашла, что согласно дѣйствующему закону объектомъ охраны являются не только иностранцы, но и самыя находящіяся въ мирныхъ отношеніяхъ иностранныя государства, причемъ въ мотивахъ къ Уголовному Уложенію 1903 г. по этому поводу говорится слѣдующее: «Постановленія объ отвѣтственности за учиненныя посягательства на государственныя интересы иностранныхъ государствъ внесены въ Уложеніи въ тѣхъ соображеніяхъ, что 1) это вызывается тою опасностью, которою можетъ грозить странѣ политическая неурядица въ сосѣднемъ государствѣ; 2) необходимою сохраненіи дружественныхъ отношеній къ другимъ державамъ, интересы коихъ заставляютъ, конечно, желать, чтобы данная страна не являлась складомъ не только враждебно настроенныхъ, но и прямо вредящихъ элементовъ и въ 3) въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть право, опираясь на начало взаимности, обратиться къ другимъ державамъ съ требованіемъ преслѣдованія подобныхъ дѣйствій, тамъ учиненныхъ и направленныхъ противъ страны. Солидарность интереса охраны государственной безопасности, все сильнѣе и сильнѣе чувствуемая въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ, должна найти себѣ выраженіе и въ уголовномъ кодексѣ.» Соображенія эти, по мнѣнію Комиссіи, не утратили своей силы и при современномъ укладѣ государственной жизни Латвіи.

Сообразно изложенному, Комиссія нашла нужнымъ главу V Угол. Улож. 1903 г. «о смутѣ» раздѣлить на двѣ отдѣльныя главы, озаглавивъ одну: «О преступныхъ дѣяніяхъ противъ государственнаго спокойствія» и другую: «О преступныхъ дѣяніяхъ противъ иностранныхъ государствъ.»

123 (135). Виновный въ покушеніи на ниспроверженіе государственнаго строя находящагося въ мирныхъ отношеніяхъ съ Латвіей государства, или въ приготовительныхъ къ сему дѣйствіяхъ, если относительно на-

казуемости такихъ дѣяній существуетъ взаимность, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Согласно принятой терминологіи, Комиссія подъ дѣйствіе 123 (135) ст. подвела «покушеніе» на ниспроверженіе государственнаго строя, находящагося въ мирныхъ отношеніяхъ государства, а равно приготовленіе къ сему преступному дѣянію при условіи взаимности. Объ оконченомъ дѣяніи въ данномъ случаѣ не упоминается, ибо трудно допустить здѣсь вполнѣ оконченное преступленіе. Угол. Улож. 1903 г. также говорило лишь о покушеніи и сама мѣра наказанія показывала, что законодатель предусматривалъ отдаленность окончанія такого рода преступнаго дѣянія.

Одинъ членъ Комиссіи, ссылаясь на высказанныя имъ ранѣе соображенія относительно термина «посягательство» (см. объясн. къ ст. 77), находилъ и въ данномъ случаѣ этотъ терминъ для формулировки сего преступленія особенно удачнымъ.

Вмѣсто принятаго Угол. Улож. 1903 г. термина «дружественнаго государства», Комиссія приняла болѣе широкій терминъ «находящагося въ мирныхъ отношеніяхъ», полагая, что именно состояніе мира опредѣляетъ возможность защиты иностранной державы при условіи взаимности.

124. Виновный въ оскорбленіи находящейся въ мирныхъ отношеніяхъ съ Латвіей державы, ея верховнаго главы, ея правительства, посла, посланника или иного дипломатическаго агента, словомъ или въ распространенныхъ либо публично выставленныхъ произведеніяхъ печати, письмѣ или изображеніи, съ цѣлью оказать неуваженіе сему государству, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ не свыше одного года.

Если же съ тою же цѣлью въ отношеніи указанныхъ лицъ, учинено насильственное дѣйствіе, нарушившее ихъ тѣлесную неприкосновенность, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ долгосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *трехъ* лѣтъ или заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

Въ силу высказанныхъ подъ ст. 123 (135) соображеній, Комиссія полагала необходимымъ ввести въ главу VIII особую статью «объ оскорбленіи состоящей въ мирныхъ отношеніяхъ державы, ея Верховнаго Главы, ея правительства, посла, посланника или иного дипломатическаго агента словомъ или въ распространенныхъ, либо публично выставлен-

ныхъ произведеніяхъ печати, письмѣ или изображеніи, а равно оскорбленіи дѣйствіемъ исчисленныхъ выше лицъ, при условіи, однако, **спеціальнаго умысла оказать неуваженіе этому государству**. Введеніемъ упоминанія объ этомъ умыслѣ оправдывалось бы помѣщеніе предполагаемой статьи въ этомъ раздѣлѣ въ отличіе отъ законоположеній, изображенныхъ въ 534 и 535 ст. ст. Угол. Улож. Введеніе предполагаемой статьи подсказывается важностью описаннаго въ этой статьѣ преступленія, могущаго повлечь за собою осложненія въ качествѣ «casus belli».

Первая часть 124 ст. редактирована примѣнительно къ постановленію Россійскаго Временнаго Правительства 5 августа 1917 г. (с. у. ст. 1133), безъ выдѣленія, однако, въ видѣ квалифицированнаго случая, учиненія такого рода оскорбленія во время войны.

Одинъ членъ Комиссіи полагалъ недостаточной установленную санкцію статьи, полагая, что наказуемость по 124 ст. проекта въ сравненіи со статьями 534 и 535 Угол. Улож. 1903 г. должна быть строже.

125 (136). Виновный въ надругательствѣ надъ публично выставленнымъ государственнымъ гербомъ или инымъ державнымъ знакомъ находящагося въ мирныхъ отношеніяхъ съ Латвіей государства, или сорваніи или поврежденіи ихъ, съ цѣлью оказать неуваженіе сему государству, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ на срокъ не свыше *одного* года.

Если же сіе надругательство учинено толпою, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

126 (137). Виновный въ нарушеніи правилъ о нейтралитетѣ, въ установленномъ порядкѣ обнародованныхъ, наказывается:

заключеніемъ въ краткосрочной тюрьмѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I

(къ ст. 13).

Правила

о содержаніи въ кандалахъ приговоренныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ.

При содержаніи въ кандалахъ приговоренныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ соблюдаются слѣдующія правила:

1. Кандалы заготовляются по образцамъ, утвержденнымъ Главнымъ тюремнымъ управленіемъ.

2. Кандалы суть ножные и ручные; вѣсъ ножныхъ кандаловъ не долженъ превышать 2 килогр., а ручныхъ — 650 грам.

3. Подъ обручи ножныхъ кандаловъ надѣваются подкандальники. Обручи ручныхъ кандаловъ обшиваются кожею.

4. Ручные и ножные кандалы могутъ быть налагаемы одновременно линію на приговоренныхъ къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ безъ срока. На приговоренныхъ къ срочному заключенію налагаются одни ножные.

5. Кандалы снимаются съ приговоренныхъ:

1) по истеченіи указаннаго въ судебномъ приговорѣ срока содержанія въ кандалахъ — властью начальника тюрьмы;

2) за одобрительное поведеніе, въ виду подаваемой приговореннымъ надежды на исправленіе, но не ранѣе истеченія *двухъ третей* срока, назначеннаго для содержанія въ кандалахъ — по постановленію начальника тюрьмы, утверждаемаго Главнымъ тюремнымъ управленіемъ *);

*) Кабинетомъ Министровъ 2 п. 5 ст. добавленъ словами: „съ согласія Прокурора мѣстнаго Окружнаго Суда“.

- 3) въ виду болѣзненнаго состоянія приговореннаго, удостовѣреннаго актомъ врачебнаго освидѣтельствванія (ст. 6),—распоряженіемъ Главнаго тюремнаго управленія.

При обсужденіи 2 п. 5 ст. прил. къ 13 ст. Угол. Улож. принятый большинствомъ 2 п. возбудилъ большія пренія. Одинъ членъ Комиссіи находилъ, что досрочное освобожденіе отъ кандаловъ должно слѣдовать общему порядку досрочнаго освобожденія отъ наказанія, указаннаго въ приложеніи къ 20 ст., ибо здѣсь идетъ рѣчь объ измѣненіи постановленнаго судомъ приговора, имѣющаго непоколебимую силу. Согласно 13 ст. судъ опредѣляетъ срокъ содержанія въ кандалахъ и не административной власти измѣнять приговоръ суда. Этимъ нарушался бы принципъ безусловнаго подчиненія исполнительной власти рѣшенію суда. Практика показала, что всякое расширеніе правъ административной власти въ дѣлѣ исполненія судебныхъ приговоровъ вноситъ нежелательный произволъ и колеблетъ престижъ суда. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы устранять въ этомъ дѣлѣ участіе прокурорскаго надзора; указанный порядокъ соотвѣтствовалъ бы соображеніямъ Комиссіи подъ ст. 2 (стр. 11—12), Предлагаемый большинствомъ порядокъ нарушаетъ цѣльность системы Угол. Улож.

Кромѣ того, по соображеніямъ, изложеннымъ на стр. 38, въ отношеніи установленія минимума срока наказанія для примѣненія досрочнаго освобожденія, казалось бы, слѣдовало бы установить въ согласіи съ постановленіемъ 20-ой статьи таковой же минимумъ срока содержанія въ кандалахъ, послѣ чего можетъ послѣдовать досрочное снятіе кандаловъ.

Большинство же Комиссіи полагало, не согласившись съ изложенными соображеніями, что установленіе минимума представляется излишнимъ, и что вмѣшательствомъ Главнаго Тюремнаго управленія устранится возможный произволъ мѣстной тюремной администраціи, а между тѣмъ предполагаемой мѣрой достигается быстрота избавленія отъ кандаловъ исправившихся преступниковъ.*)

6 Въ случаѣ болѣзненнаго состоянія приговореннаго и явной опасности для здоровья содержанія его въ кандалахъ, онъ подвергается освидѣтельствванію тюремнымъ врачомъ въ присутствіи начальника тюрьмы и лица прокурорскаго надзора.

Протоколъ освидѣтельствванія, подписанный всѣми означенными лицами, представляется начальникомъ тюрьмы Главному тюремному управленію, отъ котораго зависитъ окончательное разрѣшеніе вопроса о снятіи кандаловъ.

*) Ср. стр. 12.

Въ цѣляхъ единообразія въ Комиссіи высказывалась мысль, что, до разрѣшенія вопроса о снятіи кандаловъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, необходимо было бы соблюдать тотъ же порядокъ, который указанъ въ 3 ст. Приложенія къ 17 ст. Угол. Улож., а именно начальнику тюрьмы должно быть предоставлено въ исключительныхъ случаяхъ снимать кандалы до полученія фактическаго разрѣшенія. Однако большинство Комиссіи полагало, что каторжный режимъ съ заключеніемъ въ кандалахъ будетъ имѣть мѣсто лишь въ Ригѣ и потому достаточно будетъ телефоннаго сношенія съ Главнымъ тюремнымъ управленіемъ, чтобы избѣгнуть возможной въ такомъ случаѣ медленности.

7. Въ случаѣ улучшенія здоровья приговореннаго, досрочно освобожденнаго отъ кандаловъ согласно пункту 3 статьи 5 сихъ правилъ, онъ вновь подвергается наложенію кандаловъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ кандалы снимаются.

8. При неодобрительномъ поведеніи приговореннаго, досрочно освобожденнаго отъ кандаловъ согласно пункту 2 статьи 5 сихъ правилъ, онъ вновь подвергается наложенію кандаловъ по постановленію начальника тюрьмы, утверждаемаго Главнымъ тюремнымъ управленіемъ.

Въ связи съ высказанными соображеніями подъ ст. 5 сихъ правилъ въ Комиссіи высказывалась не встрѣтившая сочувствія большинства мысль о необходимости соблюденія и въ данномъ случаѣ порядка примѣнительно къ Приложенію къ 20 ст. Угол. Улож.

9. Приговоренные, содержащіеся въ кандалахъ, помѣщаются отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ.

10. Порядокъ наложенія на заключенныхъ кандаловъ въ порядкѣ административномъ въ видѣ дисциплинарной отвѣтственности и для предупрежденія побѣговъ опредѣляются особыми правилами.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

(къ ст. 17).

1. Освидѣтельствоваіе приговореннаго въ случаѣ опасности одиночнаго заключенія для здоровья осужденнаго производится тюремнымъ врачомъ въ присутствіи начальника тюрьмы, а также лица прокурорскаго надзора.

2. Составленный по сему предмету протоколъ освидѣтствованія, за подписью всѣхъ означенныхъ лицъ, представляется начальникомъ тюрьмы въ Главное тюремное управленіе, отъ котораго зависитъ окончательное разрѣшеніе вопроса о переводѣ арестанта изъ одиночнаго заключенія въ общее.

3. До разрѣшенія сего представленія приговоренный, для котораго упомянутымъ протоколомъ удостовѣрена опасность одиночнаго заключенія, содержится въ общемъ заключеніи.

Приложеніе къ 17 ст. является воспроизведеніемъ правилъ, изображенныхъ въ примѣчаніяхъ (1) къ 18 и 20 ст. Угол. Улож. изд. 1903 г. Они представляютъ извѣстную гарантію противъ произвола тюремной администраціи.

Въ Комиссіи возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли въ законѣ также оговорить возможность перевода осужденныхъ, по ихъ собственному желанію, въ одиночное заключеніе, ибо для одной категоріи осужденныхъ — для интеллигенціи общее заключеніе представляется болѣе тяжкимъ, нежели одиночное, и въ такихъ случаяхъ, при наличности свободныхъ камеръ, не было бы никакихъ основаній не допускать этого, отягчая такимъ образомъ участь осужденнаго. Практика показала, что въ то время, какъ для простолюдиновъ предпочтительнѣе общее заключеніе и они тяготеютъ одиночнымъ заключеніемъ — интеллигентные подсудимые стремятся обособиться и для нихъ одиночное заключеніе предпочтительнѣе общаго. Комиссія, однако, нашла неумѣстнымъ нынѣ оговаривать объ этомъ особо, ибо въ настоящее время нѣтъ достаточныхъ одиночныхъ камеръ и такое указаніе въ законѣ поставило бы тюремную администрацію въ глазахъ заключенныхъ въ трудное положеніе.

ПРИЛОЖЕНІЕ III

(къ ст. 20).

Правила

объ условномъ досрочномъ освобожденіи
отъ наказанія.

1. Возбужденіе вопроса о условно-досрочномъ освобожденіи заключенныхъ принадлежитъ: начальству мѣста заключенія, состоящимъ при послѣднемъ духовнымъ лицамъ, врачамъ и учителямъ, лицамъ прокурорскаго надзора, представителямъ дѣйствующихъ на основаніи утвержденного министромъ юстиціи устава обществъ попеченія о заключенныхъ и освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія.

2. Вопросъ о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія къ заключенному вносится начальникомъ мѣста заключенія на обсужденіе особой комиссіи по освобожденію изъ мѣстъ заключенія, которая образуется при мѣстахъ заключенія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, назначаемаго окружнымъ судомъ, по принадлежности, изъ членовъ: начальника мѣста заключенія, лица прокурорскаго надзора, представителя адвокатуры по избранію совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и представителя отъ общества попеченія о заключенныхъ и освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія. Для законности состава присутствія комиссіи необходима наличность предсѣдателя, начальника мѣста заключенія и лица прокурорскаго надзора.

3. Комиссія постановляетъ свое рѣшеніе, по выслушаніи доклада лица, возбудившаго вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, а также объясненій заключеннаго и другихъ лицъ, если ихъ объясненія и показанія будутъ признаны комиссіей полезными для рѣшенія вопроса. Постановленія комиссіи заносятся въ протоколъ съ изложеніемъ основаній и условій освобожденія.

4. При предоставлені условнаго досрочнаго освобожденія, заключенному назначается мѣстожительство, если онъ не избралъ такового лично, тамъ, гдѣ пребываніе осужденныхъ не воспрещено правительствомъ.

Въ особо уважительныхъ случаяхъ комиссія можетъ разрѣшить жительство въ мѣстностяхъ, коимъ на основаніи 1 пункта 32 статьи Уголовнаго Уложенія осужденному воспрещается пребываніе.

5. На постановленія комиссіи жалобы не допускаются.

Въ случаѣ несогласія представителя прокурорскаго надзора съ постановленіемъ комиссіи, послѣднее поступаетъ на окончательное разрѣшеніе распорядительнаго засѣданія мѣстнаго окружнаго суда, опредѣленія котораго дальнѣйшему обжалованію не подлежатъ.

6. Окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи, рассматриваетъ поступившее къ нему дѣло по извѣщеніи лица, возбудившаго вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи и, по усмотрѣнію суда, по выслушаніи объясненія самого заключеннаго и признанныхъ необходимыми для допроса лицъ. Неявка извѣщеннаго лица не останавливаетъ разрѣшенія дѣла.

7. Постановленіе о предоставленіи заключенному условнаго досрочнаго освобожденія приводится въ исполненіе начальникомъ мѣста заключенія въ теченіи сутокъ, если же рѣшеніе послѣдовало до истеченія означенныхъ въ статьѣ 20 Уголовнаго Уложенія сроковъ, то въ самый день ихъ истеченія, причемъ освобождаемому объясняются условія, на основаніи коихъ онъ освобождается.

8. Условно-досрочно-освобожденный передается при самомъ освобожденіи изъ подъ стражи, на весь оставшійся неотбытымъ срокъ лишенія свободы, подъ наблюденіе и на попеченіе мѣстнаго общества, имѣющаго цѣлью попеченіе о заключенныхъ и освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія *).

*) Согласно утвержденному 10 января 1923 г. опубликованному Нормальному Уставу Общества Патроната (Vald. Vēstn. 16 января 1923 г. № 12) по силѣ:

1 ст. Общество Патроната имѣетъ цѣлью — — — — —

3) оказывать помощь условно-досрочно освобожденнымъ и условно осужденнымъ при исполненіи ими условій, на основаніи коихъ они были до-

Если такое общество не признает возможным принять подъ свое наблюдение и на попечение условно-досрочно-освобожденного, или если мѣстожительство назначено ему въ мѣстности, гдѣ такихъ обществъ не имѣется, то условно-досрочно-освобожденный поступаетъ на указанный срокъ подъ наблюдение органа мѣстной полицейской власти.

Для приговоренныхъ къ безсрочному заключенію въ каторжной тюрьмѣ наблюдение и попечение продолжаются въ теченіе *десяти лѣтъ*.

9. По прибытіи условно-досрочно-освобожденного въ назначенное ему мѣстожительство, онъ обязанъ въ теченіе сутокъ явиться въ указанное ему начальствомъ мѣста заключенія полицейское установление. Послѣднее немедленно сообщаетъ о прибытіи условно-досрочно-освобожденного подлежащему учрежденію или должностному лицу.

10. Въ теченіи срока условнаго досрочнаго освобожденія, освобожденный не имѣетъ права отлучаться изъ занимаемаго имъ мѣста жительства безъ разрѣшенія общества или органа полицейской власти, подъ наблюдениемъ и попечениемъ коихъ онъ состоитъ, причемъ разрѣшеніе на отлучку выдается по уважительнымъ причинамъ на срокъ не свыше *одного мѣсяца*. Отлучки на болѣе продолжительное время, а также перемѣна условно-досрочно-освобожденнымъ мѣста житель-

срочно освобождены изъ заключенія или на основаніи коихъ присужденное судомъ наказаніе было сложено;

2 ст. Подъ покровительство общества принимаются:

2) условно - досрочно освобожденные

4) условно осужденные;

4 ст. Обязанности общества выражаются:

11) въ принятіи на себя надзора за условно - досрочно освобожденными изъ заключенія и за условно осужденными путемъ собиранія свѣдѣній о жизни и поведеніи ихъ;

12) въ сообщеніи подлежащимъ учрежденіямъ о нарушеніи указанными въ пунктѣ 11 лицами условій, на основаніи коихъ они были досрочно освобождены изъ заключенія или на основаніи коихъ присужденное наказаніе имъ было сложено;

34 ст. Къ обязанностямъ правленія относятся:

9) регистрація принимаемыхъ на попечение общества условно осужденныхъ и условно - досрочно освобожденныхъ и собираніе свѣдѣній объ ихъ поведеніи;

10) сообщеніе надлежащимъ учрежденіямъ о нарушеніи условій, на коихъ указаннымъ въ пунктѣ 9 лицамъ присужденное наказаніе отсрочено или совершенно сложено.

ства допускаются лишь съ разрѣшенія полицейской власти.

11. Если условно-досрочно-освобожденный въ теченіи срока условнаго освобожденія совершить какое-либо преступное дѣяніе или самовольно отлучится изъ занимаемаго имъ мѣста жительства или не явится въ таковое или же нарушить условія, на коихъ ему была предоставлена свобода (ст. 7), то условное досрочное освобожденіе можетъ быть отмѣнено.

Условное досрочное освобожденіе обязательно подлежитъ отмѣнѣ, если условно-досрочно-освобожденный будетъ присужденъ вступившимъ въ законную силу приговоромъ суда къ наказанію свыше ареста.

12. Условное досрочное освобожденіе отмѣняется: судомъ, постановляющимъ приговоръ о новомъ преступномъ дѣяніи условно-освобожденнаго, и мѣстнымъ мировымъ судьей въ остальныхъ случаяхъ.

13. Производство объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія, если поводомъ для сего не является учиненіе новаго преступнаго дѣянія, возбуждаютъ передъ мѣстнымъ мировымъ судьей: общество, имѣющее попеченіе и наблюденіе объ условно-досрочно-освобожденномъ, или органъ полицейской власти, съ указаніемъ на наличность приведенныхъ въ статьѣ 11 сихъ правилъ поводовъ къ такой отмѣнѣ. О днѣ разсмотрѣнія дѣла объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія судъ извѣщаетъ условно-освобожденнаго, въ случаѣ прибытія его или его повѣреннаго въ засѣданіе суда, они допускаются къ представленію словесныхъ объясненій. Въ исключительныхъ случаяхъ судъ можетъ признать явку условно-досрочно-освобожденнаго обязательной. Равнымъ образомъ вызываются лица, показанія которыхъ будутъ признаны судомъ полезными для выясненія вопроса о достаточности основаній къ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія и цѣлесообразности таковой.

14. Въ случаѣ совершенія условно-досрочно-освобожденнымъ отъ наказанія до истеченія положеннаго имъ судомъ срока условно-досрочнаго освобожденія новаго преступнаго дѣянія, влекущаго за собою наказаніе не ниже заключенія въ краткосрочной тюрьмѣ, мѣрою пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, можетъ быть избрано подле-

П. Н. Якоби. Проектъ Латвійскаго Уголовнаго Уложенія.

жащею судебною властью заключеніе подѣ стражею независимо отъ основаній, указанныхъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства.

15. Опредѣленіе суда по вопросу объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія не подлежитъ обжалованію и немедленно обращается къ исполненію на общемъ основаніи.

16. Опредѣляя объ отмѣнѣ условнаго досрочнаго освобожденія, вслѣдствіе вновь учиненнаго преступнаго дѣянія въ подлежащихъ случаяхъ судъ примѣняетъ правила о повтореніи преступныхъ дѣяній.

Приговаривая къ наказанію судъ постановляетъ, чтобы вновь назначенное наказаніе отбывалось дополнительно къ неотбытой части наказанія.

Въ подлежащихъ случаяхъ примѣняются правила о сложеніи наказаній (Угол. Улож. ст. 60).

17. Если въ теченіи срока условнаго досрочнаго освобожденія таковое не будетъ отмѣнено на основаніи статьи 11 сихъ правилъ, то опредѣленное судебнымъ приговоромъ наказаніе почитается отбытымъ со дня предоставленія условнаго досрочнаго освобожденія.

18. При условномъ досрочномъ освобожденіи — сроки дѣйствія постановленій объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія или перемѣны мѣста жительства исчисляются со времени условнаго досрочнаго освобожденія осужденнаго.

Основаніемъ къ изложеннымъ въ приложеніи къ 20 ст. Угол. Улож. правиламъ послужило постановленіе Временнаго Россійскаго Правительства отъ 1 Августа 1917 г. (Соб. Узак. ст. 1326), причемъ прежде всего возникъ вопросъ о томъ установленіи, къ вѣдѣнію котораго должно быть отнесено разрѣшеніе вопроса объ условно — досрочномъ освобожденіи. Однимъ членомъ Комиссіи было предложено, устранивъ вовсе мѣстныя административныя Комиссіи, установить для дѣлъ подобнаго рода одну инстанцію — распорядительное засѣданіе Окружнаго Суда,

Практика показала, что рѣшеніе вопроса о досрочномъ освобожденіи въ двухъ инстанціяхъ привела къ тому, что за скудостью матеріала для сознательнаго облегченія участи осужденнаго первая инстанція возлагала надежды на вторую, почему формально относилась къ поступавшимъ на ея разсмотрѣніе дѣламъ, а вторая инстанція также не вникала въ сущность вопроса, ссылаясь на состоявшееся уже постановленіе первой инстанціи, которой, будто бы, виднѣй, насколько осужденный заслуживаетъ освобожденіе. Весь во-

прось въ томъ, чтобы въ распорядительное засѣданіе суда поступалъ матеріаль въ видѣ кондуитныхъ свѣдѣній заключеннаго отъ тюремнаго начальства, копіи приговора, обвинительнаго акта или всего производства и т. д. Необходима по возможности и личная явка осужденнаго. Правила Временнаго Правительства были вызваны обширностью разстояній и отдаленностью мѣстъ заключенія отъ суда, какъ напр. въ Сибири.

Большинство же Комиссій нашло, что указанныя въ законѣ Врем. Правительства мѣстныя комиссіи въ состояніи болѣе удачно и справедливо разрѣшить этотъ вопросъ, нежели Окружный Судъ, который слишкомъ далеко стоитъ отъ мѣстныхъ условій и не такъ знакомъ ни съ личностью преступника, ни съ его преступленіемъ. Кромѣ того при разрѣшеніи этого вопроса необходимо принимать во вниманіе и то обстоятельство, что судъ въ настоящее время сильно перегруженъ работой и возлагать на него новую обязанность не слѣдовало бы. Имѣя однако въ виду, что проектируемыя мѣстныя комиссіи могутъ по обывательски мирволить однимъ заключеннымъ въ ущербъ другимъ, Комиссія рѣшила установить, что по дѣламъ подобнаго рода освобожденіе должно быть даваемо упомянутыми мѣстными комиссіями при непремѣнномъ согласіи лица Прокурорскаго надзора, какъ болѣе отдаленной отъ мѣстныхъ интересовъ безпристрастной власти, и въ случаѣ несогласія Прокурора дѣла по протесту послѣдняго могутъ быть перенесены въ Окружный Судъ.

Указанныя комиссіи предполагаются не при каждомъ мѣстѣ заключенія, но въ опредѣленныхъ городскихъ центрахъ.

Далѣе въ Комиссії возникъ вопросъ о необходимости предоставленія представителямъ адвокатуры права возбужденія вопроса объ условно — досрочномъ освобожденіи отъ наказанія заключенныхъ. Въ основѣ постановленія Російскаго Временнаго Правительства объ условномъ досрочномъ освобожденіи отъ наказанія лежало недовѣріе къ тюремной администраціи, прокуратурѣ и суду и стремленіе предоставить адвокатурѣ попеченіе объ осужденныхъ.

Для такого недовѣрія въ настоящее время въ Латвіи не должно быть мѣста и поэтому Комиссія сочла излишнимъ предоставленіе адвокатурѣ возбужденіе вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Для законности состава присутствія комиссіи по досрочному освобожденію была признана необходимой наличность предсѣдателя, начальника мѣста заключенія, какъ лица, болѣе чѣмъ кто либо другой знакомаго съ личностью осужденнаго, и представителя Прокуратуры, протестъ котораго можетъ задержать рѣшеніе комиссіи объ освобожденіи.

Защита интересовъ заключеннаго въ комиссіи предоставлена тому, кто возбуждаетъ вопросъ о его освобожденіи, допускать еще со стороны освобождаемаго — повѣреннаго

отъ адвокатуры было признано излишнимъ, ибо въ комиссіи состязаніе сторонъ не должно имѣть мѣсто, такъ какъ представители адвокатуры участвуютъ тамъ лишь въ качествѣ членовъ, а не защиты.

Въ постановленіи Временнаго Правительства имѣлась статья 6, гласившая:

«Условное освобожденіе предоставляется заключенному только тогда, если онъ выразитъ готовность подчиниться тѣмъ условіямъ пребыванія на свободѣ, которыя ему будутъ указаны комиссіей по освобожденію. Условія эти могутъ касаться воздержанія отъ учиненія новыхъ преступныхъ дѣяній, отъ порочнаго поведенія, угрожающаго общественной безопасности или порядку (какъ то — пьянство, тунеядство, общеніе съ порочными людьми и т. д.), и подчиненія лица такимъ мѣрамъ, которыя вызываются необходимостью правильного устройства попеченія и наблюденія за нимъ.»

Большинство Комиссіи сочло излишнимъ означенную статью и ограничилось лишь указаніемъ въ ст. 7 своего проекта, общимъ образомъ, на то, что «освобожденному объясняются условія, на основаніи коихъ онъ освобождается.»

Равнымъ образомъ большинствомъ Комиссіи была признана излишней статья 13 Постановленія Временнаго Правительства, гласившая, что «если, несмотря на учиненіе условно-освобожденнымъ преступнаго дѣянія, судъ не отмѣнитъ условнаго освобожденія, то, время, проведенное подъ стражей, не зачитывается въ срокъ, назначенный для наблюденія.»

По мнѣнію большинства Комиссіи, статья, гласящая о продленіи срока наблюденія въ случаѣ впаденія условно-освобожденнаго въ новое преступленіе, не послужившее однако основаніемъ къ отмѣнѣ условнаго освобожденія, на практикѣ вызоветъ только лишнюю переписку судебныхъ установленій.

Два же члена Комиссіи находили, что здѣсь продленіемъ наблюденія предполагается возможнымъ не отмѣнять условнаго освобожденія. Въ противномъ случаѣ условно освобожденнаго могла бы постигнуть худшая участь содержанія подъ стражей.

Напримѣръ — человѣкъ за два мѣсяца до истеченія срока наблюденія совершаетъ какое либо буйство и его берутъ подъ стражу, но при разбирательствѣ дѣла судъ находитъ слишкомъ жестокимъ въ данномъ случаѣ отмѣну условнаго освобожденія по предыдущей судимости и отпускаетъ его, не зачитывая лишь въ срокъ опредѣленнаго судомъ наблюденія, означеннаго въ 8 ст. правилъ, времени, проведеннаго подъ стражею.

При обсужденіи 12 ст. возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли дополнить эту статью постановленіемъ, что новый судъ, отмѣнившій условное освобожденіе, долженъ извѣстить объ этомъ установленіе, которымъ былъ постановленъ приго-

воръ объ условномъ освобожденіи даннаго лица. По этому поводу большинство Комиссіи нашло, что такое указаніе слѣдуетъ преподать судьямъ въ инструкціонномъ порядкѣ.

Въ общемъ правилѣ Комиссія сознательно **не указала**, что условное досрочное освобожденіе отмѣняется **тѣмъ же самымъ судомъ**, который постановилъ основной приговоръ, такъ какъ нравственная отвѣственность лежитъ на установленіи, постановившемъ досрочное освобожденіе. Въ постановленіи же объ условномъ осужденіи суду, постановившему о таковомъ, важно знать о послѣдствіяхъ своего условнаго приговора.

Вопросъ о томъ, что не слѣдуетъ ли, въ интересахъ правосудія, установить обязательность явки осужденнаго на засѣданіе по вопросу о досрочномъ освобожденіи, дабы избѣжать односторонняго освѣщенія обстоятельствъ дѣла, Комиссія разрѣшила въ томъ смыслѣ, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ явка досрочно освобожденнаго въ судъ можетъ быть признана судомъ обязательной, ибо обязательность явки влечетъ за собою приводъ, который въ большей мѣрѣ стѣснить права заинтересованнаго лица.

Въ виду того, что въ случаѣ обнаруженія новаго преступнаго дѣянія условно освобожденнымъ до фактической отмѣны постановленія о досрочномъ освобожденіи можетъ пройти значительный промежутокъ времени, Комиссія сочла цѣлесообразнымъ заимствовать изъ постановленія Россійскаго Временнаго Правительства объ отмѣнѣ ссылки отъ 26 Апрѣля 1917 г. (Собр. Узак. ст. 556) правило о томъ, что въ случаѣ совершенія условно — досрочно — освобожденнымъ отъ наказанія до истеченія положеннаго имъ судомъ срока новаго преступнаго дѣянія, влекушаго за собою наказаніе не ниже заключенія въ тюрьмѣ, мѣрою пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда можетъ быть избрано подлежащею судебною властью заключеніе подъ стражею независимо отъ основаній, указанныхъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства.

Наконецъ большинствомъ Комиссіи, вопреки мнѣнію одного члена, было признано излишнимъ изображенное во 2 ч. 19 ст. постановленія Временнаго Правительства отъ 1 Августа 1917 г. правило о томъ, что въ случаѣ, если въ теченіи срока условнаго освобожденія таковое не будетъ отмѣнено — сами собой **отпадаютъ ограниченія въ избраніи и перемѣнѣ мѣста жительства, установленныя закономъ, какъ послѣдствія преступныхъ дѣяній.**

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссіей, въ цѣляхъ избѣжанія какой либо недоговоренности, было признано необходимымъ въ видѣ особой 18 ст. постановить, что при условномъ досрочномъ освобожденіи сроки дѣйствія постановленій объ ограниченіяхъ въ правѣ избранія или перемѣны мѣста жительства исчисляются со дня условнаго досрочнаго освобожденія осужденнаго.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

Статей Латвійскаго Уголовнаго Уложенія и Уголовнаго Уложенія
1903 г.

Статьи Латвій- скаго Уголов- наго Уложенія.	Статьи Уголовнаго Уложенія 1903 г. (по изд. 1903 и 1909 г. г. и по прод. 1912 и 1913).	Статьи Латвій- скаго Уголов- наго Уложенія.	Статьи Уголовнаго Уложенія 1903 г. (по изд. 1903 и 1909 г. г. и по прод. 1912 и 1913).
1	1	28	30
2	2	29	31
3	3	30	32
4	4	31	33
5	5	32	34
6	6	33	35
7	9	34	36
8	10	35	37
9	11	36	38
10	12	37	39
11	13	38	40
12	14	39	41
13	16	40	42
14	18	41	43
15	20	42	44
16	3 ч. 18 и 3 ч. 20	43	45
17	Прим. 1 къ 16, Прим. 1 и 2 къ 18 и Прим. 1 къ 20	44	46
18	21	45	47
19	22	46	48
20	Прим. 4 къ 18, Прим. 2 къ 20 и 23	47	49
21 } 22 } 23 } 24 } 25 }	— — — — —	48	50
26	24	49	51
27	27	50	52
		51	53
		52	54
		53	55
		54	56
		55	57
		56	59
		57	60
		58	61
		59	62
		60	63
		61	64

Статьи Латвійскаго Уголовнаго Уложенія.	Статьи Уголовнаго Уложенія 1903 г. (по изд. 1903 и 1909 г. г. и по прод. 1912 и 1913).	Статьи Латвійскаго Уголовнаго Уложенія.	Статьи Уголовнаго Уложенія 1903 г. (по изд. 1903 и 1909 г. г. и по прод. 1912 и 1913).
62	новая —	99	111 и 111 ²
63 65	100	112, 112 ¹ , 113, 113 ¹
64 66	101	114
65 67	102	115
66 68	103	116
67 69	104	117
68 70	105	118
69 71	106	118 ¹
70 72	107	новая —
71 73	108	новая —
72	новая —	109	119
73 75	110	120
74 97	111	121
75	новая —	112	122
76 79	113	123
77 100	114	125
78 101	115	126
79 102	116	127
80 99	117	128
81 103 и 104	118	129
82 328 ⁹ } (Улож.	119	130, 131
83 328 ⁸ } о	120	132
84 328 ¹ } Нак.)	121	133
85	новая —	122	155
86 328 ³ } (Улож.	123	135
87	новая —	124	(Собр. Узак. 1917, ст. 1133)
88	новая —	125	136
89 328 ⁴ } (Улож.	126	137
90	новая —	Приложеніе I	— новое
91 328 ⁵ } (Улож.	Приложеніе II Прим. 1 къ 18 и 20
92 328 ⁶ } о	Приложеніе III (Собр. Узак. 1917 ст. 1326 и ст. 556 от. IV п. 12).
93 328 ⁷ } Нак.)		
94	новая —		
95 108		
96 110		
97 111 ¹ и 111 ⁴		
98	новая —		

СПРАВКА.

Изъ 126 ст. проекта—осталось безъ измѣненія 27 статей Угол. Улож. 1903 г.; измѣнено 71 ст.; введено новыхъ 28 ст. Исключено 47 ст. Угол. Улож. 1903 и Приложенія I—III сего Угол. Улож. (къ ст. 19, 73 и 74 изд. 1903 г.). Вновь спроектированы Приложенія: I—къ ст. 13 проекта (10 ст.); II—къ ст. 17 проекта (3 ст.) и III—къ ст. 20 проекта (18 ст.).

ИСТОЧНИКИ:

1. **Протоколы Комиссии по составлению Латвийского Уголовного Уложения.**
 2. **Уголовное Уложение 22 Марта 1903 г.** съ мотивами, извлеченными изъ объяснительной записки редакціонной Комиссии, представленія Мин. Юстиціи въ Государственный Совѣтъ и журналовъ — Особаго Совѣщанія, Особаго Присутствія Департаментовъ и Общаго Собранія Государственного Совѣта, а равно съ объясненіями къ дополнительнымъ узаконеніямъ и извлеченіями изъ рѣшеній Уголовнаго Кассационнаго Департамента и Общаго Собранія Правительствующаго Сената и Главнаго Военнаго Суда касательно введенныхъ въ дѣйствіе въ Россіи статей. По изданіямъ Н. С. Таганцева. Рига, книгоиздательство „Лета“ 1922 г.
 3. **Подлинныя Объяснительныя Записки къ Проекту Уголовнаго Уложения 1903 г.**
 4. **Объяснительная Записка къ работамъ по пересмотру Уголовнаго Уложения 1903 г.** въ цѣляхъ приспособленія его къ условіямъ современнаго государственнаго строя Латвіи съ текстомъ измѣненныхъ и вновь проектируемыхъ статей, а равно указаніемъ статей исключенныхъ. Изданіе Министерства Юстиціи. Рига, 1921 г.
 5. **Проектъ Германскаго Уложения 1919 г.**
 6. **Проектъ Итальянскаго Уложения 1921 г.**
 7. **Проектъ Дисциплинарнаго Устава.** Текстъ статей съ объяснительной къ нимъ запиской. Рига, Книгоиздательство „Лета“ 1922 г.
 8. **Подлинныя рѣшенія Россійскаго Сената.**
 9. **Амнистія 1917 г.** Коментированное изданіе. Петроградъ. Сенатская типографія 1917 г.
 10. **Журналъ (Россійскаго) Министерства Юстиціи.**
 11. **Русское Уголовное Право.** Лекціи Н. С. Таганцева, изд. 1902 г.
-

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Алкоголики — 59 *), 60.
Амнистія — 95.
Арестъ — 20, 35.

Б.

Безчинство, творимое изъ озор-
ства, — 87—90; во время бого-
служенія — 100; на мѣстѣ
погребенія — 106.
Благопріятствованіе непріятелю —
124.
Богохульство — 96, 97, 99, 100.
Бойкотъ выборовъ — 117.
Бунтъ — 108,

В.

Внушеніе при условномъ осужде-
ніи — 41, 43.
Военный судъ — 34, 35.
Войско — 131.
Вознагражденіе за убытки — 43, 45.
Возстановленіе правъ — 58.
Воспрепятствованіе: принятію желае-
маго вѣроисповѣданія — 107;
служащему исполнять рели-
гіозные обряды — 107.
Выборы — 115 — 122.
Вывѣдываніе Государственныхъ
тайнъ — 129.

Г.

Государственная служба — 57, 52.
Государственный строй. Посягатель-
ство на него — 137, 138, 144.

Д.

Давность посягательствъ противъ
избирательныхъ правъ — 122.
Денежная пеня — см. пеня.
Договоры — неисполненіе ихъ (ка-
сательно военной потреб-
ности) — 131.
Дозволенность вѣроисповѣданія —
96 — 97, 106 — 107.
Долгосрочная тюрьма — 15, 34, 35,
36, 37.
Домашній арестъ — 20.
Досрочное освобожденіе — см. ус-
ловное досрочное освобо-
жденіе.

З.

Законъ исключительнаго положенія —
33, 34.
Зачетъ — 38, 39, 80.

И.

Измѣна государственная — 123.

*) Цифра обозначаетъ страницу сборника.

Иностранцы — 133.
Исчисленіе сроковъ наказаній — 36, 37.
Иррегулярныя военныя силы — 133.

К.

Календарное исчисленіе — 36, 37.
Кандалы — 11, 12, 34, 86, 91, 92, 154 — 156.
Каторжная тюрьма — 8, 34, 35, 36, 37.
Кошунство — 96 — 97.
Крайняя необходимость — 71.
Краткосрочная тюрьма — 17, 35, 36, 37, 39, 82.
Крѣпость — 9, 15, 42.

Л.

Лечебница для алкоголиковъ — 59.
Лиходательство — 79.
Лишеніе правъ см. пораженіе правъ.
Лѣстница наказаній — 7 — 21.

М.

Малолѣтство — 66.
Мзодательство — 79.

Н.

Наблюденіе: за душевно - больными — 65 — 66; за осужденными — 39, 40, 44, 159, 160, 163.
Невмѣняемость — 65.
Неисполненіе воли умершаго о погребеніи — 105, 107.
Неосторожная измѣна — 127, 128.
Несовершеннолѣтніе — 66—70, 80—82.
Неуваженіе Верховной Власти — 136.
Ниспроверженіе госуд. строя — 109, 137, 144, 151.

О.

Образованіе обществъ — 141, 142.
Обратное дѣйствіе закона — 28—33.
Общественный строй — 137, 138, 144.
Оглашеніе госуд. тайнъ — 126, 127; неосторожное — 127, 128.
Ограниченіе права передвиженія — 60, 62, 162, 165.
Одинокое заключеніе — 12, 17, 34, 35, 157.
Озорство — 86 — 90.
Освидѣтельствованіе — 35, 155, 157.
Оскопленіе — 102, 106.
Оскорбленіе заочное (Президента) — 113.
Отлученіе отъ общенія — 116.
Отсрочка правопораженія — 39.

П.

Патронать — 44, 46, 159.
Пацифистическая пропаганда — 148.
Пеня — 46, 47, 83.
Побужденіе иностр. государства къ враждебнымъ дѣйствіямъ — 126.
Погребальный обрядъ — 99.
Погребеніе не по обрядамъ вѣроисповѣданія умершаго — 105, 107.
Погромъ — 140, 143.
Помилованіе — 95.
Помощь оружіемъ — 125.
Пораженіе правъ: — 47 — 58, 62; п. права передвиженія и жительства — 61 — 63, 165; п. права состоять на службѣ въ арміи и флотѣ — 54—57; п. правоспособности къ служебной и общественной дѣятельности — 54; п. приобрѣтенныхъ правъ — 47; п. правъ избирательныхъ — 53, 54, 121, 122; лишеніе духовнаго сана — 48, 49; лишеніе правъ семейственныхъ, наслѣдственныхъ и имущественныхъ — 49; лишеніе права на пенсію —

51, 52; ограниченіе права торговли — 60; утрата права выборки промысловыхъ свидѣтельствъ — 57.

Поруганіе умершаго — 105.

Посягательство на государственный строй — 109, 152.

Похороны — 99.

Праздность — 59.

Прекращеніе дѣла при добровольной уплатѣ пени — 94.

Привлеченіе военной опасности — 126.

Призывъ — 145, 147, 148.

Принудительныя работы — 13, 34, 35.

Принужденіе къ совершенію недозволенныхъ богослуженія или обряда — 107.

Промедленіе въ исполненіи договоровъ — 131.

Пропаганда: — 137, 145—149; анти-милитаристическая—148, 149; въ церкви — 104, 105, 119.

Пространство дѣйствія Угол. Уложенія — 21.

Публичность — 148.

Р.

Работы тюремныя — 13, 14, 35, 36.

Разглашеніе тайнъ государственныхъ — 126, 127.

Регистрація — 44, 159.

С.

Самовольное, самозванное священнодѣйствіе — 104.

Скопище — 139, 140, 141.

Служба государственная — 51, 52.

Смертная казнь — 7, 33, 34.

Смута — 117, 135.

Сношеніе съ иностран. государствомъ — 126.

Совращеніе: — 101 — 103; несовершеннолѣтняго однимъ изъ родителей или опекуномъ — 105, 107.

Соучастіе — 73 — 79.

Союзы — 142.

Способствованіе иностранному государству — 128.

Стачка — 143.

Т.

Тунеядство — 59.

Тюрьма — 8, 15, 17, 20, 82; долгосрочная—15, 34; каторжная—11; краткосрочная—17, 35, 82.

У.

Угрозы заочныя (Президенту) — 112, 113.

Удаленіе отъ должности — 36, 47, 60, 61, 90, 91.

Уничтоженіе доказательствъ правъ государственныхъ — 132.

Условное досрочное освобожденіе — 37 — 39, 158 — 165.

Условное осужденіе — 39 — 46, 159.

Ф.

Факультативность правопораженія—49, 50, 57, 58.

Х.

Хулиганство — 36, 43, 53, 58, 59, 86 — 90.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Статьи.	Стр.
	Введеніе		2 — 5
Глава	I. О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще.	1 — 70	6 — 95
	Отдѣленіе I. Положенія общія	1 — 3	6 — 21
	Отдѣленіе II. О пространствѣ дѣйствія Уго-		
	ловнаго Уложенія	4 — 12	21 — 33
	Отдѣленіе III. О наказаніяхъ	13 — 36	34 — 64
	Отдѣленіе IV. Объ условіяхъ вѣнненія и		
	преступности дѣяній	37 — 45	64 — 72
	Отдѣленіе V. О видахъ виновности	46 — 50	72 — 79
	Отдѣленіе VI. О смягченіи и замѣнѣ нака-		
	заній	51 — 56	80 — 84
	Отдѣленіе VII. Объ обстоятельствахъ, усили-		
	вающихъ отвѣтственность	57 — 65	84 — 93
	Отдѣленіе VIII. Объ обстоятельствахъ, устраи-		
	вающихъ наказуемость	66 — 70	93 — 95
Глава	II. О преступныхъ дѣяніяхъ противъ свободы со-		
	вѣсти и религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ и на-		
	рушенія покоя усопшихъ	71 — 76	96 — 107
Глава	III. О бунтѣ	77 — 81	108 — 113
Глава	IV. О воспрепятствованіи дѣятельности законодатель-		
	наго установленія	82 — 83	114
Глава	V. О нарушеніи свободы и правильности выборовъ		
	въ законодательное установленіе и въ учрежденія		
	самоуправленія, а также народнаго голосованія	84 — 94	115 — 122
Глава	VI. О государственной измѣнѣ	95 — 109	123 — 134
Глава	VII. О преступныхъ дѣяніяхъ противъ государствен-		
	наго спокойствія (о смутѣ)	110 — 122	135 — 150
Глава	VIII. О преступныхъ дѣяніяхъ противъ иностранныхъ		
	государствъ	123 — 126	151 — 153
Приложеніе I	(къ ст. 13) Правила о содержаніи въ кандалахъ приговоренныхъ		
	къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ		154 — 156
Приложеніе II	(къ ст. 17) объ освидѣтельствованіи содержащихся въ одиноч-		
	номъ заключеніи		157
Приложеніе III	(къ ст. 20) правила объ условномъ досрочномъ освобожденіи		
	отъ наказанія		158 — 165
Сравнительная таблица статей Латвійскаго Уголовнаго Уложенія и Уголовнаго			
	Уложенія 1903 г.		167 — 168
Источники			169
Предметный указатель			171 — 173

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр.:	Въ строкѣ:	Напечатано:	Должно быть:
3	1 снизу	законодательствъ	законодательства.
8	4 "	основилась	остановилась.
16	13 сверху	заставляющаго	заставляющимъ.
26	18 "	пи	пиі.
27	2 "	приняла	признала.
29	23 снизу (выноска)	мѣра	мѣра наказанія.
47	6 сверху	рѣшила	рѣшило.
54	3 "	послѣдующею	послѣдующую.
59	22 снизу	слова: „то онъ“ —	лишни.
63	10 "	присвоеніе	направленіе.
64	6 "	покушеніе	покушенія.
65	29 "	явленіе	явленія.
66	17 сверху	выздоровляютъ	выздоровливаютъ.
68	15 "	преслѣдуемая	преслѣдуемая.
83	21 снизу	оклонивъ	отклонивъ.
86	3 "	устрѣвшихъ	устарѣвшихъ.
92	19 сверху	, долгосрочнаго	досрочнаго.
94	13 "	почитається	погашается.
95	11 "	то,	то, что.
"	3 снизу	пришее	присущее.
110	13 "	(103)	(99)
"	8 "	(104)	(103)
127	13 " (выноска)	75 ²	275 ²
130	16 сверху	изготовленіемъ	заготовленіемъ.
139	14 "	ила	или
142	7 "	проектируемыхъ	проектируемымъ.

Д О В А В Л Е Н І Е.

(къ 91 ст.).

Статья 91 (на стр. 120) добавлена указаніемъ:

Покушеніе наказуемо.

Бауэръ, А. Р., Анализъ безконечно-малыхъ. Конспектъ дифференціального и интегрального исчисленій. Кратк.* повторительный курсъ высшей математики для учениковъ послѣдняго класса реальныхъ училищъ и для студентовъ техническихъ факультетовъ.	25 —
Бернштейнъ, Д-ръ Р. Г. Сборникъ упражненій по высшей математикѣ. Дифференціальное и интегральное исчисленіе. . . . 2 части	150 —
Вуковеній, В., Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ. 2 тома.	400 —
Вухгольдъ, Проф. А., Курсъ низшей геодезіи. Томъ I. Чтеніе плановъ. Прост. способы горизонтальн. и вертикальн. съемки (печат)..	— —
— Томъ II. Способы горизонтальной, вертикальн. и комбинированной съемки, разбивка кривыхъ, планиметры. Съ 120 рисунками	450 —
— Томъ III. Уравновѣшиваніе по способу меньшихъ квадратовъ. Съ рисунок.	150 —
Вухгольдъ, Проф. Ф. В., Таблицы для опредѣленія высшихъ растений. Применительно къ практическимъ занятіямъ студентовъ.	30 —
Геннигъ, Проф., Статика. Составленная по лекціямъ. 2-ое изд.	400 —
— Графическая статика. Составленная по лекціямъ.	100 —
— Техническая механика. II. ч. Статика упругихъ тѣлъ и динамика	90 —
— Гидравлика.	180 —
Глазенапъ, Проф. М., Микроскопія. Лекціи.	100 —
Грунскій, Проф. Н. К., Лекціи по древнему церковно - славянскому языку. 2-ое изд.	125 —
— Лекціи о педагогикѣ. Съ подробнымъ перечнемъ педагогической литературы. 2-ое изд.	150 —
Дальгъ, Проф. Т., Сборникъ задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. Съ отвѣтами и необходимыми основными теоретическими разъясненіями. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Нетто.	80 —
Зебергъ-Эльферфельдъ, П., Латинскій учебникъ по „Латинской книгѣ Гельма и Михаэлиса“. Дополнено и приспособлено къ преподаванію въ университетахъ, старшихъ классахъ реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій и для самообразованія. 2-ое изд.	150 —
Корицъ, I. Г., Курсъ органической химіи. I. часть.	165 —
— Курсъ химической технологіи. Стеклоанное производство. I. ч.	165 —
Луцъ, Проф. О. Г., Таблицы качественного анализа. Съ рисунками. 2-ое изправл. изданіе.	120 —
Медеръ, Проф. А., Высшая математика. Лекціи. 2-ое изд.	— —
Мейеръ, Проф. Р., Метеорологія для агрономовъ. Лекціи.	135 —
Миллеръ, А. О., Основы радіотехники. Учебникъ радіотелеграфіи и радіотелефоніи. Съ рисунками.	400 —
Моисеевъ, С. В., Санитарно-химическій анализъ питьевой воды для врачей, студентовъ, фармацевтовъ, сельск. хозяевъ и санитаровъ	85 —
Фишеръ, Проф. В. М., Аналитическая химія. Лекции, читанные в 1920 1 году в Латвійскомъ университетѣ	250 —
Центнершверъ, Проф. М., Практическое введеніе въ физическую химію и электрохимію. Съ иллюстр. 2-ое изданіе.	180 —
— Практикумъ по химіи для инженеровъ, механиковъ и архитекторовъ. С рисунок. 2-ое изданіе.	140 —
Якоби, Н. П. Латвійское Уголовное Уложеніе. Выпускъ I. (Общія положенія. Преступленія религіозныя и государственныя.) Рига 1923.	— —
Якоби, Проф. Э., Расчеты набережныхъ. Съ рисунок. 2-ое изд.	100 —